

Игорь БУНИЧ

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ХРОНИКА

«КНЯЗЬ СУВОРОВ»

Игорь БУНИЧ

**«КНЯЗЬ
СУВОРОВ»**

**ИСТОРИЧЕСКАЯ
ХРОНИКА**

*Суворов А.В. (1729-1800) –
генералиссимус русской армии,
граф Рымникский, князь Италийский, –
известный полководец
второй половины XVIII века*

"Князь Суворов" (ББ-16)

Водоизмещение: 13 516 т

Главные измерения: 121x23, 2x8 м

Скорость максимальная: 18 узлов

Вооружение: 4 – 12-миллиметровые

орудия в башнях,

12 – 6-миллиметровых орудий в шести
двухорудийных башнях,

20 – 75 мм, 20 – 47 мм и 2 – 37 мм

орудия, 2 надводных и 2 подводных ТА.

Мощность механизмов: 158 000 л.с.

Бронирование: Борта – 102-178 мм

Казематы – 76 мм

Башни -152-254 мм

Боевая рубка – 203 мм

Экипаж (штатный): 47 офицеров и 903 матроса

Тип: "Император Александр III" (Бородино)

Эскадренный броненосец "Князь Суворов" заложен 8 сентября 1901 г. на Балтийском заводе в Санкт-Петербурге. Строительство корабля, четвертого в серии, велось в рамках программы 1898 г. для нужд Дальнего Востока. Работами руководил корабельный инженер Аверин К.Я. Строился броненосец с учетом опыта, приобретенного при постройке двух предыдущих кораблей этого типа: были укорочены боковые кили, в дейдвуде уже не делали треугольное отверстие для улучшения поворотливости, была несколько изменена система бронирования. Броню для корабля отлили на Обуховском заводе, машинную установку выполнили на Балтийском заводе, башенные артиллерийские установки главного и вспомогательного калибров на Путиловском заводе. Вертикальная броня была заказана заводу Карнего на сумму 224 901 руб.

25 сентября 1902 г. эскадренный броненосец «Князь Суворов» был спущен на воду и отбуксирован к достроечной стенке завода.

В 1903 г., когда отношения с Японией стали весьма напряженными, администрация завода запросила Морское Ведомство, следует ли форсировать работы на строящихся кораблях. Ответ гласил, что на форсирование работ средств нет, и их надо вести согласно плану. Балтийский завод, как всегда, работал быстро и качественно, но график работ срывали контрагенты, еще недостаточно освоившие лицензионную технологию сложного литья стали и производства сложных артиллерийских систем. Даже начало войны с Японией не ускорило темпов строительства, поскольку считалось, что на Дальнем Востоке достаточно сил, чтобы свернуть шею «косорылым желтым макакам». Патриотические демонстрации под лозунгом: «Мир заключен будет только в Токио!», взрыв шапкозакидательского национализма и полное пренебрежение к противнику под плавные «Боже, царя храни», героические оратории из «Ивана Сусанина» («Жизнь за Царя») и «1812-го года» — все это было характерно для первой недели после сообщения о нападении японцев на русскую эскадру в Порт-Артуре.

Однако сообщения о первых удачах сменялись сообщениями о первых поражениях, число которых росло вместе с числом погибших кораблей.

5 марта 1904 г. стоявший у достроечной стенки Балтийского завода «Князь Суворов» неожиданно посетил Царь, прибывший с многочисленной свитой. Николай осмотрел корабль, на котором заканчивался монтаж машины и котлов, но не было еще ни артиллерии вспомогательных калибров, ни торпедных аппаратов, ни навигационного оборудования, ни многого другого, и попросил ускорить строительство броненосца. Администрация завода, ссылаясь на Высочайшее повеление, затребовала необходимые средства у Морского Ведомства. Средств не оказалось. Русские рабочие даже в военное время не желали работать сверхурочно бесplatно, а поднимать энтузиазм масс с

помощью лозунгов тогда еще не умели... Между тем сообщения с театра военных действий становились все мрачнее. В грохоте взрыва броненосца «Петропавловский» рассеялись последние надежды на чудо с объединенной помощью Николая Угодника и адмирала Макарова.

Первым поднял вопрос о необходимости усилить Тихоокеанскую эскадру назначенный после гибели адмирала Макарова командующим адмирал Скрыдлов, представив по этому вопросу 8 апреля 1904 г. всеподданнейший доклад. Адмирал Скрыдлов отбыл на Дальний Восток, но в Порт-Артур уже не попал, поскольку тот к этому времени был блокирован с суши. И хотя адмиралу обещали, что выдадут «экстренные наряды» на достройку кораблей, никакого оживления работ на Балтийском заводе в апреле еще не наблюдалось.

В мае 1904 г. «Князь Суворов» был отбуксирован из Санкт-Петербурга в Кронштадт для окончательной достройки и испытаний. Рабочих Балтийского завода, на содержание которых в Кронштадте не было средств, каждый день доставляли на броненосец буксирными пароходами из Петербурга, а вечером отвозили обратно. Пока «Суворов» достраивался, дела на Дальнем Востоке пошли хуже некуда. Назначенный командовать 2-й эскадрой свиты Его Величества контр-адмирал З.П.Рожественский крушил на совещаниях оппонентов, выражавших сомнение в целесообразности отправки новой эскадры на Дальний Восток. Рожественский имел высокий авторитет как в морских, так и в придворных кругах. Командуя в свое время учебно-артиллерийским отрядом, он в присутствии Царя и кайзера Вильгельма устроил такие показательные стрельбы, что кайзер, не стесняясь присутствия Тирпица, сказал Николаю, что был бы счастлив иметь такого адмирала, как Рожественский, на своей службе. Слабовольный Николай очень ценил советы «кузена Вилли» и сделал Рожественского начальником Главного Морского Штаба. Когда же встал вопрос о снаряжении новой эскадры на помощь Порт-Артуру, Рожественский в буквальном смысле слова напросился в

командующие этой эскадрой. Его назначение одобрили Царь, общественность и личный состав флота, включая матросов, которые собирали нечто вроде стихийных митингов и кричали: «Хотим Зиновия!» Участник русско-турецкой войны 1877 г. и героического боя «Весты», Зиновий Павлович Рождественский был опытейшим моряком, отличным артиллеристом и прекрасным организатором. Найти лучшую кандидатуру на эту должность вряд ли было возможно, несмотря на то, что адмиралов в русском флоте было больше, чем кораблей. Своим флагманским кораблем Рождественский выбрал «Князь Суворов», который по результатам первых испытаний оказался по многим параметрам лучше и надежнее других кораблей этого типа.

1 августа 1904 г. адмирал Рождественский поднял свой флаг на броненосце «Суворов», который официально еще в строй не вошел, поскольку не завершились приемо-сдаточные испытания. В это время в Петербург пришло известие о бое 28 июля в Желтом море при попытке 1-й Тихоокеанской эскадры (как ее стали называть, поскольку на помощь ей снаряжалась вторая эскадра) прорваться из блокированного Порт-Артура. Эскадра частично была загнана противником обратно в Порт-Артур, а частично рассеяна по нейтральным портам и потеряла при этом крейсер и миноносец.

1 августа 1904 г. в Петергофе состоялось совещание с участием двух флотских Великих князей Алексея Александровича и Александра Михайловича, Управляющего Морским Министерством адмирала Авелана, Управляющего Военным Министерством генерала Сахарова, командующего эскадрой контр-адмирала Рождественского и Министра иностранных дел графа Ламздорфа. На совещании был окончательно определен состав и маршрут эскадры, ее потребности в угле и запасах, высказано требование о присылке во Владивосток по железной дороге, помимо необходимого для такого количества кораблей запасов и снаряжения, 50 миноносцев и подводных лодок в разобранном виде... Между тем «Суворов» вышел в море для пробы механизмов, дав 18,2 узла. Он также обстрелял баш-

ни, проверил свою устойчивость и крен циркуляции. Результаты испытаний были признаны вполне удовлетворительными. Балтийский завод оказался на высоте, подтвердив свою репутацию лучшего кораблестроительного предприятия России.

18 августа 1904 г. эскадренный броненосец «Князь Суворов» был освящен и вступил в строй под командованием капитана 1-го ранга Игнациуса. Общая стоимость постройки составила 13 840 804 рубля.

Подняв флаг и вымпел, «Князь Суворов» вышел на Большой Кронштадтский рейд. На корабль переселился штаб Рожественского, осуществлявший с борта броненосца подготовку эскадры к походу. На «Суворове» продолжались разные мелкие доделки, портовые буксиры ежедневно доставляли на броненосец рабочих Балтийского завода. На броненосец принимались из порта все виды боевого снаряжения, опустошались кронштадтские магазины и склады. Еще много лет кронштадтские интенданты будут списывать на 2-ю эскадру все недостатки, а подрядчики флота с грустью вспоминать те многомиллионные прибыли, которые они нажили на этой трагической и бесславной авантюре. Флагманский интендант эскадры капитан 2-го ранга Витте, который за недостатком места на «Суворове» жил (и умер) на «Бородино», много бы мог порассказать, если бы остался жив...

Работы, связанные с достройкой броненосца, и работы, связанные с подготовкой к походу через три океана, велись параллельно, изматывая личный состав. Этот период жизни на «Суворове» хорошо описан в письмах инженера-механика Федюшина, который попал на броненосец после окончания Московского технического училища в конце июня 1904 г.: «Потребовалось две недели, чтобы вполне ознакомиться и усвоить себе расположение всех частей на броненосце. Первые дни я ходил, как в лесу. Хочу пройти в одно помещение, попадаю в другое. В настоящее время мы стоим еще в гавани... Через месяц я буду произведен в инженер-механики флота и определен на действительную службу... Жалование буду получать 118 рублей (вместо 48 рублей, как теперь), а в заграничном пла-

вании 187 рублей. Там увижу много интересного, побываю в тех местах, о которых приходилось так много читать... Жизнь на корабле здесь довольно приятна, если не обращать внимания на постоянный стук, который не прекращается и днем и ночью.

С достройкой спешат, поэтому работа идет непрерывно. У меня своя каюта. К моим услугам — вестовой. Стол великолепный: завтрак из двух блюд, обед из четырех. Окружающие меня офицеры — народ симпатичный. На «Суворове» сейчас семь инженеров-механиков...»

Попавший на флот из разночинной нужды Павел Федюшин как ребенок радуется вестовому, столу кают-компании и возможности повидать экзотические заморские страны. Его радость и оптимизм совершенно искренни. Даже круглосуточный грохот пневматических молотков и чеканов скромный и трудолюбивый гражданский инженер нежно называет «стуком». А бледный призрак собственной ужасной гибели еще так далек и совсем не виден с Кронштадтского рейда. В июле Федюшин пишет: «Командир пристроил меня к приемке угля. После погрузки 5000 пудов из блондина я превратился в брюнета. На днях предстоит погрузить 40 000 пудов, и тогда я превращусь, по всей вероятности, в негра... Мне поручено составить схему парового отопления, и она впоследствии должна перейти в мое заведование. Кроме того, буду заведовать паровыми катерами: их у нас четыре, два мишных и два пассажирских. Все они, как игрушки, будут расставлены на палубе... Я очень доволен, что поступил на флот. Другие инженеры здешние много плавали и рассказывают массу всего интересного об Японии, Артуре, китайских портах. И все это я увижу!.. Работать приходится очень много. Познакомился с вахтами на «Суворове», выходили в море для пробы машины и орудий. Во время хода в машинном отделении вверху температура доходила до 50 градусов. Пробыть на вахте 4 часа подряд — не легкое дело. На пробе узнали, что такое залп из 12-дюймового орудия. Одного мичмана уже оглушило. Заряд для такого выстрела стоит около 500 рублей. Интересная вещьца тоже пулемет, делающий 400 выстрелов в минуту. У нас много всякого

вооружения и между прочим 4 минных аппарата. Каждая мина стоит 3 500 рублей. Весь наш броненосец обошелся в 13,5 миллионов рублей. Кроме того, мы повезем с собою разных боевых припасов на миллионы. И все это еще малая доля тех расходов, которые связаны с войной...»

7 августа 1904 г.: «С 1 августа Рождественский живет на нашем броненосце. Это очень суровый и свирепый господин. Что ни день, то новый арест для кого-нибудь из офицеров, и за самые ничтожные пустяки. Его зовут здесь (не хорошо). Человек он очень нервный. Когда говорит, сильно волнуется. 1 августа он говорил речь матросам так нервно, и вместе с тем так увлекательно, что у всех на лице была полная готовность умереть, если понадобится, за Царя и Родину...»

А между тем «суровый и свирепый господин» Рождественский имел все основания быть повышенно нервным, поскольку начинал понимать, в какую авантюру втравил он сам себя, променяв кабинет в Адмиралтействе на флагманский мостик «Суворова». Чуть не ежедневно МТК услужливо предоставлял материалы, свидетельствующие о дефектном состоянии различных кораблей эскадры. Корабли, составляющие главные силы эскадры, могли перевернуться на волнении задолго до встречи с противником. Боевая подготовка эскадры была в рудиментарном состоянии. При одном из выходов из Кронштадта с «Суворова» был дан приказ кораблям показать свое место. Корабли дали результаты с разницей в 100 миль. В своем приказе № 62 адмирал Рождественский оценил состояние корабельной службы на своем флагманском броненосце «Князь Суворов»: «Сегодня в 2 часа ночи я приказал вахтенному офицеру пробить отражение минной атаки. Через восемь минут после сигнала тревоги не было еще никаких признаков какой-либо подготовки к отражению атаки: команда и офицеры спокойно спали. Только несколько человек вахтенных с большим трудом удалось вытащить с коек, да и они не знали, что делать и куда идти по тревоге. Ни один прожектор включен не был, минного офицера разыскать не удалось...»

Ясно сознавая, что стоянка в Кронштадте может затянуться из-за мелких работ на неопределенное время, адмирал решил перейти с эскадрой в Ревель, а все недопринятое эскадрой погрузить на транспорты. В Ревеле Рождественский рассчитывал обратить главное внимание на боевую подготовку эскадры...

29 августа в 09.00 «Князь Суворов» под флагом адмирала Рождественского вывел эскадру из Кронштадта и повел в Ревель. У Толбухина маяка эскадру обогнала яхта «Царевна» под флагом Императора, которая, пожелав эскадре счастливого плавания, изъявила ей сигналом свое особое удовольствие. 30 августа в 07.00 «Князь Суворов» привел эскадру на Ревельский рейд. В этот же день на броненосце была отслужена обедня по случаю первого перехода. Эскадра приступила к программе интенсивной подготовки.

5 сентября 1904 г. на «Суворове» произошла авария в машине. Минный офицер лейтенант Петр Вырубов в письме от 6 сентября писал своему отцу: «Ревель. «Князь Суворов». Наконец-то я улучил свободную минуту, чтобы написать вам, и то только благодаря тому, что у нас случилось небольшое повреждение в машине. Адмирал перенес флаг на «Александр III» и ушел с эскадрой в море на эволюции. Чтобы вы имели представление о здешнем режиме, опишу по порядку один день, например 6 сентября, сравнительно легкий, вдобавок с моей пропускной вахтой, следовательно относительно свободный. С 6 часов утра мы вылавливаем мины заграждения. На это учение, впрочем, я случайно не попал, так как пошел старший минный офицер, моя же служба началась с 8 часов утра, когда я пошел стрелять минами с минного катера, провозился с ним до 11 часов, в одиннадцать пообедал и немедленно отправился к подводным минным аппаратам готовить мины, чем и занимался до двух часов. В два часа эскадра снялась с якоря и пошла в море на стрельбу из пушек и минами, окончили к 6-ти. В шесть-обед, который прерывался три раза авралами и кончился только в девятом часу. В 8 часов 30 минут была назначена боевая стрельба по щиту,

который я должен освещать фонарями, но пошел туман, мы зря проболтались около часу и щита не нашли. С 9 часов 40 минут обыденное освещение прожекторами по расписанию. В этом роде изо дня в день. Часто дни выдаются много труднее. К этому надо прибавить, что на вахту теперь поставлены исключительно лейтенанты, что дают через пять дней один свободный от вахты, что свободно от учений одно только воскресенье, и то относительно, что в 7 часов вечера прекращается не только сообщение с берегом, но и судов между собою. Всякое движение по рейду, а также и всякую шлюпку, не показавшую опознавательного сигнала, часовые по второму оклику обстреливают. Частные пароходы и суда останавливаются далеко в море дозорными судами. Если вы себе все это представляете, то будете иметь некоторое понятие, почему мне до сих пор не удавалось вам написать... Сколько мы будем стоять в Ревеле, не знаю. Говорят, 20-го нам будет Царский смотр. Вообще, вопрос с нашим уходом решен, говорят, так: при первых удачных действиях Куропаткина мы выходим немедленно и идем в Артур, если же таких вестей не будет, то выходим с расчетом прийти во Владивосток к открытию навигации...»

Назначенный в последний момент на «Суворов» флагманским корабельным инженером, Политовский еще не пришел в себя от этой неожиданности. Ему совершенно не хотелось идти в поход. В одном из первых писем к горячо любимой жене он писал из Ревеля: «Какая тоска. Нигде не могу найти себе места... работая на «Бородине», я все тешил себя мыслью об отдыхе, об отпуске. «Бородино» окончено. Теперь бы я был уже свободен, жил дома, с женой. А тут? Эх, судьба! Думается мне, что не вернуться обратно. Кстати, предшественник, который жил в моей каюте, помещался и был списан. Его каюту занял я. Это хоть суеверие, а все-таки неприятно...»

Командир эскадренного броненосца «Князь Суворов» В.В.Игначиус сидел у себя в салоне за мольбертом. Один из наиболее опытных командиров в русском флоте, он был талантливейшим художником-маринистом. Его акварельный альбом «Русский флот»

выдержал несколько роскошных изданий. В память погибших в войне с Японией русских моряков он вызвался написать для церкви, задуманной как морской вариант храма «Христа Спасителя» в Москве, несколько морских картин и икон, обещая переслать их в Петербург с возвращающимися в Россию транспортами. Командир «Суворова» с помощью одного матроса из профессиональных иконописцев все свободное время с увлечением работал над этими картинами и иконами. Капитан 1-го ранга Игнациус принадлежал к числу самых убежденных сторонников того мнения, что затеянный поход — это отчаянная авантюра, успех которой зависит исключительно от степени содействия Николы Угодника и прочих сил небесных. Отлично зная тактику японцев всю силу своего огня сосредоточивать на флагманском корабле противника, командир «Суворова» отлично понимал, что в решительном бою его корабль и он сам обречены на верную гибель. Но, приняв эту неизбежность, он уже ни на минуту не терял своего жизнерадостного и бодрого настроения, шутил, острил, живо интересовался мелочами корабельной жизни и матросского обихода, став хорошим противовесом суровому и вспыльчивому адмиралу Рожественскому. Беда была только в том, что в русском флоте, несмотря на то, что он существовал 200 лет, очень плохо соблюдалась частность, предусматривавшая, что адмирал не должен вмешиваться в дела корабля, на котором держит флаг. Рожественский, не обладавший особым тактом, задержал многих командиров, и прежде всего Игнациуса, командуя подчас одновременно и эскадрой и «Суворовым», вмешиваясь через голову командира во многие мелочи корабельной жизни. Тут надо заметить, что на кораблях русского флота не были предусмотрены какие-либо флагманские посты управления. Флагманские и корабельные специалисты работали в одних и тех же рубках, теснились на одних и тех же мостиках, в боевой рубке, мешая работе друг друга...

17 сентября эскадру начали посещать высочайшие особы. Первой прибыла вдовствующая Императрица, Государыня-мать Мария Федоровна. Затем приехали

Великая княгиня Ольга Александровна и греческая королева Ольга Константиновна. А 26 сентября эскадре был дан Высочайший смотр. Корреспондент газеты «Русь» передавал из Ревеля: «Государь Император, в сопровождении Его Императорского Высочества генерал-адмирала, изволил с яхты «Штандарт» на паровом катере подойти ко второй Тихоокеанской эскадре и посетить броненосцы: «Ослябя», «Орел», «Бородино» и «Император Александр Третий». По осмотре каждого из судов Его Императорское Величество обращался к собранной на трапах команде с милостивыми словами, выражая уверенность, что, когда настанет время, они так же доблестно послужат Отечеству, как послужили их боевые товарищи на Дальнем Востоке и отомстят за «Варяга» и «Корейца», одолев дерзкого врага, нарушившего спокойствие матушки-России. Поблагодарив команды за службу и пожелав им счастливого плавания и благополучного возвращения, Государь Император обращался с милостивыми словами к офицерам. После сего Его Императорское Величество изволил проследовать на броненосец «Князь Суворов», откуда смотрел взрыв подводных мин. В 8 часов вечера на «Суворове» состоялся обед, к которому были приглашены все командиры стоящих на рейде судов».

28 сентября по сигналу с «Суворова» эскадра покинула Ревельский рейд и пришла в Либаву, подойдя в полдень 29 сентября к либавскому плавмаюку. Корабли по одному стали входить в аванпорт. Стояла ненастная осенняя погода, моросил дождь, мелкий, как водяная пыль. Дул сильный ветер. На всех кораблях шла подготовка к выходу в открытый океан. На «Суворова» стали поступать сведения, что прибывшие в Швецию японские морские офицеры, дали публично страшную клятву уничтожить все русские корабли еще на Балтике. Пока дипломатические и разведывательные источники передавали на флагманский корабль смутную информацию о коварных замыслах японцев, он чуть не погиб в Либавском порту. 30 сентября ветер и волны сорвали «Суворова» с мертвого якоря вместе с бочкой, за которую был закреплен его ста-

новый канат. Броненосец понесло через весь аванпорт. Он успел отдать якорь и с его помощью временно задержаться. Подоспели портовые буксиры и перевели флагманский корабль в более безопасное место. Если бы помощь не прибыла вовремя, «Князь Суворов» был бы выброшен на мол и распорол бы себе днище, а в русской истории не было бы кроваво-позорного пятна Цусимы. Адмирал Рожественский приказал вывести броненосцы из порта в открытое море за шлюв маяк, несмотря на возможную угрозу атаки миноносцев противника. Корабли продолжали принимать необходимое в океанском походе снаряжение. На «Суворове» изучали секретные депеши от русских консулов в Дании, Швеции, предупреждающих о возможности развертывания строящихся в Англии японских миноносцев в Датских проливах и в Северном море на пути эскадры. Не исключалась также возможность минирования японцами проливов. Уточнялись последние данные о взаимодействии с немецкими угольщиками «Гамбург-Американской линии», которые должны были снабжать эскадру углем на всем ее пути. Выяснялись способы доставки корреспонденции на корабли эскадры.

30 сентября прибыл в Либаву и переехал на броненосец «Князь Суворов» бежавший из Сайгона старший офицер интернированного крейсера «Диана», капитан 2-го ранга И.В.Семенов. Доблестный боевой офицер и талантливый писатель, Владимир Иванович Семенов был настоящим героем этой роковой войны. Прекрасно образованный, он знал несколько иностранных языков, включая японский и китайский. Много плавая в дальневосточных водах, Семенов участвовал также и в исследовательских работах на Енисее, Лене и Амуре, описав быт и нравы местных кочевых племен. До начала русско-японской войны он был флаг-офицером адмирала С.О.Макарова. С началом войны он выехал в Порт-Артур, получив назначение на крейсер «Боярин», который погиб на собственных минах еще до приезда Семенова. Семенов командовал миноносцем в Порт-Артуре, был старшим офицером на транспорте «Ангара», а затем — на крейсере «Диана». После боя 28 июля «Диана» пришла в Сайгон, где была

интернирована. Однако неугомонный Семенов, переодевшись в штатское, бежал из Сайгона и, проехав полсвета, ежеминутно рискуя быть арестованным французскими и английскими властями, сумел через Марсель, Париж и Берлин добраться до Либавы, обуреваемый только одним желанием — сразиться с врагом, участвовать в этой войне до конца. Он не хуже, а, скорее всего, даже лучше других понимал, какая судьба ждет «Суворова», если не удастся избежать боя. Он прекрасно знал, что сам он, будучи интернированным, не имеет права даже на статус военнопленного. Он стал единственным старшим офицером русского флота, участвовавшим в бою 28 июля в Желтом море и в Цусиме. Однако его богатейший боевой опыт не был использован. Оклеветанный Семенов был вынужден уйти со службы. Его трилогия «Расплата», в полном смысле написанная кровью, выдержала несколько прижизненных изданий и была переведена на все европейские языки...

А пока, прибыв на «Суворов», капитан 2-го ранга Семенов представился адмиралу Рожественскому, с которым был знаком по прошлой службе, как и с большинством офицеров флагманского корабля. Лейтенант Вырубов писал из Либавы: «2 октября 1904 г. Либава. «Князь Суворов». Сегодня в 8 часов утра мы, наконец, идем на Восток. Что выйдет из этого беспрецедентного в истории предприятия, покажет будущее. Даст Бог, доберемся до Того и сведем с ним счеты. У нас только что прожил три дня подполковник Меллер, ушедший из Артура на миноносце «Решительный», а сегодня явился капитан 2-го ранга Семенов, старший офицер «Дианы». Оба они рассказывают массу интересного: по их словам, в Артуре совсем не так плохо, как мы думаем. Писать мне можно по следующим адресам: 1) Санкт-Петербург, портовая контора, Его Превосходительству Филиппу Александровичу Дегтереву для передачи на 2-ю эскадру Тихого океана, или 2) Одесса, «Торговый дом Гинзбурга и К». Адресуя Гинзбургу, надо письма обязательно отправлять в двойном конверте: на внешнем вышеуказанный адрес, а на внутреннем только «Петру Александровичу Вырубову» без всякого обозначения. Самый же адрес «2-я эскад-

ра Тихого океана, броненосец «Князь Суворов» следует писать на отдельной бумажке, которую и приклеить одним уголком ко внутреннему конверту, чтобы ее легко можно было оторвать. Такой способ отправления рекомендован штабом эскадры и имеет свои основания. Через Дегтерева можно посылать и посылки. Писать с эскадры можно что угодно: письма не цензурируются, не разрешено только получать письма помимо вышеуказанных посредников. Настроение на эскадре прекрасное. С уходом за границу наша каторжная служба получает известную цель...»

1 октября перед спуском флага, по сигналу с «Суворова» все броненосцы, стоя на рейде в открытом море, откинули противоминные сети, готовые в любой момент отразить внезапную атаку миноносцев противника. На «Суворове» состоялся молебен с коленопреклонением за «боярина Зиновия и дружину его», а затем — всенощная. На рейде угрюмо шумело море и катило мимо кораблей вспененные валы... Утром 2 октября «Князь Суворов» вывел эскадру в открытое море. Погода свежела. Начались поломки на различных кораблях. Ночью со 2-го на 3-е октября были приняты все меры для отражения возможного нападения миноносцев противника. Орудия были заряжены. Миноносцы отгоняли от курса эскадры все встречные суда. 4 октября «Суворов» привел эскадру к острову Лангеланд. Эскадра встала на якорь у маяка Факкебирг, пережидая шторм. Находящийся у острова датский крейсер «Хеймдаль» салютовал флагу командующего; а на «Суворова» прибыл датский офицер, которому сообщили, что эскадра останется здесь день или два в ожидании лучшей погоды. Костенко вспоминает: «С «Суворова» из штаба доходят сведения, что адмирал с берега получил ряд новых предупреждений о готовящихся нападениях на нашу эскадру в узких проливах на пути из Балтики в Северное море. Возможна атака миноносцев, подводных лодок и даже торговых судов, вооруженных минными аппаратами. Для этих покушений пустынные фиорды шведских и норвежских берегов располагают удобными закрытыми стоянками. При благосклонном содействии союзной

Англии, при недоброжелательном к нам нейтралитете Швеции и сомнительном отношении Норвегии в этих водах можно ожидать всего. Нужны только деньги и решительные, предприимчивые исполнители... А на эскадре по-прежнему царит ужасная бестолковщина: приказы адмирала остаются неизвестными кораблям, его телеграммы многими аппаратами не принимаются из-за неисправности. Какие-то неизвестные пароходы под иностранными флагами и с неведомыми грузами подходят не к тем кораблям, к которым назначены штабом... Со снаряжением эскадры кое-как справились. Теперь на передний план выдвинулась задача: организовать ее, обучить и правильно использовать по назначению. Успешность осуществления этой задачи прежде всего зависит от личных качеств, талантов и способностей командующего эскадрой. На него возлагаются все упования и последние надежды. Эскадра покидала Кронштадт полная веры в своего командующего. Каждое его слово принималось как откровение, а его приказы, резкости и причуды — как свидетельство его исключительной одаренности... Судя по рассказам офицеров с «Суворова», у них на флагманском корабле вследствие присутствия адмирала натянутая и даже тяжелая атмосфера. Личный состав флагманского корабля резко разделился на два обособленных лагеря: на штабных и судовых офицеров. Рождественский уже успел внушить к себе страх: даже командиры кораблей трепещут перед его сигналами. Хотя авторитет его пока бесприкословен и никем не подвергается сомнению, но чувствуется, что вырастает какая-то стена между командующим и его подчиненными. А между тем корабли укомплектованы лучшими командирами с большим опытом, прекрасными специалистами и кадрами молодежи, готовой на любой труд, лишения и подвиги...»

Прекрасными специалистами был укомплектован и штаб Рождественского. Начальником штаба был капитан 1-го ранга Клапье-де-Колонг. Это был исключительно вежливый (даже с матросами) человек, опытный моряк с огромной эрудицией. Флагманский штурман полковник Филипповский обладал громадным опытом, проплавав всю жизнь в океанах, в том числе

и на Дальнем Востоке. Флагманский артиллерист подполковник Берсенев даже по характеристике не очень жаловавшего офицеров Новикова-Прибоя, отвечал, как специалист, современным требованиям знаний. Это был честный офицер и дело свое знал хорошо». Флагманский минер лейтенант Леонтьев был известен своими научными трудами в области судовой электротехники и зарождающейся радиосвязи. Это был прекрасный, влюбленный в свое дело специалист. Флагманский корабельный инженер Политовский, как говорится, собственными руками строил корабли типа «Бородино», зная на них каждую заклепку. Во время похода, с его бесчисленными поломками и авариями, Политовский, как водовоз на пожаре, носился с корабля на корабль, руководя работами по устранению повреждений. В штаб был зачислен и капитан 2-го ранга Семенов, неофициально занимая должность начальника военно-морского отдела. Огромными знаниями обладал и старший флаг-офицер адмирала, артиллерист по специальности, лейтенант Свенторжецкий. Наряду со знанием своего дела и опытносью, он обладал еще и твердым характером и умел отстаивать свою точку зрения перед Рождественским. Этим качеством кроме него обладал, к сожалению, еще только Семенов. Флаг-офицер лейтенант Кржижановский, юнкер Максимов и несколько писарей ведали штабной канцелярией. К сожалению, автору неизвестна характеристика флагманского инженера-механика Обнорского, но надо думать, что по знанию своего дела он не уступал другим флагманским специалистам штаба Рождественского.

5 октября штаб Рождественского поздравил флагманского корабельного инженера Политовского с награждением орденом св.Анны. В тот же день, погрузив уголь, «Суворов» повел эскадру через Датский пролив (владельцы датских пароходов, которым помяли борта при погрузке угля, предъявили Рождественскому счет на 6000 рублей). 7 октября, пройдя благополучно проливы, эскадра встала на якорь у мыса Скаген (в этот день пришла телеграмма, что контр-адмирал Рождественский произведен в вице-адмиралы с пожалованием

звания генерал-адъютант). На «Суворове» уже готовились поднять сигнал о начале погрузки угля, как к флагманскому броненосцу подошел пароход, зафрахтованный Морским Министерством, и передал сообщение от русского вице-консула в Фредериксгафене, что в море держатся четыре подозрительных миноносца без флагов. Затем к «Суворову» подошел шведский пароход, держа сигнал, что имеет важные депеши. Один из русских агентов докладывал, что из фиордов вышел трехмачтовый барк весьма подозрительного вида. Все эти известия были переданы адмиралу в такой форме и с такими подробностями, что он решил не оставаться ночью на якоре, отменить погрузку угля и следовать дальше. В это же время «Наварин» и «Нахимов» вместе донесли, что видят два воздушных шара. На «Суворове» царила напряженная атмосфера. Сотни глаз всматривались в темноту. Комендоры дежурили у орудий. Около полуночи передовое охранение доложило, что в море держатся четыре подозрительных миноносца без огней, но ночь прошла благополучно. Утром 8 октября над морем висел густой туман. Эскадра сбавила ход. На «Суворов» поступило донесение, что транспорт-мастерская «Камчатка» имеет повреждения в машине и отстала от эскадры на 17 миль. В 20.55 с «Камчатки» поступила короткая радиограмма на «Суворов»: «Преследуют миноносцы».

«Суворов»: «За вами погоня? Сколько миноносцев и от какого румба?»

«Камчатка»: «Атака со всех сторон».

«Суворов»: «Сколько миноносцев? Телеграфируйте подробнее».

«Камчатка»: «Миноносцев около 8».

«Суворов»: «Близко ли к вам?»

«Камчатка»: «Были ближе кабельтова и более».

«Суворов»: «Пускали ли мины?»

«Камчатка»: «Нет».

«Суворов»: «Каким курсом вы идете теперь?»

«Камчатка»: «зюйд-ост-70. Покажите место эскадры».

«Суворов»: «Гонятся ли за вами миноносцы? Вам следует сначала отойти от опасности, изменив курс, а потом показать свою широту и долготу, и тогда вам будет указан курс. Какой теперь будет указан курс?»

«Камчатка»: «Боимся показать».

«Суворов»: «Уйдите от опасности, лягте на вест.

На мостике «Суворова» капитан 2-го ранга Семенов высказал свое мнение, что если японцы и устроили засаду, то уж не ради такого «сокровища», как плавмастерская «Камчатка». Но и «Камчатка» никак не могла ни отбиться, ни уйти от атаки восьми миноносцев. Все это какая-то путаница. Спустившись в свою каюту, Семенов лег на койку и заснул, не раздеваясь.» Меня разбудили, — вспоминает он, — звуки горна, игравшего тревогу. «Во сне или наяву?» — было моей первой мыслью. Топот ног людей, бегущих по трапам, грохот беседок со снарядами, катящихся по рельсам подачи, разом рассеяли сомнения...»

В 00.55, когда «Суворов», ведя за собой отряд новых броненосцев, проходил Доггер-Банку, по обоим крамболам были обнаружены силуэты кораблей, идущих на большой скорости, расходящимися курсами, без огней. Уклонившись от курса, на котором могли бы быть сброшены плавучие мины, «Князь Суворов» (а за ним весь отряд) включил прожекторы, в лучах которых мелькнули два судна, очень похожие на миноносцы. Комендоры «Суворова», наэлектризованные тремя сутками тревог и ожиданий, немедленно открыли огонь, не дожидаясь команды.

Грохот артиллерии сорвал с койки лейтенанта Вырубова. Выскочив наверх, он не сразу понял, что происходит. С обоих бортов на «Суворов» шли по два небольших парохода, маневрируя, по мнению лейтенанта, «более чем подозрительно». С четырех точек горизонта светили какие-то прожекторы и оттуда также доносились выстрелы. «Пароходам пришлось очень плохо, — вспоминал позднее Вырубов, — засыпали градом снарядов и один из них уже под нашей кормой начал тонуть. Я сам видел, как у него на палубе рвался снаряд за снарядом».

Находившийся на кормовом мостике «Суворова» инженер Политовский, не веря своим глазам, смотрел на разворачивающийся бой: «Боже мой, что творилось на эскадре! Около часу ночи проббили босвую тревогу, заметив впереди корабли. Подпустили корабли близ-

ко, и началось. Что это было, не хватит слов! Все суда нашего отряда открыли огонь. Гул от выстрелов не смолкал. Прожекторы светили. Я в это время был на кормовом мостике и прямо был оглушен и ослеплен от выстрелов. Зажал уши пальцами и сбежал вниз. Окончание смотрел со спардека, в прорезь парадного трапа. Небольшой пароход беспомощно качался на море, была ясно видна черная и красная окраска его борта, была видна одна труба, мостик. Людей наверху не видел. Вероятно, от страху спрятались вниз. Вот один, другой снаряд с нашего броненосца попали в этот несчастный пароход. Я видел взрывы...»

Выскочив на палубу, капитан 2-го ранга Семенов какое-то мгновение ничего не видел после яркого света каюты. По укоренившейся привычке Семенов отметил время — 00.55. «Прожекторы светили вправо и по носу. Весь правый борт поддерживал энергичный огонь. Однако суматохи не было. Наоборот, то и дело слышались звонки приборов артиллерийской стрельбы, передающих приказание. Видимо, делом распоряжались. Поспешил на передний мостик, с которого мне открылась такая картина: справа и впереди в расстоянии нескольких миль виднелся ряд огней, между которыми временами мелькали вспышки сигналов. Кто-то пояснил, что это отряд контр-адмирала Фелькерзама. Затем я увидел в лучах прожекторов справа и впереди, но много ближе, на расстоянии нескольких кабельтовых небольшой однотрубный и одномачтовый пароходик, видимо, недавно пересекший курс эскадры слева направо и медленно удалявшийся. Другой ему подобный шел с первым почти контркурсом. Третий того же типа медленно проходил у нас под носом тоже слева направо. Завидев его, комендор левой 47 мм пушки на верхнем переднем мостике сделал было несколько выстрелов, но сам адмирал схватил его за плечо своей железной рукой и гневно крикнул: «Как смеешь! Без приказания! Не видишь — рыбак!» Неожиданно с левой стороны, куда не стреляли, где царил глубокая тьма, вспыхнули несколько прожекторов, которые уперлись в нас своими лучами. Без всякой команды, без всякого приказания левый борт опоясался огненной лентой. Броненосцы открыли беглый

огонь по прожекторам. Огонь — наудачу, так как определить расстояние не было возможности... «Вот оно — откуда настоящая атака!» — расслышал я чей-то голос. Почти одновременно над прожекторами, нас освещавшими, замелькали трепещущие огни сигнальных фонарей Табулевича, фонарей, как было достоверно известно, имевшихся только в русском флоте...» Да это наши! «Донской» и «Аврора»! Показываю позывные!» — крикнул я. «Перестать стрелять! Закрывать боевое освещение! Луч кверху!» — скомандовал адмирал. Запели горны, погасли прожекторы. Только один, носовой, высоко к небу поднял свой молочно-белый луч, — это был условный для всей эскадры сигнал — «Перестать стрелять!». Конечно, не сразу удалось восстановить спокойствие. И после сигнала то тут, то там еще раздавались одиночные выстрелы...»

Офицеры «Суворова» собрались в кают-компанию, оживленно обсуждая случившееся. Одни из них, включая Вырубова, уверяли, что видели минимум два миноносца, которые пытались атаковать «Суворов» под прикрытием рыбачьих судов. Другие считали, что эскадра вляпалась в какую-то грязную историю из-за повышенной нервозности, царящей на флагманском корабле. Мичман Головин, находившийся на ходовом мостике с самого начала инцидента, позднее описал его следующим образом: «...один из сигнальщиков докладывает вахтенному начальнику, что видит миноносцы. И действительно, ясно видны ракеты с трехцветными огнями, которые пускали маленькие суда, впоследствии оказавшиеся рыболовными пароходиками, ловившими рыбу драгами. На мостике командир наш командует: «Открывайте огонь!» Флагманский штурман тоже, и показывает: «Вот еще!» Флаг-капитан торопит с открытием огня и в это время флаг-офицер тоже что-то кричит. В общем, на мостике полнейший хаос, среди которого адмирал молча стоит, прильнув к биноклю и, наконец, и он процедил сквозь зубы, что можно стрелять. По второму выстрелу открыли огонь и остальные суда нашего отряда».

В 02.00 на «Суворов» пришло сообщение с крейсера «Аврора», что она получила пять попаданий 75-миллиметровыми и 47-миллиметровыми снарядами

с броненосцев. Тяжело ранен священник крейсера отец Афанасий — ему оторвало руку (позднее он скончался), легко — комендор Шатило...

«Недурно для начала!» — прокомментировал это известие старший артиллерист «Суворова» лейтенант Владимирский.

Позднее эта история обросла легендами. В официальном объяснении адмирала Рожественского уже совершенно четко фигурировали миноносцы, напавшие на эскадру. То же самое говорили и русские представители на следственной комиссии в Гааге. Никто не мог признать, что на флагманском корабле не знали, что у Доггер-Банки идет осенний лов сельди, на который вышли рыбацьи флотилии четырех стран. Расстрелянными оказались английские рыбаки. При этом русские корабли даже не оказали помощи экипажам потопленных судов. Адмирал Рожественский по этому поводу писал в официальном рапорте: «Ввиду подозрительных движений рыбацких паровых баркасов и не имея уверенности в том, что все участвовавшие в покушении миноносцы устранены, я предоставил участь пострадавших заботам их товарищей». Миноносцы противника! Их ясно видели с броненосцев, целый дивизион их преследовал (и не догнал!) «Камчатку», утром какой-то миноносец видели уцелевшие рыбаки. В том, что японские миноносцы были в районе инцидента, даже сознался командир одного из них, когда лежал вместе с капитаном 2-го ранга Семеновым в морском госпитале в Сасебо. Сегодня, имея опубликованные данные строительства японских кораблей на европейских верфях, можно точно сказать: никаких японских миноносцев в европейских водах, в Атлантике и даже в Индийском океане не было. Остается только удивляться наивности анализа исторических данных. «Гулльский инцидент», происшедший 80 лет назад, все еще преподносится как «неразгаданная тайна». Конечно, во время происшествия отряд японских миноносцев, видимо, с английских баз, должен был действовать в условиях абсолютной секретности во избежание крупного международного скандала. Но уже за 80 лет при таких резких переменах в военно-политической структуре мира японцы и англичане, если

они были в это дело замешаны, без сомнения, давно бы уже опубликовали все подробности действий героического отряда японских миноносцев, сумевшего перехватить противника у самых ворот Балтики, за 15 000 миль от своих баз, наделать столько шума и так сильно подорвать международный престиж своего противника! Нет, автор совершенно согласен с Костенко, который, подводя итог «Гулльскому инциденту», пишет: «Но где же наш враг и кто его видел? Под обстрел отряда броненосцев попали собственные крейсера! Хорошо еще, что они так дешево отделались. И чем бы кончилось такое ночное столкновение, если бы японские миноносцы действительно атаковали нас? Уже то, что ни один наш броненосец не получил попадания торпеды, доказывает, что сражались мы с привидениями, созданными нашим воображением. Да разве мы с такой боевой подготовкой способны отразить настоящую бешеную атаку готовых на гибель японцев?» Проведенное сразу же международное расследование этого инцидента пришло, кстати говоря, к следующим выводам:

1. Среди рыболовной флотилии на Доггерской банке не было ни японских миноносцев, ни миноносцев других наций.

2. В Англии не строились миноносцы для Японии...

3. По сведениям, полученным с разных сторон, датская полиция и русские тайные агенты снабжали адмирала такими сведениями, что он не мог сомневаться в присутствии японских миноносцев в Северном море. (Лучше не скажешь!)

Получивший таким образом боевое крещение, «Князь Суворов» повел эскадру дальше. В 03.00 за кормой остался плавучий маяк «Галлопер» — отряд вступил в Ла-Манш. Над морем висел легкий туман, моросил дождь. С правого борта виднелись меловые откосы английского побережья. Жизнь на корабле шла своим чередом. Звенели склянки, менялись вахты. «Суворов» шел через лабиринты рыбацких сетей, постоянно меняя курс, но все-таки намотав одну сеть себе на винт. Машина работала, решили очистить винт по приходе в ближайший порт, которым должен был стать Брест. Свободные от вахты офицеры играли в кают-компа-

нии в трик-трак и домино. Другие забавлялись с тремя корабельными собаками: Динкой, щенком фокс-терьера Джипси и непонятной породы псом Флагманским, которого кто-то подстриг «а ля лев». Все дружно обвиняли священника броненосца отца Назария, но тот, мягко улыбаясь, покачивал головой. Капитан 2-го ранга Семенов беседовал со старшим артиллеристом «Суворова» лейтенантом Владимирским и старшим штурманом лейтенантом Зотовым. Опытных офицеров беспокоило низкое состояние боевой подготовки матросов эскадры, новобранцев и запасных. «Одних приходится учить с азав потому, что они ничего не знают, — заметил Владимирский, — а других — потому, что они все забыли, а если что и помнят, то это уже устарело!» В своей каюте инженер Политовский боролся с крысами и писал свои бесконечные письма жене. Матрос-парикмахер брил капитана 1-го ранга Игнациуса и порезал ему щеку. Выяснилось, что матрос решил стать парикмахером, чтобы не быть машинистом. Командир с намыленной щекой, по которой текла кровь, надавал по шес сачку-парикмахеру и приведшему его вестовому и решил, что отныне будет бриться сам. Лейтенант Вырубов возился с прожекторами. Его непосредственный начальник старший минер лейтенант Богданов осматривал с матросами минные катера. На мостике неотступно находился адмирал вместе со старшим офицером броненосца капитаном 2-го ранга Македонским и начальником оперативного отдела своего штаба капитаном 2-го ранга Кладо. На другом крыле мостика, окруженные сигнальщиками, стояли флаг-офицеры Свербеев, Новосильцев и князь Церетелли.

Политовский писал жене: «10 октября. 7 часов вечера. Целый день не писал тебе и становится как-то совестно. Утром была обедня, потом завтракал, затем я, не спав целую ночь, прилег отдохнуть. Проспал до 15.30. Сейчас идет дождь, и броненосец медленно качается вдоль по килю по океанской зыби, которая заходит уже сюда. Если ничего не случится, то завтра будем в Бресте. Сегодня днем, проходя мимо Англии, видел ее южные берега, которые неясно выделялись в тумане. Вот он — «туманный Альбион». Невольно за-

думался, глядя на этот клочок земли, столь сильный, богатый, кичливый и недоброжелательный к нам... На броненосец садится много разной птицы, утомленной и истощенной длинными перелетами. Команда кормит ее и отпускает. Скучно мне, страшно скучно. Тоска так и давит. Что бы я дал, чтобы быть сейчас с тобою! Опять не спал всю ночь».

Туман густел. С мостика «Суворова» не видно даже «Императора Александра III», идущего в кильватер. На «Суворове» завывала сирена, подхваченная поочередно другими кораблями отряда. При таком тумане зайти в Брест было практически невозможно. Адмирал принял решение идти в испанский порт Виго.

При переходе Бискайского залива стояла на редкость хорошая погода. «Суворов», ведя отряд со средней скоростью 10 узлов, 13 октября пришел в испанский порт Виго, где штаб Рождественского наконец узнал, какие грандиозные размеры принял инцидент со стрельбой по рыбакам в Северном море. Английские газеты не называли вторую эскадру иначе, как эскадра «бешеной собаки», которую необходимо вернуть назад и посадить на цепь или уничтожить. «Акт открытого пиратства, пощечина Англии, оскорбление, которое можно смыть только кровью, если со стороны русского правительства не будет дано полного удовлетворения!» Требовали вернуть эскадру, предать суду Рождественского и командиров тех кораблей, которые вели огонь по рыбакам, выдать их Англии для публичной казни. Была объявлена мобилизация резервистов. Эскадра флота метрополии полным ходом двинулась к Гибралтару. Туда же на перехват русского флота спешила английская эскадра Средиземного моря. Адмиралу Рождественскому прочли выдержку из английской газеты, в которой говорилось, что, если он поведет свой отряд дальше, грозная сила английского флота — 28 броненосцев и 18 крейсеров — без труда его уничтожат. Рождественский только засмеялся: «Охота считать и подсчитывать! Если кончится разрывом, то для нас имеют значение первые 4 броненосца, с которыми мы будем драться, а сколько их еще будет нас добивать — 24 или 124 — не все ли равно». Напуганные испанские власти отказались грузить уголь на

русские «броненосцы бешеной собаки». Полетели телеграммы в Мадрид и Петербург. Рождественский поехал с визитом к губернатору Виго. Маленький испанский крейсер «Эстрамадура» встал у входа в гавань. Пока вопрос решался на высоком уровне, к борту «Суворова» ринулись испанские шлюпки с торговцами всевозможным товаром. С кормового балкона, с трапов и через орудийные порты завязалась бойкая торговля фруктами, одеждой, сувенирами и открытками. Рождественскому на берегу толпа устроила овацию, русского адмирала забросали цветами. Испанцы традиционно ненавидели своего векового врага Англию. Однако из Мадрида пришла телеграмма — воздержаться пока от погрузки угля. В маленьком жизнерадостном испанском городке, громоздившемся на склоне горы, увенчанной старинной крепостью с башнями, царил переполох. На немецкие угольщики, ждавшие эскадру в Виго, пришли испанские жандармы, чтобы запретить погрузку угля. Петербург и Лондон обменивались резкими нотами. Мадрид испуганно молчал. Английские газеты кричали о нарушении испанского нейтралитета, требуя ухода или разоружения русских броненосцев. Рождественский отдал приказ загасить топки на броненосце, оставив по одному котлу для поддержания электрического освещения и вентиляции, и ввести строжайшую экономию пресной воды. Отряд английских крейсеров подошел к Виго, блокируя порт. 14 октября около 13.00 Рождественский получил от местного губернатора уведомление, что он может погрузить на броненосцы только 400 т угля. На погрузку дано 18 часов. Погрузка должна производиться под строгим наблюдением испанских портовых властей, чтобы гарантировать соблюдение испанского нейтралитета. Немедленно на все корабли был передан приказ Рождественского успеть за это время погрузить по 800 т угля, чтобы утром 15 октября уйти из Виго. На погрузку угля на «Суворове» вышли все, включая священника. Уголь погрузили, но утром 15 октября пришел приказ из Петербурга 1-му отряду оставаться в Виго впредь до улаживания дела с «Гулльским инцидентом», ожидая дальнейших распоряжений. «Мы больше всего боялись, — вспоминает Вырубов, —

чтобы не испортила наша милая дипломатия и чтобы не пришлось разоружиться или возвращаться в Либаву». Вечером 15 октября команде «Суворова» был зачитан приказ Рожественского: «Сегодня, 15 октября, Государь Император осчастливил нас нижеследующей всемиловитивейшей телеграммой: «Мысленно, душою с Вами и моей дорогою эскадрой. Уверен, что недоразумение скоро кончится. Вся Россия с верою и крепкой надеждой взирает на вас. Николай». Я ответил Государю: «Эскадра единою душою у престола Вашего Императорского Величества». Так ведь, товарищи? Что повелит Царь, то и сделаем. Ура!» В ответном «ура» не чувствовалось особенного энтузиазма. В бой рвались, подобно лейтенанту Вырубову, далеко не все. Многие с большим облегчением встретили бы приказ, отзывающий эскадру назад. Но из телеграммы Царя явно следовало, что дипломаты уладят инцидент и эскадра пойдет дальше.

«А жаль, что не дошло до разрыва с Англией!» — заметил лейтенант Богданов капитану 2-го ранга Семёнову. «Почему так?» — «Да потому, что тогда, как вышли бы в море, — тут нас сразу же и раскатали бы! А теперь — извольте за тем же самым ехать так далеко!» Вечером 16 октября на «Суворов» пришло сообщение, что по поводу инцидента в Северном море будет назначена международная следственная комиссия и с каждого корабля в качестве свидетеля откомандируются в распоряжение комиссии по одному офицеру для дачи показаний. С «Суворова» был послан капитан 2-го ранга Кладо — будущий известный профессор и военно-морской теоретик в Николаевской Морской Академии. В полдень 16 октября сигнальщики «Суворова» обнаружили дым быстро приближающегося корабля. Он оказался трехтрубным крейсером под английским флагом. Стремительно влетев на рейд, крейсер отдал якорь и немедленно отсалютовал испанскому флагу, а после ответа крепости, приветствовал салютом флаг адмирала на «Суворове». С «Суворова» было видно его название: «Ланкастер». Командир «Ланкастера», не теряя ни минуты, отвалил от борта на катере, затем нанес одномоментный визит адмиралу Рожественскому, а через час поднял якорь и исчез в море.

Утром 17 октября «Ланкастер» снова влетел на короткое время в бухту, демонстрируя высокую боеготовность и быстроту действий. Лихость управления английским кораблем, четкость всех маневров и изумительная выправка свидетельствовали о блестящей организации службы и боевой подготовки.

18 октября на «Суворов» пришла телеграмма из Петербурга с разрешением следовать далее. 19 октября в 07.00 «Князь Суворов» вывел отряд из Виго. Крейсер «Эстрамадура» сопровождал броненосцы до выхода из территориальных вод. Но не успели скрыться из вида испанские берега, как на траверзе эскадры снова появился «Ланкастер», к которому вскоре присоединилось еще пять крейсеров. На всех кораблях отряда сыграли босвую тревогу и навели на англичан орудия. Вскоре отряд остановился из-за повреждения «Орла». «Англичане, — вспоминает капитан 2-го ранга Семенов, — до того шедшие в строе кильватера, засуетились: сначала рассыпались цепью по горизонту, потом снова соединились. Один крейсер отделился и полным ходом пошел на юго-восток, вероятно с донесением. Остальные, разделившись попарно, крейсировали к северу и к югу от нас на расстоянии 5-7 миль. Все их движения были так стройны, маневры делались так быстро, так уверенно, словно не являлись результатом неожиданно получасмых приказаний, словно перед нами разыгрывалась хорошо отрепетированная пьеса, в которой не замечаешь участия ни режиссера, ни суфлера... — Любуется?.. Я оглянулся. Сзади меня стоял адмирал, не сводивший глаз с английских крейсеров. — Любуйтесь! — продолжал он. — Есть на что! Вот это — эскадра! Это — моряки. Эх, если бы нам... — и, не договорив, начал быстро спускаться по трапу. В его голосе звучало столько искренней горечи, по его лицу скользнуло выражение такого глубокого страдания, что я сразу понял... Я понял, что он тоже не тешит себя несбыточными надеждами, хорошо знает истинную цену своей эскадры, но, верный долгу, никому не уступит чести быть первым в рядах людей, добровольно идущих к кровавому расчету...»

С остановившихся кораблей на англичан смотрели со смешанным чувством зависти и ненависти. Поли-

товский записал: «Когда броненосцы остановились, то англичане, вероятно, приняли эту остановку за враждебную демонстрацию. Они быстро собрались за кормой отряда и выстроились в боевой порядок. Ну, и мерзавцы же. Это вечный враг России, коварный, сильный и всюду нахальный». Вечером на «Суворове» состоялась панихида в память десятилетия кончины Императора Александра III. Английские крейсеры окружили русский отряд полукольцом. Число их увеличилось до десяти. Старый «приятель» эскадры «Ланкастер» нахально шел в полукабельтове от «Суворова». Английские корабли всю ночь конвоировали отряд, а утром 21 октября, убедившись, что броненосцы идут в Танжер, круто повернули на восток — в Гибралтар.

В полдень 21 октября на «Суворове» праздновали десятилетие восшествия на престол Николая II. Состоялась краткая обедня и молебен. Была принята присяга от трех, в прошлом вольных, механиков, включая Федюшина. Затем состоялось праздничное построение команды. Адмирал сказал команде краткую речь по поводу десятилетия царствования, выпил чарку, команда кричала «Ура!», оркестр броненосца под руководством старого капеля Дитра играл туш. Праздник завершился парадным завтраком в кают-компании. В 15.00 «Суворов» привел отряд броненосцев в Танжер. Броненосец «Князь Суворов» был административным центром всей огромной эскадры. Едва он встал на якорь в Танжере, как к нему, по словам очевидца, «со всех сторон летят катера, шлюпки, съезжаются командиры кораблей, ревизоры и другие офицеры. С берега подъезжают местные власти, наши консулы, поставщики, командиры иностранных кораблей. С нашего корабля то и дело гремят салюты, поднимают на нем разные флаги, гремит музыка. С других кораблей и с берега салютуют «Суворову»...»

Не успели умолкнуть все салюты, как с моря появился «Ланкастер», продолжавший вести открытое наблюдение за действиями эскадры. На мачте английского крейсера взвился сигнал с поздравлением по случаю десятилетия царствования Николая II. Рождественский, усмотрев в этом намек на примирение,

послал на «Ланкастер» с визитом своего флаг-офицера. Однако того не допустили на борт английского крейсера, так как «по закону англичане не имеют права допускать на свои корабли посторонних ранее осмотра членом портовой санитарной комиссии». Флаг-офицер откланялся с вельбота, поблагодарив за поздравления. Через пять минут «Ланкастер» снова выбрал якорь и ушел полным ходом в Гибралтар.

С приходом эскадры в Танжер английский консул подал протест по поводу нарушения марокканского нейтралитета боевыми кораблями воюющей стороны. Ему ответили, что его величество султан марокканский не только не осведомлен официально о войне между Россией и Японией, но даже не состоит в сношениях с правительством последней и вообще нечего не слышал об этом отдаленном государстве. А по завету пророка, всякий странник приносит с собой благословение Божие под кров, его приютивший. Если когда-нибудь на рейд Танжера придут японцы, то они могут быть уверены в таком же радушном приеме. Танжер принял русских моряков с полным радушием. Губернатор встретил приехавшего к нему с визитом адмирала Рождественского как дорогого гостя, приветствовал от имени султана и предложил стоять на рейде сколько угодно и делать что угодно. В Танжер прибыла и «Камчатка» — виновница международного скандала, а затем госпитальный «Орел» — тезка броненосца — красивый океанский пароход, двухтрубный и трехмачтовый, под флагом Красного Креста. Ему было суждено сыграть роковую роль в судьбе эскадры. Ночью на «Суворове» грузили уголь с транспорта при свете электрических люстр. Заходящая в бухту океанская зыбь била угольщик «Палас» о борт «Суворова». Грохотали лебедки, в трюмах копошились люди, оркестр играл веселую музыку. Погрузка на «Суворове» шла лихо, со скоростью 57,8 т в час. Флагманский броненосец получил все три приза за быструю погрузку. 22-октября в 07.00 ушел к Суэцкому каналу отряд контр-адмирала Фелькерзама. На «Суворов» же с утра нагрянули местные торговцы. Шла бойкая распродажа тропических шлемов, белых ботинок, сеток, циновок и почтовых открыток. Позднее на «Суворов» прибыл на канвасе

русский консул: «лицо черное, в красной феске, синей тунике с капюшоном, с голыми ногами, в желтых туфлях без задников». За аренду канваса штаб эскадры заплатил 100 франков. После полудня пошел проливной дождь, завеса которого скрыла с кораблей вид берега и города. Танжерские газеты писали, что адмирал Рожественский, разговаривая с английским адмиралом, избил его. Англичане не хотели выпускать отряд из Виго, произошло сражение на виду всего города — англичане были разбиты...

23 октября в 07.00 эскадра вице-адмирала Рожественского покинула Танжер и направилась в Дакар в строю двух кильватерных колонн. Снимаясь с якоря, транспорт «Анадырь» зацепил кабель. Рожественский приказал его обрубить, что и было выполнено. Наблюдавший за этим проявлением морской этики с борта «Суворова» Политовский ужаснулся: «Хорошо еще, что кабель-то французский. Будь он английский — скандал был бы огромнейший...»

Грузно качаясь на океанской зыби, «Князь Суворов» возглавлял правую колонну и вел за собой три однотипных броненосца и «Осляблю». Левую колонну составляли транспорты, а в замке эскадры шли крейсера: «Адмирал Нахимов», «Аврора» и «Дмитрий Донской». Сзади эскадры на расстоянии одной мили шел госпитальный «Орел».

В 09.45 на «Суворове» сломалась рулевая машина и он круто выкатился влево, чуть не протаранив «Камчатку». Капитан 1-го ранга Игнациус среагировал мгновенно, дав «стоп» левой машине и «полный назад» — правой. Столкновения удалось избежать, так как транспорты при виде мчащегося на них, словно взбесившегося, броненосца, кинулись от него «врассыпную». Исправив повреждение, «Суворов» сигналами стал собирать рассыпавшиеся транспорты.

«Суворов» продолжал вести эскадру через просторы пустынной Атлантики, держась в стороне от судоходных путей. За кормой эскадры в строю фронта шли английские крейсера. 25 октября в 19.00, перед заходом солнца, на горизонте обрисовались горные

вершины Канарских островов с пиком Тенерифе. На широте Канарских островов англичане неожиданно развернулись и ушли на север. По мере приближения к тропикам становилось все жарче, увеличивалась влажность. С «Суворова» передали приказ надеть летнюю форму и белые чехлы на фуражки. В каютах от влажности перестали открываться ящики столов и шкафчиков. Духота стояла страшная, особенно ночью, когда было запрещено отдраивать иллюминаторы, чтобы не демаскировать эскадру огнями. Запасливый Игнациус достал в Танжере какого-то белого мыла, растворяющегося в соленой воде. Мыло было роздано всем членам экипажа, получившим возможность мыться забортной водой. Ежедневно с «Суворова» открывалась одна и та же картина: бледно-бирюзовое небо, залитое ослепительным солнцем, взъерошенный белыми гребнями сизо-фиолетовый океан и изнуряющая жара. «Сколько содовой воды со льдом, а главное — холодного квасу выпивалось за день на «Суворове», — вспоминает Семенов, — сосчитать невозможно! Среди команды оказался профессиональный квасник, и квас был действительно превосходный!»

«Вот уже пятые сутки, как мы вышли из Танжера, — писал 27 октября инженер-механик Федюшин. — Пятые сутки кругом вода, берега не видно. Один только раз ласкали наш взор показавшиеся вдаль на горизонте силуэты гор на Канарских островах. Погода нам благоприятствует, океан спокоен. Сидя в каюте нашего гиганта-броненосца, можно позабыть, пожалуй, что находишься в море. Я до сих пор еще не знаю, что такое морская качка. Настроение хорошее. Приходится только сожалеть, что не пускают на берег. Хотелось бы побродить по чужим городам, ближе посмотреть жизнь и нравы. Но пока довольствуемся осмотром городов в бинокль...»

Около 19.00 тропическое солнце опускалось за горизонт. Среди почного мрака начинался немой разговор между кораблями сигнальными огнями. На фок-мачтах меланхолично мигали четыре, белые или красные, лампочки сигнальной системы Степанова. Вспыхивали, неровно трепеща, фосфорические огни фонарей Табулевича на плотиках. Адмирал с офице-

рами своего штаба, рассчитывая маршрут эскадры и график погрузки и расхода угля, редко появлялись на мостике, к великой радости вахтенных офицеров. 28 октября с «Суворова» по телеграфу был передан на броненосцы длинный приказ по поводу подготовительных мер для приемки в Дакаре усиленного запаса угля в 2000 тонн на предстоящий следующий большой переход. Приказом предписывалось на всех броненосцах типа «Суворов» принять уголь во все свободные проходы, засыпать углем прачечную, сушилку, а также отделения носового и кормового торпедных аппаратов. Среднюю батарею 75-миллиметровых и судовую верхнюю динамо-машину палубного освещения было приказано оградить досками и обложить мешками с песком.

29 октября эскадра по сигналу с «Суворова» замедлила ход, чтобы подойти к Дакару. На рассвете впереди показалась полоска земли, а затем открылся Зеленый Мыс, за которым скрывался Дакар. Обойдя мыс, эскадра легла на ост, различая сквозь утренний береговой туман два острова необычайной формы: они поднимались из океана своими совершенно отвесными берегами метров на сто, переходя затем в ровное плоскогорье. За этими островами и находился рейд Дакара, где эскадру ждали угольщики. Порт принадлежал союзнице — Франции, но начать сразу погрузку не удалось. Командир порта прибыл на «Суворов» и предложил покинуть территориальные воды Франции, найти какую-нибудь удобную бухту и там грузиться углем. Англия и Япония слишком давят на Париж. Губернатор Дакара обещал всяческое содействие, предлагал прислать не только свежую провизию, но даже рабочих, только бы эскадра ушла обратно, скажем, к Зеленому Мысу, где глубина позволяет встать на якорь вне территориальных вод. Однако в предложенном месте о погрузке угля и речи быть не могло из-за океанской зыби, а поэтому Рождественский категорически заявил, что поскольку погрузка в открытом океане невозможна, а равно невозможен и выход эскадры в море без угля, то запрещение выполнить эту операцию на рейде Дакара равносильно требованию разоружения

кораблей воюющей стороны, зашедших в нейтральный порт, что противоречит всем правилам нейтралитета.

Полетели телеграммы в Петербург и Париж. Кабель, соединяющий Дакар с Европой, был испорчен (не «Анадырем» ли?), и телеграммы приходилось передавать в Америку, а затем уже в Европу. «Прошу, — телеграфировал адмирал Рожественский в Петербург, — энергичного представления правительства о безусловном разрешении пользоваться французскими портами для погрузки угля. Без этого экспедиция немыслима. Нельзя рисковать огромными броненосцами, разыскивая необитаемые и неописанные бухты».

«Знаешь, о чем постоянно говорят на эскадре, — писал Политовский в письме жене, — об угле. Это самое больное место теперь, от угля зависят наши переходы и даже успех. Сначала французы разрешили грузить уголь, а потом из Парижа пришло сюда приказание, чтобы нас на рейд-то не пускать. Внутри корабля духота страшная. Жажда томит. Напитки все теплые, неприятные, но пьешь и пьешь без конца...»

По просьбе Рожественского губернатор согласился вторично телеграфировать в Париж, что он уже дал разрешение грузить уголь и просит оставить его в силе. Необходимо было погрузить уголь до ответа из Парижа.

«День 31 октября был первым днем настоящей угольной страды, — вспоминает капитан 2-го ранга Семенов. — Много таких дней пережили мы впоследствии, но этот, первый, естественно, был самым тяжелым. В Дакаре, как и вообще в тропиках, с 10.00 до 15.00 жизнь замирает. Закрываются правительственные учреждения, магазины не торгуют, войска не выходят из казарм, рабочие прекращают работу. Все только прячутся в тень от палящих лучей солнца, но и в тени стараются не шевелиться, потому что всякое резкое движение вызывает сильную испарину. Такого режима держатся люди до известной степени акклиматизировавшиеся, привычные... Для нас успешность погрузки угля была вопросом жизни, и в ней, разделившись на две смены, работая день и ночь, принимал участие весь личный состав, начиная с командиров. При полном штиле, при температуре, не падавшей

ниже 38 градусов С, в течение 30 часов «Суворов» стоял, окутанный облаком угольной пыли. Яркие лучи солнца — днем, свет электрических люстр — ночью, с трудом пронизывали этот черный туман. Со дна трюмов угольщиков само это солнце казалось багровым пятном... Черное негров, обливающихся потом, с ключьями пакли, зажатými в зубах, работали в этом аду офицеры и команда. А что творилось в закрытых угольных ямах, где разгребали уголь, сыпавшийся сверху, где температура достигала 60 градусов С? Где самые сильные и здоровые не могли оставаться дольше 15-20 минут? Бывало, что не выдерживали и валялись с ног. Этим также спешно, не теряя ни минуты, выносили на руках, клали под душ, и они, отойдя, передохнувши, опять возвращались к прерванной работе...»

Лейтенант Вырубов писал отцу: «Работа кипела. Конкуренция между нами и «Александром» шла отчаянная: офицеры, доктора, даже поп, лично работали в трюмах. Финиш мы сделали блестящий, приняв в час 120 тонн, чем побили английский рекорд в 102 тонны. «Александр III» был побежден: мы опять взяли все три приза, но зато если бы вы могли представить, в каком мы были все виде и во что превратился наш «Суворов»! Работали непрерывно 29 часов, не обращая внимания на тропическую жару. Духота стоит ужасная: спишь буквально в собственном соку с угольной пылью...»

Погрузка была закончена вовремя, а вечером 31 октября губернатор Дакара получил ответ из Парижа, категорически запрещающий погрузку угля в Дакаре в пределах территориальных вод. И, как будто всего этого было мало, «Гамбург-Американская линия» запретила своим угольщикам следовать за эскадрой и потребовала, чтобы пароходам были сообщены посты, куда собирается заходить эскадра, чтобы те могли заранее туда приходить. Рождественский сообщил в Петербург, что таких портов, которые могли бы быть указаны как места для погрузки угля, по пути эскадры нет и что все колониальные власти Африки предупреждены своими правительствами не допускать его эскадру в пределы территориальных вод. Адмирал

просил правительство повлиять на «Гамбург-Американскую линию», чтобы та разрешила своим пароходам следовать за эскадрой и в хорошую погоду снабжать ее углем в море при помощи баркасов.

Пока штаб Рождественского решал проблемы на международном уровне, его флагманский корабль «Князь Суворов» стоял в окружении негритянских пирог, выдолбленных из целых древесных стволов. Негры на ломаном французском языке предлагали бросать в воду монеты, а затем прыгали в воду за деньгами, глубоко ныряя. Экипаж «Суворова» высыпал к борту, наблюдая, как под водой из-за монет дерутся негры с двух конкурирующих пирог. Кроме того, с пирог шла торговля пробковыми шлемами, белыми брюками и сувенирами.

1 ноября, впервые после выхода из Ливавы, офицеры эскадры получили разрешение сойти на берег. Рождественский посетил командующего Дакарским гарнизоном и принимал его на «Суворове». Благодарные французы прислали на «Суворова» мороженое.

Измученные погрузкой угля офицеры без всякого интереса бродили по Дакару. Политовский сидел в кафе и пил лимонад, мечтая о встрече с женой, и на все смотрел ее глазами. В кафе доносился гром салюта: хоронили лейтенанта Нелидова с «Осляби», умершего от паралича сердца во время погрузки угля. Никогда не унывающий Вырубов обедал с французскими офицерами в местном гарнизонном клубе. Вернувшись на «Суворова», он написал отцу, прося подписать его на журнал «Киевлянин» и жалуясь на недостаток читава. Доктор «Суворова» Надеин объелся каких-то плодов и с трудом вернулся на корабль. Острые рези в животе и рвота говорили об остром отравлении. К капитану 1-го ранга Игнациусу пристал негр, прося денег. Командир «Суворова» сказал ему: «Вот ты ничего не делаешь, у тебя и нет денег». В ответ негр выпалил: «У тебя вот денег много, а ты разве что-нибудь делаешь?» Мичмана закупили экзотических африканских птичек и доставили в кают-компанию. Лишенные привычного корма птички быстро передохли, создав у всех мрачное настроение...

Перед самым уходом из Дакара Рождественский получил телеграмму из Главного Морского Штаба, который уведомлял его, что три японских крейсера готовятся напасть на эскадру по «западную сторону Малайского архипелага». По утверждению ГМШ, эти крейсера держатся у Коломбо и снабжены минами заграждения. Кроме того, сообщал ГМШ, японцы знают место randevу наших эскадр в Индийском океане. И ни слова о положении на фронте, о 1-й эскадре, о поражении на реке Шахэ, о Порт-Артуре и Владивостоке...

3 ноября эскадра покинула Дакар и, следуя за «Суворовым», пошла через Гвинейский залив к наименее исследованным берегам Экваториальной Африки. Ночью на «Суворове» для практики переходили от одного способа управления рулем на другой, и в итоге снова сломали валиковые приводы от штурвала к рулевой машинке. Держа сигнал «Не могу управляться», флагманский корабль шел влево из строя и, описав дугу, чуть не врезался в «Орел». Строй эскадры нарушился, но все обошлось благополучно. Полчаса «Суворов», исправляя повреждение, шел вне кильватерной колонны, а затем снова возглавил строй.

На броненосце люди одуревали от жары и скуки. В часы приема пищи на юте постоянно играл духовой оркестр. В кают-компаниях больше пили, чем ели. Пили все: воду простую и минеральную, белое и красное вино, пиво и разные лимонные сиропы. Всех мучила жажда. В адмиральском помещении температура доходила до 45 градусов С. Матросы спали на верхней палубе. Некоторые офицеры, купив на берегу циновки, также спали наверху. Даже на раскаленной палубе все-таки было более прохладно, чем в страшно душных каютах.

5 ноября Рождественский устроил учения: броненосцы пошли строем пеленга, очень плохо держа свои места. На вахтах люди дурели от жары, путали приказы. В машинных отделениях температура порой доходила до 70 градусов С. Ночью 5 ноября на «Суворове» сломались динамо-машины, и минут на 20

корабль погрузился в полнейшую темноту. Эскадра шла медленно, задерживаемая поломками на транспортах. «Малайю» тащили на буксире. «Камчатка» с цехами и рабочими на борту ломалась чаще других. Возникло даже подозрение, что плавмастерская сознательно задерживает движение эскадры по заданию японцев...

«Плывем так, как и предполагал, — писал в письме к жене вице-адмирал Рожественский. — Ежедневно 3-4 остановки из-за поломок на разных кораблях, так что, расходуя уголь на столько котлов, чтобы иметь 250 миль в сутки, мы в действительности продвигаемся всего миль на 200. До сих пор еще идут поломки, которые можно чинить своими средствами, а случится что-нибудь, требующее ввода в док, — и наше дело пойдет на самоуничтожение: никто нас не пустит в док. Плавание осложняется тем, что нельзя оторваться от берега (чтобы всегда иметь пристанище для погрузки угля), а берега низменны. Карты не точны: замеры лотом показывают глубину 60 саженей, а на карте отметка 2000 саженей. Значит, под берегом, где приходится искать защиты от ветра и зыби для погрузки угля, и подавно можно натолкнуться на сюрпризы, а приткнуться броненосцу здесь, вдали от всяких портовых средств — равносильно полной гибели. Такие глубокосидящие суда, как наши, никогда не подходили к этим берегам, а броненосцы линейные и вообще этим путем никогда не плавали, так что я при каждом приближении к берегу нахожусь в смертельном страхе, хотя и принимаю всевозможные предосторожности. В общем, нам пока очень везет».

На этом переходе адмирал не сходил с мостика и буквально не отрывался от бинокля. На мачте «Суворова» то и дело поднимались сигналы с замечаниями кораблям, нарушавшим строй. 13 ноября флагманские и корабельные штурманы на «Суворове» обнаружили, что из-за неуточненного течения они ошиблись в расчетах и проскочили 30 миль на юг от устья реки Габун, куда направлялась эскадра. При этом без праздника, поскольку не заметили, пересекли экватор и перемахнули в южное полушарие. Штурманы были сконфужены. «Суворов» развернул эскадру на север, снова пройдя экватор (праздновать решили на обратном

пути), привел в 18.00 эскадру к устью реки Габун, встав на якорь вне территориальных вод Франции. Обрадованный этим обстоятельством вице-губернатор прибыл на «Суворов» с «массой цветов и добрых пожеланий» — в Либревиле находился английский консул, который не упустил бы случая снова завопить о нарушении нейтралитета...

14 ноября, пользуясь полным штилем и прекрасной погодой, корабли начали погрузку угля. «Князь Суворов» принял 1236 тонн. Известий с театра военных действий не было никаких. Кают-компания «Суворова» попросила у адмирала разрешения послать телеграмму с оплаченным ответом в газету «Новое время» с просьбой сообщить новости. Адмирал не разрешил, ожидая, что новости сообщит ГМШ. В Либревиле газет не получали, новостей также не знал никто, но зато губернатор прислал на «Суворов» зелень и фрукты: ананасы, бананы, манго и еще какие-то, названий которых не знал никто. Лейтенант Вырубов писал из Либревиля: «Рейд Габун. 15 ноября 1904 г. Поздравляю вас с праздниками и наступающим Новым годом! Даст Бог, он принесет нам больше счастья, чем этот 1904-й. Поздравление несколько заблаговременно, но я пишу из такой трущобы, что если письмо дойдет к праздникам, это будет необыкновенно удачно. Из Дакара мы вышли 3 ноября. После спокойного перехода мы пришли 13 ноября к реке Габун... даже приняв во внимание указанное в Лоции течение, мы промахнулись и преждевременно пересекли экватор. Стали на якорь вне территориальных вод, в расстоянии трех миль от берега, где уж мы сами себе господа. По обыкновению, нас ожидали немецкие угольщики, и эскадра сейчас же приступила к погрузке угля. Нельзя сказать, чтобы это было особенно приятное занятие под экватором, где и так все время паришься в собственном соку. Тяжелая штука плавание в тропиках! Как на зло, у нас еще сломался один рефрижератор, другой выбивается из сил, а все не может сделать настоящего мороза. Мы стоим в 20 милях от маленького городка Либревиля, и каждое утро от нас ходит туда миноноска. Европей-

цев здесь живет человек полтора ста, да и то из них за последние полгода четырех съели эльдоседы. Наши офицеры имели даже аудиенцию у местного негритянского царька. Все происходило совсем как в порядочном романе из путешествий: на царьке был старый мундир английского адмирала, синие штаны и треуголка. Оказывается, царек всего три дня как вступил на престол после своего брата, прах которого хранится тут же около него в сундуке. Вчера пришел пароход с почтою и привез «свежие» новости от 2 октября старого стиля: самые свежие телеграммы, вывешенные в клубе, извещали о нашем выходе из Виго! Больше месяца у нас нет известий с войны. Что делает Куропаткин — для нас покрыто мраком неизвестности...»

Инженер-механик Федюшин снова на берег не попал и писал маме: «На берегу — роскошнейшая природа. С корабля виден чудный, девственный тропический лес. Пускать нас на берег бояться: за месяц перед нашим приходом туземцы съели здесь четырех европейцев... Последний переход из Дакара в Габун был очень тяжел для машинной команды. Температура в машине доходила до 60 градусов С. Выйдешь на палубу, и там нет ни малейшей прохлады и облегчения... Перед Габуном сплюховали наши штурманы. Прежде чем понасть сюда, эскадра блуждала, и экватор нам пришлось проходить три раза...»

Федюшин на берег не попал, но большая часть офицеров «Суворова» получила увольнение. На броненосец залетали огромные бабочки с размахом крыльев более фута. Матросы испуганно крестились. К «Суворову» подплыла гигантская морская черепаха, а на берегу офицерам показывали шестиметрового удава. Французский чиновник, доставивший на броненосец фрукты и зелень, получил «на чай» фунт стерлингов. Француз был очень смущен и отдал банкноту обратно, сказав, что жертвует на раненых.

15 ноября над эскадрой впервые разразилась тропическая гроза. Над джунглями вспыхивали непрерывные огненные стрелы, поражавшие землю из надвигающейся черной тучи, резко очерченной на чистом

синем небе. Затем налетел стремительный шквал и согнал в кучу все катера и шлюпки, державшиеся на бакштаге за кормой. Затем хлынул ливень с раскатами грома, напоминавшими залпы 12 башен. Корпус броненосца содрогался. Гроза кончилась так же неожиданно, как и налетела. Вернувшиеся с берега офицеры притащили на «Суворов» фрукты, зелень и двух попугаев. Одного они купили за 10 франков, а другого прислал Рождественскому в подарок иезуитский пастор. Немецкие моряки на угольщиках распустили слух, что из Гамбурга получены телеграммы о том, что Куропаткин перешел в контрнаступление и гонит японцев к побережью. Настроение у всех улучшилось. Озверевшие от походов офицеры покупали в лавках на берегу все, что им подсовывали: негритянские инструменты, зубы диких зверей, ржавые дротики и стрелы, украшая ими стены своих кают.

Между тем адмирал Рождественский получил 17 ноября от Управляющего Морским Министерством предупреждение английского правительства о том, что в районе порта Дурбан на юге Африки работают флотилии английских рыбаков. На это Рождественский попросил известить английское правительство, чтобы оно предупредило своих рыбаков не прорезать ночью без огней строя эскадры, иначе они будут расстреляны без всякой жалости.

Затем адмирал был извещен ГМШ, что его встретит португальский пароход с войсками. Полагая, что пароходом будет передано какое-то важное сообщение, адмирал решил идти в бухту Грит-Фин-Бей — единственную на побережье Африки крупную португальскую бухту, доступную для кораблей с большой осадкой, где португальский пароход мог рассчитывать соединиться с эскадрой. И снова ни слова о положении на театре военных действий...

«Николай Угодник и Серафим Саровский сделали все, что могли», — записал в своем дневнике капитан 2-го ранга Семенов. Пока все шло хорошо. В кают-компании «Суворова» за обедом стоял хохот: крыса укусила за ногу спящего старшего офицера, капитана 2-го ранга Македонского. Он уверен, что крыса отгрызла ему мозоль...

18 ноября в 16.00 по сигналу с «Суворова» эскадра стала сниматься с якоря. На «Камчатке» снова сломалась машина. Эскадре пришлось идти малым ходом. Затем серия поломок на других кораблях. Эскадра то стопорила машины, то шла малым ходом...

19 ноября в 09.00 на «Суворове» праздновали переход через экватор. Начался он с того, что на десантных лафетах, которые везли голые черные люди, приехали Нептун, Венера, штурман, мичман, «русская баба», черти, парикмахер и тритоны. Под звуки марша и горнов Нептун со свитой появился с кормы броненосца и, приблизившись к носовой башне главного калибра, влез на нее, потрясая трезубцем. Зрители разместились на носу корабля, на мостиках, башнях, марсах, реях и салингах. Адмирал и командир «Суворова» в окружении старших офицеров стояли на мостике. Артисты были полуголые, выкрашены в самые разнообразные цвета: черный, синий, желтый, зеленый, красный и белый. Штурман нес часы с бипоклем и секстантом. «Баба» несла на руках ребенка, которого изображал фокстерьер. Когда ребенку нужно было плакать, фокстерьеру крутили хвост и он визжал. Около башни был сделан из парусины бассейн, наполненный водой. Нептун допросил командира о причинах появления на экваторе и собрал «изрядную дань» чарками с офицеров. Затем всех, включая адмирала, облили из шлангов. Капитана 1-го ранга Игнациуса купали в бассейне под звуки туша. Затем в бассейн бросили флаг-капитана и других офицеров, переходивших экватор впервые. Купали и священника отца Назария. Ресторатор кают-компании заперся в каюте. Открыли люк над каютой и стали поливать сверху из шланга. Спасая свои вещи, ресторатор выскочил из каюты и угодил в бассейн. В бассейне всех мылили огромной кистью и брили гигантской деревянной бритвой. Нептун дал командиру «Суворова» свободный пропуск во все владения, обещал благоприятные ветры и беспопынное рыбное продовольствие... Гремела музыка, стояли смех и крики, лаяли обезумевшие корабельные собаки. Для матросов, которые не были на берегу с момента ухода из Либавы,

празднование перехода экватора стало хорошей нервной разрядкой. В разгар праздника сломались рулевые приводы на «Бородино» и «Орле», произошла очередная авария на транспорте «Малайя». Потерявший терпение Рождественский сменил капитана «Малайи», назначив на его место прапорщика по морской части Трегубова, в прошлом капитана торгового флота, плававшего вахтенным офицером на «Суворове».

Около 16.00 с «Суворова» заметили пароход, оставленный в Габуне в ожидании телеграммы из Петербурга. На мачте парохода взвился сигнал: «Имею почту для адмирала». С парохода передали на «Суворов» зашифрованную телеграмму. Флаг-офицеры с волнением стали ее расшифровывать. Текст оказался такой: «Директор Морского корпуса благодарит 2-эскадру за поздравления с годовщиной корпуса 6 ноября». У офицеров флагманского корабля уже создавалось впечатление, что, выпихнув эскадру из Балтики, ее судьбой совершенно перестали интересоваться, и она уже забыта. Это действовало угнетающе. Моряки ничего не знали ни о своих близких, оставленных в России, ни о положении на фронте, ни о чем. В кают-компании «Суворова» постоянно обсуждался вопрос о том, каковы результаты предполагаемой покупки Россией чилийских и аргентинских броненосных крейсеров, которые, по замыслу, должны были усилить линейное ядро эскадры. На одном из обедов в кают-компании, на котором присутствовал адмирал, священник броненосца отец Назарий обратился к Рождественскому с вопросом, есть ли надежда на присоединение этих крейсеров к эскадре. Рождественский, зная, что с приобретением крейсеров ничего не вышло, резко ответил священнику: «Тот, кто распускает слухи о покупке этих крейсеров, повторяет наглуую ложь!»

«Суворов» вел эскадру дальше, вдоль неведомых берегов Экваториальной Африки. По сигналам с флагмана корабли перестраивались, совершая различные эволюции. С офицерами и матросами постоянно проводили занятия по повышению боевой подготовки. С мостика «Суворова» адмирал все мрачнее взирал на подчиненные ему корабли, не умеющие выполнять, казалось, самых элементарных маневров.

20 ноября на «Суворове» состоялась всенощная. Политовский записал: «Вообще мне эта служба нравится, а на корабле в особенности. Хоть и видишь вокруг себя лишь матросов и офицеров, одетых во все белое, хоть и пономарь, и староста у свечей, и певчие босиком, а все-таки мотивы, пение и обстановка напоминают далекую и милую Россию...»

Жара спадала, ящики у столов в каютах начали выдвигаться. По ночам даже было холодно, вахтенные стали надевать тужурки. Перемена климата не прошла бесследно: на «Суворове» три офицера простудились. Стояла облачная погода, юго-восточный пассат, дующий из Антарктиды, развил крупную зыбь. Команда говела повахтенно.

Около полудня 23 ноября «Суворов» привел эскадру к бухте Грит-Фиш. У входа в бухту мотались на зыби точные, как хронометр, немецкие угольщики. Оказалось, что немцев выгнала из бухты, угрожая открыть огонь, португальская канонерская лодка. В 13.30 «Суворов» и остальные корабли встали на якорь у входа в бухту и немедленно к борту флагманского броненосца подошла португальская канлодка «Лимпомпо» с одной 65-миллиметровой пушкой и двумя митральезами. Ее командир поднялся на борт «Суворова» и потребовал, чтобы эскадра немедленно ушла из португальских территориальных вод. Рождественский совершенно спокойно разъяснил португальцу, что от любого из берегов, принадлежащих Португалии, корабли стоят на расстоянии более 3 миль, т.е. в нейтральных водах. Португалец продолжал настаивать на уходе эскадры, угрожая применить силу. Как ни наивны были эти угрозы, все понимали, что за спиной Португалии стоит Англия с ее могущественным и вседушим флотом. Уже близок был юг Африки, где была развернута мощная английская эскадра. С этим приходилось считаться. Поэтому адмиралу Рождественскому ничего не оставалось, как заявить, что через положенные международным правом 24 часа он покинет бухту. Снова началась лихорадочная приемка угля на броненосцы. За несколько часов «Суворов» принял 647 тонн угля. С моря пришла еще одна португальская канонерка и встала в бухте, наблюдая за эскадрой...

24 ноября около 16.00 эскадра покинула негостеприимную португальскую бухту и взяла курс в немецкую колонию Ангра-Пеквена. Госпитальный «Орел» был направлен в Капштадт узнать хоть какие-нибудь новости. В кильватер «Суворову» пошла стая касаток. С левого борта были замечены киты. Над кораблем все чаще и чаще начали появляться огромные альбатросы. Менялась погода, свежел ветер. Небо заволокло низкими, быстро бегущими облаками. «Чем южнее, тем становится холоднее, — писал лейтенант Вырубов. — Здесь теперь, по-нашему, конец мая, вообще все на выворот: солнце движется против солнца, молодая луна имеет такой вид, как у нас последняя четверть. Появились альбатросы, которые без всякой церемонии летают чуть не над вахтенным мостиком. Занятные птицы, я таких громадных еще не видывал. Подходя к Ангра-Пеквене, мы первый раз встретили довольно свежий ветер, но нашим громадам хоть бы что — они почти не качаются! Настроение у нас очень хорошее. Привыкли даже к отсутствию известий и к адмиральскому рыку...»

28 ноября около 13.00 эскадра встала на якорь в Ангра-Пеквене. Погода продолжала портиться. К двум часам эскадра, следуя за «Суворовым», стала медленно входить в бухту. Впереди шли катера, промеряя глубины. Ветер крепчал, срывая гребни волн, кидал ключья пены на корабли. Броненосцы, подгоняемые ветром в корму, с трудом гасили инерцию, давая задний ход. На «Суворове», в момент подъема очередного сигнала, оборвало ветром фалы и унесло все флаги за борт. «Орел» потерял якорь. Нечего было и думать о погрузке угля — юго-западный ветер ревел уже с силой до 8 баллов. Из океана в бухту набегала крупная волна.

Зато немецкие власти встретили эскадру вполне радушно. Впервые после Танжера эскадру не гнали из бухты в открытое море. Капитан 1-го ранга Клапсде-Колонг ездил к губернатору, немецкому майору, узнать, не будет ли препятствий для стоянки эскадры. «Какая эскадра?» — удивился майор и заявил, что поскольку из бухты, в которой он живет, никаких

кораблей не видно и поскольку флота для охраны берегов колонии у него не имеется, а сам он человек сухопутный и отнюдь не обязан и не намерен крейсировать в море на туземной пироге, да еще в такую погоду, то, хоть бы сражение произошло за ближайшим мысом, он все равно ничего предпринять не может. «Когда офицеры (а, конечно, и команда через вестовых) узнали о «майорском» ответе, узнали, что нас не только не гонят, но даже и не ругают по поводу нашего прихода, все как-то ожили и развеселились», — вспоминал капитан 2-го ранга Семенов. Старший минер броненосца лейтенант Богданов, поддержанный кают-компанией и старшим офицером Македонским, заявил, что если майор преодолест свою водобоязнь и придет на «Суворов», то его от имени русского флота так накачают шампанским, что он этого никогда не забудет...

К вечеру 28 ноября шквалы ветра стали достигать силы 10 баллов, но около 03.00 29 ноября ветер несколько стих. Рискнули начать погрузку, но к 06.00 ветер снова достиг прежней силы. Угольщик, с которого грузился «Суворов», бросало на волне и било о борт броненосца, чьи 75-миллиметровые орудия нижней батареи, торчавшие наружу, втыкались в борт транспорта, как «иголки в пробку». Одно орудие было погнуто о борт угольщика, после чего погрузку прекратили. Предстояла сложная работа по замене орудия...

30 ноября погода не переменилась. Пробовали грузить уголь баркасами, но ничего не вышло. Около 10.00 разыгрался такой шторм, что все шлюпки и баркасы пришлось поднять на броненосец, дабы их не потерять.

1 декабря за ночь ветер несколько стих. В 05.00 начали погрузку баркасами, так как из-за зыби подвести угольщик к борту было еще невозможно.

Около 11.00 майор, теперь уже легендарный майор, приехал с визитом на «Суворов». Невзирая на чин, его встретили, как настоящего губернатора. Майор завтракал у адмирала, затем его чествовала кают-компания по

программе Македонского и Богданова. Оркестр играл немецкий гимн. Захмелевший майор последними словами ругал англичан, которые вооружают туземцев и натравливают их на немцев. Совершенно пьяного майора под звуки салюта и немецкого гимна под руки спустили на немецкий катер «Алерт».

Весь день и большую часть ночи продолжалась погрузка угля. Ветер стих, но 2 декабря около 03.00 снова вдруг заревел с силою настоящего урагана. Угольные транспорты с размаху било о бронированные борта кораблей. Рос список поломок и аварий. Флагманский корабельный инженер Политовский, несмотря на шторм, на катере объезжал поврежденные корабли, давая указания по быстрейшему устранению аварий. В своих письмах-дневниках он пишет (как всегда, любимой жене): «Вчера с десяти часов вечера до часу ночи ездил на катере от одного корабля к другому. И путешествие же это было! Погода была ужасная. Ходили огромные волны, ветер выл, срывая верхушки волн. Над водою как бы висела водяная крышка — это ветер нес над волнами их сорванные верхушки. Катер валяло неистово с борта на борт и вдоль по килю. Нос его зарывался в волнах и целые каскады воды попадали в катер. Брызги соленой воды залепляли глаза. Иногда так раскачивало, что винты катера выходили из воды и вертелись в воздухе. К довершению всего было совершенно темно. После того, как я побывал на нескольких судах, нужно было попасть на «Камчатку». Где она стоит — в темноте не найти. Пошли ее искать. Она стояла дальше от берега, чем другие суда. Что творилось на воде кругом ее, трудно описать. Оказалось невозможным не только попасть на нее, но даже получить мешок, спущенный с ее борта. А вылезать с катера на корабль? Вплотную к судну подойти нельзя, не рискуя разбить катер, трапа нет, надо хвататься за шторм-трап, выбирая мгновение, зацепляться. И Боже сохрани, если в эту минуту соскочит рука или нога. Выбираясь на «Малайю», только я ухватился за какую-то веревку, как катер вырвало из-под ног. Повис я над водою и кое-как вырвался. Затем стихло. Поехал я на пароход «Раценталер». Он получил повреждение. Добрался до него благополуч-

но. Осмотрел. На это потребовалось около часу времени. Вышел садиться на катер, а море уже снова ревело вовсю. С трудом спустился в катер. Его качало, бросало, заливало. Отходя от борта, запутали винт в конце, поданном с парохода. К счастью, конец отдался, и мы с большими предосторожностями, малым ходом дошли до «Суворова». Когда я болтался на штурм-трапе, кто-то заметил: «Вот если бы вас видела жена в таком положении...»

К 07.00 ветер внезапно стих. Капитан 1-го ранга Клапье-де-Колонг и флагманский артиллерист полковник Берсенев от имени адмирала нанесли ответный визит майору-губернатору, а также командиру прибывшего местными немецкими войсками и командиру прибывшего из Германии для усмирения туземцев экспедиционного отряда. Оба командующих были также майорами. К полудню оба последних майора прибыли на «Суворов». Снова салюты, немецкий гимн, тосты в кают-компании за победу над Японией, за искоренение желтой опасности и за гибель Англии!

Как бы в ответ на этот тост в Ангра-Пеквене из Канской колонии пришла английская кашудка. Ее командир немедленно прибыл на «Суворов» к адмиралу и напомнил, что тот слишком долго стоит в бухте нейтральной Германии. Рождественский, сдерживаясь, как можно вежливее намекнул англичанину, что его дело беспокоиться об английских владениях. Англичанин не менее вежливо заметил, что он лишь хотел напомнить адмиралу правила международного нейтралитета. С этими словами англичанин откланялся. Когда его катер отходил от «Суворова», броненосец салютовал английскому флагу в 9 выстрелов.

В Ангра-Пеквене никаких сведений о ходе войны получить не удалось. Старые английские газеты, обнаруженные в маленьком немецком поселке, печатали сведения трехмесячной давности.

3 декабря из Капиталта пришел почтовый пароход. В одной из местных английских газет в сообщении о русско-японской войне была маленькая заметка: «После долгих и упорных штурмов японцы овладели под Артуром высотой 203, которую русские называют «Вы-

сокая». Сердце капитана 2-го ранга Семенова упало: он понял, что артурской эскадре — конец.

— Высокая? Это где же? — спрашивали меня в кают-компании.

— Это на северо-западном углу нашего сухопутного фронта, — отвечал я, не вдаваясь в подробности.

— Высокая? Это — что же? — спросил адмирал каким-то странным тоном, пытливо заглядывая мне в глаза.

— Это, может быть, — конец крепости, и совершенно точно — конец эскадре. С нее все рейды и порт как на ладони...»

В Ангра-Пеквене Рождественский получил, видимо с угольщиков, агентурные данные русской разведки: в Дубране японцы сосредоточили целую флотилию парусных шхун, построенных в Бомбее. Каждая шхуна вооружена торпедным аппаратом. Указывалась даже фамилия командира этой флотилии — контр-адмирал Сионогу. Наша разведка как всегда была «на высоте», старательно переправляя в штаб Рождественского распускаемую противником дезинформацию. Адмирал приказал принять дополнительные меры предосторожности и ночью идти без огней.

«4 декабря в 9 часов 30 минут утра, — пишет доблестный летописец эскадры капитан 2-го ранга Семенов, — мы покинули непогодливую, но гостеприимную «майорскую» бухту с тем, чтобы, никуда не заходя, добраться до Мадагаскара». Эскадру задерживали постоянные поломки «Камчатки». Надвигался шторм. Броненосцы зарывались носами в крупную зыбь, высота которой достигала 20 футов. На крейсерах жалко было смотреть, так их швыряло из стороны в сторону. На «Суворове» шла охота на крыс, от которых уже не стало житья. Специалистом по ловле крыс оказался пес Флагманский (свою кличку пес получил, потому что появился на «Суворове» в один день вместе со штабом адмирала). Весь день Флагманский с лаем гонялся за крысами и душил их. По составленному графику пес почевал в различных каютах и помещениях, и после его «вахты» крысы на некоторое время оставляли это помещение в покое. Далеко

на горизонте держался английский пароход, следивший за эскадрой. В кают-компании «Суворова» читали полученную с угольщика немецкую газету, где говорилось, что шедший через Суэцкий канал отряд адмирала Фелькерзама подвергся в Красном море атаке японских миноносцев и частично уничтожен. В церкви броненосца служили малую обедню. Огромные волны зыби накатывались на «Суворов». Броненосец не успевал взбираться на волну, и огромные массы воды обрушивались ему на палубу. Слева по борту проплыла в дымке Столовая гора — приближался мыс Доброй Надежды.

6 декабря — Николин день. Древний национальный русский праздник. На «Суворове» служили обедню, был молебен в честь покровителя православных моряков Николы Угодника. Эскадра салютовала своему святому покровителю. (Залпы салюта слышали в Капштадте. Английские газеты по этому случаю писали, что эскадра подверглась нападению и вела бой.) Затем состоялись парадный обед в кают-компании и игра для матросов. Суть игры заключалась в следующем: играющего провозили на десантном лафете под доской с дыркой, на котором стояло ведро с водой. Играющие, проезжая под доской, должны были палкой попасть в дыру. При промахе ведро падало и вода выливалась на матроса...

С левого борта проплывал мрачный, гористый, лишенный растительности берег, напоминавший бывалым морякам побережье Нордкапа.

7 декабря эскадра повернула на северо-восток и вошла в Индийский океан. За ночь ветер усилился. К утру неправильная, беспокойная зыбь сменилась огромной волной, к счастью, попутной. Ветер крепчал, доходя порывами до 9 баллов. На «Суворове» Политовский бегал по всему кораблю, совещался с капитаном 2-го ранга Македонским и трюмным механиком штабс-капитаном Криммером. Раздавались удары кувалд, забивавших клинья к подпорам. Матросы тащили бревна и доски. Целые горы воды обрушивались на верхнюю палубу. Через плохо про-

чеканенный надводный борт и неплотно задрасненные иллюминаторы вода проникала в каюты и разливалась по палубам. Машина давала перебои — винты выскакивали из воды, полосуюя воздух. Ночью ветер затих, но к рассвету 8 декабря задул с полной силой. «Волна 35 футов, а то и больше, — записал в дневнике капитан 2-го ранга Семенов. — Помоги Бог! Выдержат ли броненосцы? Захлестывает на верхнюю палубу. Волна так накрыла с кормы, что залило штабную рубку и поддало на верхний мостик...»

Шторм достиг силы 11 баллов. Волны увеличивались, образуя вокруг «Суворова» громадные крутые горы. Броненосец раскачивался и жалобно скрипел. По палубам вода переливалась целыми каскадами. Волны падали на башни и на мостики. Ветер ревел. Броненосец качался, зарываясь носом. Волны шли на него совершенно отвесно. Разбило в щепки и сорвало со шлюпбалок паровой катер. Оказалось, что не задраснена дверь, ведущая на ют из адмиральского салона. Огромная волна вкатилась в салон, когда Рождественский завтракал с офицерами своего штаба. Все вымокли с головы до ног, со стола смыло хрусталь и посуду. Дверь удалось задраить с большим трудом. Измотанные штормом офицеры, меняясь с вахт, обнаруживали в каютах по колено воды и мокрые койки. Спали, где придется...

9 декабря шторм стал постепенно стихать. Еще шквалами налетал ветер в 5-6 баллов, но было ясно, что шторм пошел на убыль, — броненосец выдержал испытание океаном. На радостях на «Суворове» отпустили от должности вольнонаемного ресторатора-француза, и заботу о кухне кают-компания взял на себя лейтенант Вырубов.

10 декабря ветер почти стих, только крупная зыб обрушивалась на корабли. В штабе беспокоились о судьбе рассеянных штормом транспортов, но они, к счастью, один за другим стали появляться на горизонте.

Ночью на «Суворове» загорелся уголь в угольной яме. Пожар быстро потушили паром, пустив его в угольную яму.

Политовский был в плохом настроении. Он сдал в стирку новые чехлы от фуражки. Чехлы вернули из стирки рваными. «Ты представить себе не можешь, — жаловался он жене, — что за варварская у нас прачечная. Белье приносят в каких-то пятнах и драное. Уж на что крепкая материя на кителях, и ту продирают».

В плохом настроении находился и адмирал Роже-ственский, стоящий на качающемся мостике «Суворова». Причиной раздражения командующего опять стала плавмастерская «Камчатка». Транспорт упорно не желал идти в строю и плелся где-то позади эскадры, не отвечая на сигналы «Суворова». Наконец на флагмане взвился сигнал: «Камчатка», девять раз делал ваши позывные и не получил ответа. Арестовать на 9 суток вахтенного начальника». Ответа не было. «Суворов» поднимает еще один сигнал: «Донести немедленно, почему не можете идти с эскадрой. Произвести дознание — обнаружить виновников!» Последний сигнал на «Камчатке» прочли. К пок-рее неуклюжей плавмастерской медленно поползли разноцветные флаги ответа: «Плох уголь. Не держится пар. Прошу позволения выбросить за борт 150 тонн угля. Тогда могу идти». Роже-ственский взорвался. Весь отряд идет на этом угле, а «Камчатка» не может. «Ответьте, — прорычал адмирал флаг-офицеру, — что я разрешаю выбросить за борт старшего механика «Камчатки» и всех его подчиненных!» По сигналу с «Суворова» на «Камчатку» отправился находившийся на «Алексаидре III» флагманский механик Обнорский, чтобы произвести дознание по поводу «злонамеренных задержек всей эскадры транспортом «Камчатка». «Камчатка» прибавила ход, но на самом «Суворове» сломалась рулевая машина. Флагман вышел из строя, эскадра остановилась, а затем полчаса шла малым ходом. «Камчатка» догнала отряд и заняла свое место в строю...

Ночью 12 декабря с «Суворова» запросили «Камчатку» о ее ходе. «Камчатка» ответила, что ход 8 узлов. На «Суворове» этот ответ сигнальщики разобрали так: «Видите ли миноносец?» А эскадра как раз находилась на широте английского порта Наталь, где, по агентурным данным, стояли в засаде купленные в Англии

японские миноносцы. И хотя до Наталя было 500 миль, да и погода совершенно не подходила для атаки миноносцев, на «Суворове» начался переполох. Была сыграна боевая тревога. Ничего не понимая, люди разбежались по боевым постам. К счастью, никаких судов в районе прохождения эскадры не было, а то бы повторился «Гулльский инцидент», и снова по вине «Камчатки»...

Вопреки опасениям штурманов норд-ост не перешел в шторм, а дул с постоянной силой, не превышающей 6 баллов. Моросил мелкий дождь. От влажности воздуха буквально нечем было дышать. Затем налетел циклон и хлынул ливень с грозой. 13 декабря прошли южную оконечность Мадагаскара, где было назначено randevу с ушедшим в Капштадт госпитальным «Орлом», но парохода не было и в помине. Видимо, переждал шторм в Капштадте.

14 декабря слег адмирал. Сказалось нервное напряжение труднейшего перехода, в ходе которого он 10 суток не сходил с мостика, изредка забываясь коротким сном в парусиновом кресле. В 11.00 «Суворов» внезапно наполнился диким ревом и свистом. Лопнул главный паропровод. «Совершенно инстинктивно, — вспоминает капитан 2-го ранга Семенов, — я выбежал наверх. «Суворов» был вне строя, выйдя вправо. По левому его борту проходила эскадра, которой он поднял сигнал: «Так держать. Не следовать движениям адмирала», что в переводе на разговорный язык означает: «Идите прежним курсом и строем, не обращайтесь на меня внимания». Оказалось, что у группы котлов лопнула труба, подающая пар от них в главный паропровод. К полудню управились, догнали эскадру и вступили на свое место. По счастью обошлось без жертв. Три человека рисковали живьем свариться, но спаслись, благодаря счастливому случаю и находчивости старшего. Поблизости оказалась открытая горловина угольной ямы. Только что лопнула труба и со свистом и ревом хлынул из нее пар, как старший, ни на мгновение не потерявшись, сразу сообразив в чем дело, сунул своих помощников в яму, вскочил туда же сам и задраил за собой горловину. Когда, почти через час,

эти люди, которых считали погибшими, вылезали из своей темницы на свет Божий — радость была всеобщая. Адмирал перед фронтом команды хвалил их за находчивость, назвал молодцами, выдал денежные награды из собственного кошелька, а сам вдруг совершенно утратил свой усталый, больной вид и опять помолодел...

Ночью 15 декабря эскадра шла без огней в состоянии полной боевой готовности. Аппараты беспроволочного телеграфа броненосцев принимали смешанные знаки с двух значительно удаленных друг от друга пунктов. Эти таинственные депеши вызвали тревожное настроение. Сначала думали, что это телеграфируют крейсера-разведчики из отряда Фелькерзама, но скоро стало ясно, что телеграммы идут не от них. Затемненные корабли следовали за «Суворовым» вдоль восточного побережья Мадагаскара, держась от него на расстоянии 50 миль. Утром с «Суворова» увидели очертания горных цепей на горизонте. Снова началась страшная жара, броненосцы шли в струе теплого течения, идущего с экватора на юг вдоль Мадагаскара.

16 декабря в 08.00 «Суворов» привел эскадру к южной оконечности небольшого островка Сент-Мари и встал на якорь в проливе, отделяющем этот остров от Мадагаскара. Эскадра с момента выхода из Либавы находилась в походе 2,5 месяца, пройдя 10 000 миль...

Пролив имел ширину более 10 миль. Стоявшие в середине его русские корабли не нарушали нейтралитета Франции. Теперь главной заботой Рождественского было собрать эскадру. «Иду с завязанными глазами, — писал вице-адмирал Рождественский в письме домой, — приближаюсь к Мадагаскару... плетемся два месяца, а учиться ничему не можем, перзабыли все, что в Ревеле повиучили, а теперь только и заботы, как бы ползти вперед и не растерять хромых и слепых. Идем сплошь третий месяц и не простояли более рассчитанного».

В 16.00 пришел из Капштадта госпитальный «Орел» со свежими газетами. Посланный офицер привез на «Суворов» «Новое время» и «Биржевые ведомости», а также ряд иностранных газет. Новости были ошеломляющими. Все корабли, находившиеся в Порт-Артуре,

погибли, «Громобой» разбился на камнях, Куропаткин отброшен к Мукдену, падение Порт-Артура — вопрос ближайшего времени. На «Суворове» (да и на всей эскадре) все были подавлены. Большинство офицеров и матросов были убеждены, что ко времени прихода 2-й эскадры на Дальний Восток 1-я эскадра успеет исправить все полученные в боях повреждения и тогда обе эскадры составят силу, значительно превосходящую флот противника. Лейтенант Вырубов писал отцу: «В Сент-Мари на нас посыпались одни за другими тяжелые известия с Востока: ужасная гибель эскадры, бездействие Куропаткина, наконец, капитуляция Артура! Есть с чего прийти в отчаянье и пасть духом! Но, должно быть, еще велики наши духовные силы, так как с гордостью могу сказать, что и тени уныния нет на нашей эскадре, хотя один Бог знает, что мы все пережили и как нам все это тяжело. В довершение всего госпиталь «Орел» привез английские газеты из Капштадта, полные инсинуаций по нашему адресу, с массой тревожных вестей из России. При этих условиях известие, что Камимура с двумя броненосными крейсерами и 12 миноносцами идет нам навстречу и уже прошел Цейлон было для нас большой радостью. Мне лично не верится: слишком уж глупо со стороны японцев удаляться от своей базы и подставлять нам свой флот по частям...»

Рожественский планировал соединить эскадру в хорошо оборудованном порту Диего-Суарец. Однако в тот же день, 16 декабря, он получил телеграмму из Морского Министерства, извещавшую его, что из-за протестов Японии по поводу систематических нарушений нейтралитета Франции французское правительство «признает невозможным сосредоточение нашей эскадры в Диего-Суарец, как было предположено, и настойчиво просит выбрать для этой цели другой пункт, указанный им ранее, а именно — у острова Носси-Бе, по западную сторону острова Мадагаскар...»

Планы Рожественского оказались спутанными. Он надеялся в Диего-Суарец отремонтировать корабли и снабдить их всем необходимым для похода через Индийский океан.

17 декабря началась погрузка угля. Все немецкие угольщики, как планировалось, пошли в Диего-Суарец, а в проливе Сент-Мари их оказалось только два. Грузились по очереди. «По обыкновению завалили броненосец углем, — писал Вырубов, — на этот раз приняли еще больше: целых 2500 тонн вместо 1100 тонн». В ближайшем городке Таматава цены на все подскочили в четыре раза. Приехавшего туда Вырубова закупить продукты для кают-компаний французы встретили цветами и овацией и «ободрали как липку». В местных ресторанах меню украсили двуглавыми орлами. На берегу шла бойкая торговля экзотическими ракушками по цене 1 франк за полдюжины. Флагманский интендант капитан 2-го ранга Витте был отправлен в Диего-Суарец на телеграфную связь с Петербургом. В Сент-Мари телеграфа, естественно, не было. Витте вернулся на пароходе «Русь» 18 декабря, доставив телеграммы из Морского Министерства, в которых, со ссылками на разведанные, сообщалось, что сильная японская эскадра прошла Сингапур, а два крейсера противника «сидят» в засаде в Мозамбикском проливе. После столь фантастического предисловия в конце сообщения была передана настоящая информация: отряд Фелькерзама с 15 декабря стоит в Носси-Бе... Погрузка угля на броненосцы шла медленно из-за крупной волны и Нового года по новому стилю — немцы на угольщиках по этому случаю напились. После захода солнца на всех кораблях гасили огни, броненосцы выкидывали сетевое ограждение. Беспроволочный телеграф «Суворова» продолжал принимать какие-то непонятные телеграммы. Не удалось даже разобрать, на каком они языке. Из Петербурга адмирал Рождественский получил уведомление не пользоваться никакими голландскими владениями для стоянки эскадры, ибо Япония грозит Голландии войной за малейшее нарушение нейтралитета.

19 декабря часть офицеров «Суворова» съехала на о.Сент-Мари. Выяснилось, что не так давно местные туземцы убили двух французских офицеров. При виде русской эскадры туземцы решили, что прибыла карательная экспедиция и, бросив свои деревни, убежали

в джунгли. Офицеры вернулись на «Суворов», нагруженные фруктами и зеленью. В ночь с 19 на 20 декабря свежий юго-восточный ветер развел в проливе такую волну, что пришлось не только прекратить погрузку угля, но и прервать сообщение между кораблями. На экзотической туземной пироге на «Суворов» прибыли местный французский администратор и начальник таможни. Они рекомендовали адмиралу перейти на несколько миль к северу и встать в бухте Танг-Танг, где песчаная коса прикроет корабли от волн и зыби открытого моря.

Утром 21 декабря эскадра перешла в бухту Танг-Танг. Пришла новая информация о наличии в районе боевых кораблей противника. «Сегодня, — пишет Политовский, — на кораблях погашены все огни, которые можно увидеть снаружи. Всюду по углам люди. Говорят невольно тихо. Напряженно вглядываются в горизонт. Чернеют смутно силуэты близстоящих кораблей. Орудия готовы каждую минуту начать стрельбу. За бортом колышутся от волны сети. Прожекторы готовы моментально осветить все окружающее. Кругом полнейшая тишина — все замерло в тревожном ожидании».

Погасить огни приказали госпитальному «Орлу», что противоречило требованиям международных правил о госпитальных судах и постановлениям Гаагской конференции. Капитан «Орла» и старший врач Мультиановский прибыли на «Суворов» с протестом. Адмирал весьма резко предложил «Орлу» покинуть на ночь бухту. Отказался гасить огни и рефрижератор «Эсперанца», который привез мясо на эскадру. Команда его грозила бунтом и требовала возвращения в Европу.

22 декабря в 15.00 на горизонте показался быстро приближавшийся пароход. С мостика «Суворова» в бинокль рассмотрели громадный однотрубный пароход под немецким флагом, который оказался угольным транспортом «Ациллия» из отряда Фелькерзама. Подойдя к «Суворову», «Ациллия» подняла сигнал: «Имею почту для адмирала». Фелькерзам доносил, что, поскольку «Наварин» и «Сисой» перебирают машины после длительного похода, они не могут выйти на со-

единение с Рождественским в бухту Антожил-Бе. Получив это сообщение, адмирал Рождественский решил идти со всеми броненосцами в Носси-Бе, чтобы скорее собрать все корабли и немедленно двинуть их дальше в поход через Индийский океан. Адмирал, считая неизбежным падение Артура (которое в действительности уже произошло), видел последний шанс на успех в быстром появлении 2-й эскадры на театре военных действий, чтобы не дать японцам времени привести в исправное состояние свои корабли, потрепанные длительной блокадной службой у Порт-Артура.

Напряжение на эскадре не спало. Пронесся слух, что какой-то полиглот с крейсера «Адмирал Нахимов» перевел одну из непонятных телеграмм, которая, естественно, была на японском языке и гласила: «Русская эскадра без огней стоит у острова Сент-Мари». 23-24 декабря снова стояли без огней, с выкинутыми сетями, в полной боеготовности. Минные катера с броненосцев несли дозорную службу.

24 декабря «Суворов» повел броненосцы и транспорты (крейсера ушли ранее) в Носси-Бе. Перед съемкой с якоря было получено сообщение с крейсера «Светлана», что он с двумя миноносцами выслан навстречу командующему. В 11.30 в море эскадра встретила «Светлану» с миноносцами «Бедовый» и «Бодрый». На «Бодром» сломалась машина и его было приказано взять на буксир пароходу «Русь». Эскадра остановилась, и со «Светланы» на «Суворов» был послан офицер, доставивший Рождественскому донесение контр-адмирала Фелькерзама о походе его отряда от Танжера до Носси-Бе. Ночь с 24 на 25 декабря снова прошла тревожно. Всюду чудились миноносцы противника. Люди дежурили у орудий...

25 декабря, в первый день праздника Рождества «Суворов», а за ним все корабли эскадры подняли стеньговые флаги. В 08.30 все корабли застопорили машины. Началась праздничная приборка. Капитан 2-го ранга Семенов вспоминает: «После обедни и положенного по уставу парада адмирал собрал команду «Суворова» на шканцы и, с чаркой в руке, произнес корот-

кую, но глубоко прочувствованную речь: «Дай вам Бог верой и правдой послужить Родине, в добром здоровье вернуться домой и порадоваться на оставленные там семьи. Нам здесь и в великий праздник приходится служить и работать!.. Да иной раз и как еще работать...! Что делать — на то война. Не мне вас благодарить за службу. И вы и я — одинаково служим родине. Мое право, мой долг — только донести Государю, как вы служите, какие вы молодцы, а благодарить будет Он сам, от лица России... Трудное наше дело — далек путь, силен враг... Но помните, что **«ВСЯ РОССИЯ С ВЕРОЙ И КРЕПКОЙ НАДЕЖДОЙ ВЗИРАЕТ НА ВАС!»** Помоги нам Бог послужить ей с честью, оправдать ее веру, не обмануть надежды. А на вас я надеюсь!.. за нее! за Россию!..» — и, резким движением опрокинув в рот чарку, он высоко поднял ее над обнаженной головой. Адмирал начал свою речь обычным уверенным голосом, но чем дальше говорил, тем заметнее волновался, тем резче звенела в его голосе какая-то непонятная нота — не то слепой веры, не то мрачной решимости, отчаяния... Команда, первоначально чинно собравшаяся на шканцах, всецело поддавалась его обаянию. В глубоком молчании, стараясь не шуметь, люди, чтобы лучше слышать и видеть, громоздились на плечи друг друга, как кошки вползали по снастям на мостики, ростры, шлюпки, борта, крыши башен... Последние слова, произнесенные явно дрогнувшим голосом, были покрыты «Ура!», заглушившим гром орудийного салюта... Передние ряды едва сдерживали задних... Казалась, вот-вот вся эта лавина тесно сгрудившихся человеческих тел хлынет на адмирала... В воздухе мелькали фуражки, руки, поднятые, как для клятвы, многие крестились, у многих на глазах были слезы, которых не стыдились... И среди стихийного рева (в нарушение устава) резко выделялись отдельные крики: «Послужим! Не выдадим! Веди! Веди!»

Долго не могла успокоиться команда. Даже к чарке шли неохотно. Про обед словно забыли...

«Эх! — невольно подумал я, — кабы сейчас да в бой!» «Суворов» повел эскадру дальше. Шли медленно, опасаясь нападения. Точных карт этого района не было. Рифы и мели были помечены на картах помет-

ками: «неточно», «сомнительно». С носа броненосца постоянно замеряли глубину. Сигнальщики на мостиках и марсах следили за морем и горизонтом. Вечером 25 декабря к «Суворову» из Носси-Бе был послан миноносец «Буйный». На переходе из Танг-Танг в Носси-Бе Рождественский встретил в море оба миноносца — «Буйный» и «Бедовый» — чья судьба будет связана с его собственной судьбой до конца дней этого несчастного адмирала. Рождественский недолюбливал командира «Буйного» капитана 2-го ранга Коломийцева за недисциплинированность. С мостика «Суворова» мегафоном «Буйному» приказали отвести на якорную стоянку в Носси-Бе госпитальный «Орел»...

Ночью эскадра держалась в море. На «Суворове» было так душно, что офицеры спали на диванах кают-компаний. С первыми лучами рассвета 26 декабря эскадра начала входить в Носси-Бе. На «Суворове», приветствуя отряд контр-адмирала Фелькерзама, грянул марш, раздались залпы артиллерийского салюта. Уже смертельно больной Фелькерзам прибыл на «Суворов» и сердечно расцеловался с Рождественским под крики «Ура!» построенных экипажей. Половина труднейшего, беспрецедентного плавания завершилась. Огромная эскадра, не потеряв ни одного корабля, сосредоточилась в Носси-Бе. Политовский записал в своем дневнике: «В бухте весь остаток морской мощи несчастной родины. Здесь все, что осталось у России. Неужели и это бесславно и позорно погибнет? Эскадра еще довольно велика, но будет ли толк? Было больше кораблей, и те или разбиты, или лежат на дне морском. Неужели наши корабли завершат великую трагедию гибели огромного флота?» Даже в письмах никогда не унывающего Вырубова сквозит усталость и грусть: «Ужасно грустно: почти три месяца не имею вестей ни от вас, ни от жены. Тяжелое время мы переживаем! Мне страшно подумать, что Саша Развозов, вероятно, убит. Это будет такой ужасный удар, что я просто не знаю, как мои это переживут. Даст Бог, в 1905 г. счастье нам улыбнется и мы наверстаем стоицей».

Измученные люди нуждались в отдыхе, а материальная часть в ремонте. Известие о гибели артурской

эскадры и падении Порт-Артура потрясло всех. Боевой дух на кораблях падал. Все были уверены, что эскадру вернут в Россию. Видимо, передавая общее настроение, капитан 2-го ранга Семенов, как никто жаждавший реванша за гибель своего любимого учителя адмирала Макарова и артурской эскадры, записал в своем дневнике: «Если бы в Петербурге поняли всю безнадежность (чтобы не сказать преступность) нашей авантюры, если бы оттуда получено было категорическое приказание возвратиться, — я бы не только не возроптал, но, уже в достаточной мере ознакомившись с боеспособностью «армады», сказал бы от чистого сердца: «Слава Богу! Догадались вовремя!»... Не решусь утверждать, но смею думать, что адмирал держался приблизительно такого же мнения... Если среди нас, в тесном кают-компанейском кругу, не находилось человека, который рискнул бы сказать громко: «Нет надежды! Впереди — бесполезная гибель. Надо возвращаться!» — то мог ли адмирал, на которого «с верою и крепкой надеждою взирала вся Россия», сам заговорить о возвращении?»...

Пока еще Рождественский спешил, но уже отчетливо понимал, что в самом лучшем случае ему удастся с несколькими уцелевшими в бою кораблями прорваться во Владивосток. Именно это свое мнение адмирал доложил в телеграмме, направленной непосредственно Царю. Видимо, в этом послании, где Рождественский ясно и четко говорит о том, что невозможно в создавшейся обстановке овладеть морем, содержится замаскированная просьба вернуть эскадру на Балтику. Однако из Царского Села пришел ответ, не оставляющий сомнений относительно планов правительства и Царя: «Возложенная на вас задача состоит не в том, чтобы с некоторыми судами прорваться во Владивосток, а в том, чтобы завладеть Японским морем. Для этого имеющиеся сейчас у вас на Мадагаскаре силы недостаточны. Если же к вам присоединятся отряды Доброворского и Небогатова (последнее может осуществиться в конце марта в Индийском океане), то будете иметь шансы на успешное выполнение задачи. Признаю безусловно необходимым для усиления эскадры вам дожидаться отряда Доброворского на Мадагаскаре, от-

дельное следование которого считаю слишком рискованным. Что касается отряда Небогатова, то, не желая Вас связывать, ожидаю Ваше мнение, находите ли возможным произвести это присоединение в Индийском океане, распределив плавание эскадры для этой цели. Николай».

Рождественский отвечал Царю: «Задержавшись здесь, даем время неприятелю привести в полный порядок главные силы... Из отряда Добротворского один «Олег» прибавит силы и тот немного, потому что ходит плохо, имея лопнувший цилиндр. Небогатов был бы значительным подкреплением, но трудно сказать, в каком виде он дойдет до Мадагаскара. Соединенная с ним эскадра ни в коем случае не появилась бы в Японском море ранее июня. Не зная, как организовано снабжение отряда Небогатова, предполагаю, что ожиданием его присоединения совершенно расстроится наше собственное снабжение, рассчитанное на сроки, уже теперь приходящие в беспорядок вследствие пегремен. Генерал-адъютант Рождественский».

Но Царь продолжал настаивать на своем: «Признаю необходимым вам дожидаться присоединения отряда Добротворского, находящегося уже на пути к Мадагаскару. Что касается отряда Небогатова, который выходит из Ливавы через несколько дней, то, не желая вас связывать, предоставляю на ваше усмотрение ожидать его или нет... Николай».

Между тем на эскадре спешно грузили уголь и срочно делали необходимый ремонт, готовясь следовать дальше и ничего не зная о переговорах командующего с царем. Часть офицеров и больных матросов (впервые после Ливавы) отпустили на берег. Один матрос с «Суворова» тут же дезертировал, и весь корабль лишили увольнения. Новый год встречали на «Суворове» грустно.

После богослужения офицеры, по традиции, ездили с поздравлениями на другие корабли и принимали гостей. Матросов освободили от работ. Полученное поздравление от Царя и Великого князя Алексея Александровича общего настроения не улучшило.

На «Суворове» чистили котлы и перебирали механизмы, продолжая погрузку угля. 4 января 1905 года

в Носси-Бе французский пароход «Месажер-Марите» привез почту на эскадру. Лейтенант Вырубов писал отцу в письме от 5 января: «Послезавтра мы двигаемся дальше: предстоит почти 20-дневный переход Индийским океаном, и мы попадем прямо на театр войны, так как я не сомневаюсь, что наше первое знакомство с японцами произойдет в Зондском архипелаге. Новый год мы встретили вместе с адмиралом в нашей кают-компании. Было очень мило и оживленно. Адмирал сказал маленькую речь, пожелал нам встретить 1906 год живыми и здоровыми в кругу родных и знакомых с сознанием выполненного долга. Он был очень оживлен и просидел с нами до двух часов ночи, причем никому не был в тягость. После его ухода пошли речи и спичи. Речи и спичи дошли даже до экспромтов в стихах. Некоторые члены кают-компании разошлись в 8 часов утра. Стоянка у нас очень тяжелая из-за невыносимой жары: с 8 часов утра до 4 часов дня просто ничего невозможно делать. В это время жизнь на берегу совершенно прекращается. Судовую жизнь приостановить нельзя, и команде приходится тяжело».

5 января, за день до предполагаемого ухода эскадры, офицеры флагманского броненосца хлынули на берег. Политовский очень хорошо передаст общее настроение офицеров, которых ожидал дальний поход и неизвестность: «На «Суворове» появилось еще зверье: добыли откуда-то зайца и дикобразов, притащили с берега собаку. Теперь, куда ни взглянешь, всюду либо птица, либо животное, либо гад. На палубе стоят быки, приготовленные для убоя на мясо, я уже не говорю про кур, гусей и уток. По каютам сидят обезьяны, попугаи и хамелеоны. Нацарапал письмо, пошел опустить его вместе с открытками в ящик. У окна почтовой конторы стояло много народу, все спешили сдать письма, тобы они попали на уходящий пароход... В лавке здесь торгуют преимущественно индусы. У них и торговли столь оживленной никогда не было. Есть здесь место, которое носит громкое название «Парижское кафе». Хозяин этого кафе говорит, что после ухода эскадры он закроет свой кабачок и уедет в Париж. Больше, чем теперь, он никогда не наживет. С почты пошел я в это

кафе, уговорили меня там сесть поиграть в винт. Рядом масса офицеров играла в макас. Играли очень крупно (один успел спустить более 400 фунтов, то есть 4000 рублей). В макас играть не сел, а несколько раз примазался, продул 60 франков, после проигрыша пошел на пристань, было уже пора; шестой час на исходе, а шлюпка должна была отвалить в шесть. В начале седьмого часа был уже на корабле. Идя в каюту, узнал, что седьмого уходим. С 5 на 6 января шел освежающий дождь. Утром на «Суворове» состоялся молебен с водосвятием. Отец Назарий кропил кормовой флаг и гюйс «во имя отца и сына и духа святого».

Эскадра была готова выйти в море и продолжать поход, не ожидая никаких подкреплений и игнорируя указания из Петербурга. Неожиданно представитель «Гамбург-Американской линии» заявил, что пароходы-угольщики не последуют дальше за эскадрой. Еще когда эскадра двинулась из Танжера вокруг Африки, японцы, убедившись, что русские корабли обеспечатся углем с немецких угольщиков, попытались заставить правительство Германии запретить немецкой паровой компании снабжать углем русскую эскадру. И поскольку правительство Германии игнорировало японские демарши, японцы заявили, что отныне будут задерживать и топить все пароходы «Гамбург-Американской линии», где бы их ни встречали. Это повлияло на руководство компании и угольщикам было запрещено следовать далее на раандеву с русской эскадрой.

Положение эскадры стало безвыходным, и Рождественский, отменив выход в море, доложил об этом в Петербург. Адмирал писал в письме домой: «Только чтостряслась над нами крупная неприятность. Немцы изменили в самый решительный момент. Не хотят дальше идти с углем... Ума не приложу, как выкрутиться... а нам всякая задержка здесь гибельна, дает японцам возможность делать широкие приготовления. Сами попадаем в период ураганов, которые могут истребить половину наших судов без всякого участия японцев... На эскадру это произвело удручающее впечатление... Стоя здесь, мы себя бесполезно съедаем без всякой даже возможности возобновить запас провизии, потому что

Мадагаскар далек от всех торговых больших центров. Кроме мяса, ничего более достать нельзя: ни муки, ни крупы, ни масла, ни овощей. Через две недели еще мы все проедем и тогда не с чем будет переплывать океан. Все это я рассчитывал, начиная с завтрашнего дня, получать уже из Батавии от голландцев, через наших агентов... Консервы зелени на исходе, а на всем острове не осталось ни одной картофелины».

Русское правительство вступило в переговоры с немецкой пароходной компанией. Переговоры шли медленно: «Гамбург-Американская линия» совершенно не хотела подвергать свои суда и экипажи военным опасностям. Между тем Япония официально заявила, что не будет признавать нейтральным никакое место, где находятся русские корабли или пароходы под любым флагом с запасами для снабжения русской эскадры. В итоге 7 января адмирал Рожественский получил категорический приказ из Петербурга остаться на Мадагаскаре до особого распоряжения...

Страшный груз ответственности лежал на плечах адмирала Рожественского, совершившего первым в мире этот тяжелейший по условиям переход броненосцев от Либавы до Мадагаскара вокруг мыса Доброй Надежды и тем самым подтвердившего свою репутацию прекрасного моряка. И в том, что эскадра дошла до Мадагаскара, главная заслуга принадлежит именно ему. «Никакое донесение, — писал в письме к другу старший флаг-офицер адмирала лейтенант Свенторжецкий, — никакое самое яркое описание не в состоянии изобразить всю тяжесть обстановки переходов второй эскадры. Первый раз в истории флота всего мира вы видели большую эскадру, которая, не имея ни морских баз, ни угольных станций, состоя из судов всевозможных типов и возрастов, отважилась двинуться в столь далекий путь. Политическая и стратегическая обстановка плавания хорошо известна, но надо было лично испытать всю тяжесть этих дипломатических переговоров с различными администрациями — в Испании и в Африканских колониях, чтобы перечувствовать то, что перечувствовал адмирал. Любой испанский жандарм мог унижить наше самолюбие, любой командир старого полуразвалившегося европейского

станционёра с сознанием собственного достоинства и правоты мог заставить нас призадуматься, не говоря уже о различных требованиях и намеках колониальных губернаторов. Надо было иметь только такт, сдержанность и ум Зиновия Петровича, чтобы обойти все эти трудности, не уронив достоинства вверенной ему эскадры... Отряд броненосцев, не имея ни одной угольной станции и поддерживаемый угольной любезностью «Гамбург-Американской линии», шел вокруг мыса Доброй Надежды. Броненосцы — вокруг мыса! Это, кажется, первый пример в истории. Англичане, при известной всему миру прекрасной обстановке для судов их флота, посылали два броненосца из эскадры Канала в Кептаун — в виде опыта. Переход броненосцев вокруг мыса представлял поразительное зрелище. Громадные корабли походили скорее на угольные транспорты. Нельзя было надеяться на уголь при всяких условиях и потому суда брали усиленные запасы. На броненосцы принималось вместо 1100 тонн — до 2500. Все, что возможно, заваливалось углём. 75-миллиметровые батареи, с совершенно негодными для моря орудиями, были наглухо задраены и обращены в угольные ямы. Уголь грузился в коридоры, на срезы, на ют — везде, где только можно было найти свободное место. Грязь была невыносимая. Весь корабль, все офицерские каюты были покрыты тонким слоем кардифской пыли. Весь переход от Танжера до Мадагаскара был непрерывной угольной операцией. Как только эскадра приходила на рейд, где ожидали ее угольщики, тотчас к борту подходил угольщик, и все лебедки, все стрелы Темперлея начинали моментально работать. В это время начинались бесконечные переговоры с местной администрацией, посылались многочисленные телеграммы в метрополию, мы прилагали все силы, чтобы затянуть переговоры, пользуясь временем для угольной операции. Погрузка угля обратилась в спорт, грузили на призы. Окончив погрузку угля, отряд тотчас выходил в море и следовал дальше. С выходом в море, на верхнем мостике появился адмирал. Он почти не сходил оттуда ни днем, ни ночью. Отряд двигался безостановочно только потому, что неустанная энергия Зиновия Петровича подгоняла броненосцы. С

негодными рулевыми приборами броненосцы обошли мыс с промежутками между кораблями в 2 кабельтова... Ничего не проходило без внимания адмирала... Никакие поломки не могли заставить его зайти для исправления в ближайший порт, и только сигналы, эти бесконечные и подчас оскорбительные сигналы, с категорическими требованиями, могли благополучно провести отряд из Танжера на Мадагаскар. Переходы при страшной жаре и вечных погрузках угля донельзя утомляли личный состав, и когда отряд был на ходу, нечего было и думать о какой-нибудь серьезной боевой подготовке. Люди, истомленные жарой и работой, лежали на грудах угля и беспомощно проводили жаркие часы дня...»

Между тем жизнь на «Суворове» шла своим чередом. Воспользовавшись стоянкой, механики ремонтировали машину. Старшие специалисты Зотов, Владимирский и Богданов проводили в кают-компании занятия с офицерами. Адмирал разрешил увольнения матросов на берег в награду за хорошую работу на корабле. В кают-компании бренчало пианино. Мало кто из офицеров умел играть — пользовались пианолой. На «Суворове» была создана особая комиссия для суда над нарушителями дисциплины в период плавания. Один матрос с «Суворова», обругавший старшего боцмана и пререкавшийся со старшим офицером, был приговорен к трем с половиной годам дисциплинарного батальона и отправлен в Россию на возвращающемся транспорте «Малайя». Можно представить, как этот матрос благодарил судьбу за этот приговор!

А в кают-компании «Суворова» офицеры, одуревая от скуки, развлекались как могли.

10 января они устроили друг с другом танцы: танцевали кэк-уок, камаринского, переодевались в разные костюмы. Затем стравили корабельных собак, устроили тотализатор, с напряженным вниманием следили за дракой, кричали и свистели.

На «Суворове» среди приготовленных на мясо быков была и корова с телянком. Когда корову телями опустили на палубу, она вырвалась и как бешеная начала метаться по броненосцу. Матросы разбежались кто куда, а корова устремилась в дверь корабельной кан-

целярии. Сидевший там офицер едва успел захлопнуть дверь. Корову в конце концов поймали, но у нее от пережитых волнений пропало молоко и тележка кормить было нечем. Это событие только и обсуждалось и матросами, и офицерами. Всех беспокоило, когда у коровы появится молоко. Теленка кормили консервированным молоком, причем этим занимались офицеры.

11 января Политовский записал в своем дневнике: «Жарко, душно, сыро, всюду грязь, все опротивело, тоска смертная, неизвестность ближайшего будущего... А бестолковщина, царящая всюду, леность, неумение, незнание, нежелание работать, нерадение...»

А в кают-компании с увлечением делали чучело из застреленного на берегу крокодила.

Инженер-механик Федюшин не унывал. Наконец он вырвался на берег, осуществив свою мечту побывать за счет казны в экзотических странах, о которых столько читал в детстве. «Растительность здесь роскошная, — с восторгом писал он матери из Носси-Бе, — хотелось бы вечно иметь ее перед глазами. Громадные, роскошные кокосовые пальмы, манго. Местечко — рай земной... На якоре служба механиков легче, хотя дел у них не меньше, чем в походе. После каждого перехода нужно бывает осмотреть машины, сделать, где надо, исправления...

Я все-таки очень доволен, что пошел во флот. Моя служба здесь будет продолжением моего технического образования. В заграничном плаваньи я получаю 182 рубля. Если бы содержание на судне стоило не так дорого, я был бы богат. Около ста рублей вычитается в кают-компанию. То небольшое, что остается, я кладу в сберегательную кассу. На случай, если со мной что-нибудь приключится, составил завещание. Все мои взносы должны быть выданы тогда моей сестре. В кают-компании здесь только и разговор, что о плаваньях, о цензе, о выслуге кампаний, об орденах. Да и не мудрено. Вся их жизнь сводится к тому. Выплавал ценз и жди терпеливо, когда получат производство старшие, когда можно будет занять их место. Есть у один мичман-кретин, так тот все вычисляет, насколько он продвинулся вперед благодаря войне. Многие очень напоминают Скалозуба... Прибытие корреспон-

денции — событие на эскадре. Больше всего приходит писем на имя молодоженов. Получаются у нас здесь сведения и о беспорядках в России. Мичманы с глубокомысленным видом говорят: «Это студенты! Тут война, а они бунтуют!» Никак не могут сообразить, что война у нас оттого и затянулась, что не внимали раньше студентам. А теперь принуждены прислушиваться к более настойчивым требованиям не студентов, а всего народа. Уже существует в России и свобода печати. Наконец-то начнут раскрывать все злоупотребления. Дай-то Бог! Пора, пора!..»

Шли дни, а эскадра продолжала стоять на Мадагаскаре. Неожиданно затих вой протестов со стороны Японии и Англии. Никто стоянке не мешал. Японцы приводили в порядок свой флот после блокадной службы у Порт-Артура, перевозили войска и технику в Маньчжурию и, что самое главное, испытывали новые артиллерийские снаряды, изобретенные каким-то перуанским полковником, который открыл секрет нового взрывчатого вещества, по своему действию напоминавшего напалм в сочетании с огромным количеством осколков. Полигонные испытания превзошли все ожидания. Зрелище, по словам очевидцев, было «феерическое»: жидкое пламя после взрыва снаряда пожирало все вокруг себя, а тысячи мелких осколков, вылетая из огненного вихря, вместе со страшной ударной волной крушили полигонные конструкции. Пламя уничтожало кислород в районе взрыва где никто не мог бы уцелеть, чтобы бороться с огнем. В лихорадочном темпе и в условиях чрезвычайной секретности изготавливались первые партии этих снарядов для 12-миллиметровых и 8-миллиметровых орудий, невзирая на то, что было совершенно ясно: эти снаряды нельзя долго хранить в погребах кораблей при постоянных скачках влажности и температуры. Разрабатывались строжайшие правила хранения, менялись системы вентиляции и обогрев погребов, модернизировались системы подачи. Времени было мало. Практически через месяц стоявшая на Мадагаскаре русская эскадра могла появиться около Японии и застать японский флот с разобранными артиллерийскими системами. И никто,

конечно, в Японии и не думал посылать через просторы океана какие-то свои корабли навстречу русским. Чтобы понять это, достаточно было помнить древний девиз военных моряков Японии: «Мы уверены не в том, что враг не нападет на нас, а в нашей готовности встретить его, когда он придет!» Но через свою агентуру, главным образом китайскую, которая и была главным источником информации для русской разведки, японцы распускали самые нелепые слухи о дислокации боевых соединений своего флота. А эти слухи, пройдя немыслимый путь, неслись из русских консульств в Шанхае, Пекине, Сингапуре и Сайгоне в Петербург, а оттуда через английские и французские подстанции мчались по телеграфным проводам на Мадагаскар и доставлялись на «Суворов», сея панику в штабе адмирала Рожественского.

А русская эскадра, ничего не зная ни о планах противника, ни о планах собственного правительства стояла в Носси-Бе, съедая последние запасы. У адмирала Рожественского были собственные источники информации, и, видимо, он был достаточно хорошо осведомлен, что, появившись эскадра на театре военных действий в феврале, прорыв во Владивосток без боя был бы обеспечен. Мечтать о большем после гибели артурской эскадры не приходилось. Из-за стечения многих причин эскадра застряла на Мадагаскаре: неожиданный «саботаж» немецких угольщиков, необходимость ожидать в принципе совершенно ненужный отряд крейсеров Добротворского, категоричность Петербурга и прочее. Что это — цепь случайностей, предопределенный рок русской истории или блестящая работа англо-японской разведки и дипломатии? Или все вместе? Ответа на этот вопрос, конечно, нет, но задуматься над этим стоит...

Побудку на «Суворове» играли в 05.00. Затем на броненосце, а по его сигналу и на других кораблях эскадры, убирали сетевое ограждение. Каждую ночь ожидали нападения японских миноносцев, которые по данным разведки сосредоточились под прикрытием крейсеров в районе Кептауна и в Мозамбикском заливе. После уборки сетей начинались шлюпочные учения. В 08.00 «Суворов» посылал баркасы на транспорты за грузами и на берег — за водой.

Нужные материалы принимались каждый день, уголь загружали раз в неделю. С 15.00 до 18.00 на броненосце шли занятия по специальности. В редкие свободные минуты матросы развлекались ловлей рыбы. Стоянка действовала разлагающе на личный состав. Все страстно надеялись, что корабли вернут в Россию. Адмирал Рожественский, чьи планы оказались совершенно спутанными, а надежды — разрушенными, стал повышенно раздражительным и, понимая это, все реже и реже показывался из своего салона. «Как я раскаиваюсь, что пошел на эскадре», — записал в дневнике Политовский. «Ну и упек я себя!» — написал неожиданно в одном из писем матери еще недавно всем довольный Федюшин, уже переставший восторгаться тиковой отделкой стен кают-компаний, пружинными креслами, жалованием и природой заморских стран. Даже капитан 2-го ранга Семенов — этот подлинный трагический герой трагической войны, — и то записал в своем дневнике слова, мало отличающиеся от слов гражданского нытика Политовского: «Жара, сырость, духота — нестерпимые. Стоянка в этом климате и даже не столько климат, как самый факт стоянки, пагубной задержки, действуют на всех угнетающе. Близко, боюсь сказать, полная деморализация... Тошно писать. Скорее бы вперед, чтобы чем-нибудь кончилось...»

Фактический начальник штаба эскадры Свенторжецкий, несмотря на свои скромные лейтенантские погоны, еще категоричнее писал к другу (делопроизводителю в Морском Министерстве): «Флот наш, совершенно отрезанный от каких-либо отечественных баз, сосредоточился на северной оконечности Мадагаскара, вдали от театра военных действий. Он должен начать новую победоносную войну. Чем обеспечен этот флот? Ничем. Он никогда не чувствовал себя таким осиротелым и необеспеченным, как теперь. Единственная база Владивосток — очень далека, она никогда не была так далека для русского флота, как теперь.

Достигнуть Владивостока — значит преодолеть все трудности плавания на театре военных действий... Вторая эскадра совершенно не обеспечена. Вам хорошо известны недоразумения с Гамбург-Американской компанией, поставляющей нам уголь? Теперь уже ощущается

недостаток в машинных материалах, провизии, в одежде. Смешно, но правда, что почти вся команда на эскадре ходит в лаптях, сделанных из ворсы...

Наконец, что не менее важно, — это отсутствие веры личного состава эскадры в успех экспедиции. Через неделю — год войны. Каковы ее результаты? Вам они лучше известны. Так неужели же после целого года неудач, после потери лучших сил флота с его базой на главном театре, после годовых неудач на сухопутном фронте, после установившегося господства неприятеля на море, можно ждать от флота, неподготовленного, вследствие тяжелых условий плавания, к бою, от флота, находящегося у берегов Мадагаскара, то есть совершенно изолированного от отечественной единственной базы, — ждать успехов и утвердительного решения той задачи, которая была нам сообщена? Без сомнения, нет. В эту войну мы никогда не будем владеть морем. Ведь для того, чтобы владеть морем, надо уничтожить противника на море, а разве мы можем это сделать с нашими силами?»

13 января Рождественский впервые вывел броненосцы из Носси-Бе в море для производства учебных стрельб и эволюций. Лучшее всего этот выход и стрельбы описывает приказ Рождественского от 14 января: «Вчерашняя съемка с якоря броненосцев и крейсеров показала, что четырехмесячное соединенное плавание не принесло должных плодов. Снимались около часа, потому что на броненосце «Князь Суворов» не действовал шпиль, обросший грязью и оборжавевший. Но и за целый час 10 кораблей не успели занять своих мест при самом малом ходе головного. С утра все были предупреждены, что около полудня будет сигнал: повернуть всем вдруг на 8 румбов и в строе фронта застопорить машины для спуска щитов. Тем не менее все командиры растерялись и вместо фронта изобразили скопище кораблей. Призванные снова в кильватерную колонну для стрельбы, корабли растянулись так, что от «Суворова» до «Донского» было 56 кабельтовых. Если через 4 месяца совместного плавания мы не научились верить друг другу, то едва ли научимся и к тому времени, когда Бог даст встретиться с неприятелем».

лем... Вчерашняя эскадренная стрельба велась в высшей степени вяло и, к глубокому сожалению, обнаружила, что ни один корабль не отнесся серьезно к урокам управления артиллерией при исполнении учений по планам. Ценные 12-миллиметровые снаряды бросались без всякого соображения с результатами попаданий разных калибров: иногда через несколько минут полного молчания раздавался выстрел из 12-миллиметровой пушки, а за эти несколько минут крупно изменились и расстояние до цели, и курсовой угол, и положение относительно ветра. Какими же пристрелочными данными руководствовался управляющий артиллерией, выпуская ценные снаряды так, наудалую? Стрельба из 75-миллиметровых пушек была также очень плоха. Видно, на учениях наводка по оптическим прицелам практиковалась «примерно», поверх труб. О стрельбе из 47-миллиметровых орудий, изображающей отражение мишной атаки, стыдно и упомянуть. Мы каждую ночь ставим для этой цели людей к орудиям, а днем всей эскадрой не сделали ни одной дырки в щитах, изображающих миноносцы, хотя эти щиты отличались от японских миноносцев в нашу пользу тем, что были неподвижны».

Во время выхода на эти стрельбы на «Суворове» для корабельных нужд открыли один из клапанов приема забортной воды. Закрывать его забыли, а затем открыли другой клапан, не помня, что один уже открыт. Ночью вода затопила целое отделение и стала уже перетекать в машину, когда опомнились и подняли тревогу.

С транспорта «Эсперанца» ежедневно выбрасывали в море на рейде протухшие мясные туши, привлекая стаю акул. Офицеры с «Суворова» пьянствовали и играли в карты на берегу. На «Суворове» негры-торговцы взяли у одного матроса пять франков и, ничего ему на эти деньги не дав, хотели уплыть на своем тамаранже. Матрос бросился в воду прямо с борта броненосца и поплыл за неграми. Поднялся переполох. Матроса вытащили, негров задержали, избили и отобрали у них все деньги. Политовский, тоскуя по дому, зарастал с горя бородой. Адмирал и флаг-капитан сделали ему по этому поводу замечание. Гребец адмиральского баркаса матрос Михайлов — он же флагман-

ский брадобрей — обкорнал бороду флагманскому корабельному инженеру.

Капитан 2-го ранга Семенов пытался организовать по примеру артурской эскадры боевую флотилию минных катеров. Сразу же начались трудности: сигнальные книги несогласованы, неисправны торпеды и торпедные аппараты. Семенов самозабвенно трудился над устранением всех помех, надеясь, что еще удастся атаковать катерами японский флот, как это удалось с турецким флотом его учителю и кумиру адмиралу Макарову...

16 января на «Суворове» к адмиралу Рождественскому прибыл губернатор колонии с жалобой на разгульное поведение русских офицеров на берегу. Губернатор особенно просил пресечь крупные азартные игры в многочисленных казино. Адмирал запретил съезд на берег офицерам и отдал приказ проверить наличие касс на всех кораблях. Туземцы считали, что из-за стоянки эскадры нет дождей, хотя наступил их период, что приход эскадры прогневил богов. На берегу начались религиозные шествия с жертвоприношениями богам, чтобы те убрали эскадру из бухты.

18 января «Суворов» снова вывел эскадру на эволюции и стрельбу. Перестраиваясь из строя в кильватерной колонне в строй фронта, по-прежнему сбивались в кучу, ничего не получалось. Стрельба шла вяло и, по словам Рождественского, «в расходовании снарядов крупных калибров имела место все та же непозволительная неосмотрительность...».

19 января на учебных стрельбах чугунный учебный снаряд повредил мостик крейсера. «Никого не убило, и то слава Богу!» — писал Политовский. Вечером эскадра вернулась на рейд и получила с берега сообщение, что в Маньчжурии Куропаткин перешел в наступление. Никто в это уже не верил...

20 января в Носси-Бе пришел почтовый пароход под французским флагом и доставил на «Суворов» огромные тюки с почтой из России. Вне себя от радости,

Евгений Политовский писал жене: «Привезли почту, конечно, всю на «Суворов». Начали разбирать ее. Я принял самое деятельное участие, разрезал мешки, сортировал письма, выкрикивал, на какой корабль письмо посылается. Кругом толпились офицеры и тоже разбирали. Со всех судов съезжались писаря за письмами для своих кораблей и окружили рубку, где сортировали почту, тесной толпой. Иногда в руки попадались письма ко мне. Я клал их в карман. Иногда выкрикивали мою фамилию и давали письма. Кончилась разборка, побежал я в каюту, а там на столе еще письмо и какая-то толстая официальная посылка. Посылка оказалась с книгой о кораблестроении из комитета. Остальные письма от тебя. Прочел и не знал, за что приняться, волновался, пошел, сел в гостиной в кресло и смотрел, и смотрел через балконную дверь на рейд. Пришел вестовой и говорит, что меня просит юнкер с «Бородина». Удивился. Выхожу, он передаст мне еще пачку писем и говорит, что командир нашел их среди своих... И кому только не были адресованы письма! Были адресованы на те корабли, которые спокойно стоят в Либаве или Кронштадте, на те корабли, которые уже погибли в Артуре, были даже письма на «Андрей Первозванный»... Сейчас все, прочтя письма, схватились за газеты и поглощают их с жадностью, горячатся, спорят. Обед сегодня был особенно оживлен. Многие из штаба получили награды. Все получили письма и посылки, й, удивительное дело, большинство посылок — с теплыми вещами. Было много тостов, музыка играла туши. Двое даже прослезились. Чувствуется какое-то особенное оживление. Долго не было вестей из дому, а тут вдруг сразу все получили...»

Спорить за обедом было о чем. Русские газеты донесли до личного состава эскадры статьи капитана 2-го ранга Кладо и журналиста Меньшикова о будущем эскадры. Кладо, уехавший на расследование «Гулльского инцидента», вернулся в Петербург и требовал усилить эскадру всем, что осталось на Балтике, включая броненосец «Петр Великий», не спрашивая при этом мнения адмирала Рожественского. Меньшиков — известный русский журналист и общественный деятель,

со свойственной ему резкой прямою камня на камне не оставил от русского флота, его руководства и личного состава. Его статьи, помещенные в газетах «Новое время» и «Русь», вызвали большой резонанс во всех слоях русского общества. Но кают-компания «Суворова» была возмущена, как бывает возмущен любой, неожиданно услышав неприкрытую правду о себе. Политовский весьма резонно замечает: «Сейчас читали вслух в кают-компании ответ Меншикова Бирилеву. Большинство возмущается Меншиковым и кричит: «Как смеет он так ругать флот? Кто дал ему на это право? Разве можно говорить такие вещи?» Какова косность. Они, моряки, еще смеют говорить, погубив бесславно, позорно и бесполезно флот вдвое сильнейший, чем японский, не нанеся последнему почти никаких потерь. Что может быть позорнее поведения нашего флота? Ничего подобного не было нигде с сотворения мира. Не хватает слов, чтобы описать препозорнейший позор, и что же? Имеют нахальство говорить: кто смеет нас судить? Самовосхваление, самонадеянность, чванство и нахальство... Их, моряков, видите ли, Россия не может спросить: а где флот, созданный потом и кровью миллионов русских людей? Что же он сделал? Нанес ли вред неприятелю? Принес ли пользу Родине? Намного ли увеличил славу России?.. Меншикова как человека я никогда не любил, но в данном случае надо сказать ему и Кладу спасибо за их статьи...»

А французские газеты со ссылкой на агентство «Рейтер» поместили сообщение, что «Суворов», проходя мыс Доброй Надежды, бесследно исчез и его местонахождение до сих пор неизвестно.

21 января Евгений Сигизмундович Политовский сделал поразительную запись в дневнике, которую мы оставим на его совести: «Вчера на «Суворов» в качестве торговца забрался японец-шпион. Даже и попытки не было сделано, чтобы его задержать».

Офицеры «Суворова», реабилитируя себя за скандальные карточные кутежи, играли на берегу в теннис с губернатором и его женой. У губернаторского дворца оркестр с «Суворова» играл марши и мазурки... Но

зато начали буйнить матросы и прапорщики. На кораблях свирепствовало пьянство. Офицеры приобретали спиртные напитки легально в буфете своей кают-компании, а матросы доставали их тайно на берегу или с иностранных коммерческих судов. Офицеры, съезжавшие на берег большей частью в вольных костюмах, старались не замечать безобразий матросов. Матросы, почувствовав слабость дисциплины, перестали признавать авторитет офицеров и «гуляли» на берегу, уже никого не стесняясь, а в ответ на сделанные им замечания лезли в драку. Пьяные матросы, как «трупы на поле битвы», валялись на улицах Носси-Бе. Участились драки: били негров, дрались между собой, били офицеров. Патрули были бессильны. Приказы адмирала Рождественского донесли до наших дней яркие картины разложения вверенной ему эскадры: «Крейсера 2-го ранга «Кубань» мичмана Хижинского и прапорщика по морской части Декарпелевича за шатание по кабакам и буйство арестовать в каюте с приставлением часового... Крейсера 2-го ранга «Урал» прапорщик по механической части Зайончковский, спущенный 23 сего января на берег в офицерской форме, напился пьяным до скотского состояния и в бесчинстве со столь же пьяными матросами с госпитального судна «Орел» был избит по морде в кровь... Эскадренного броненосца «Сисой Великий» прапорщик по механической части Товстоногов, спущенный 23 января на берег в офицерской форме, был неприлично пьян и произносил ругательные слова...» Матросы миноносца «Грозный» учинили погром туземцев. Невзирая на слезы и вопли негров, матросы разносили хижины, разбрасывая скудное имущество туземцев...

Виновных для «суда и расправы» доставляли на «Суворов». На фок-мачте флагманского броненосца взвивался гюйс и раздавался пушечный выстрел — знаки суда особой комиссии. Буйнов и пьяниц приговаривали к тюрьмам, дисциплинарным батальонам, карцерам, исключению из кают-компаний с лишением офицерских званий, к аресту в каютах и даже к церковному покаянию. Ничего не помогало. Адмиралу посоветовали для острастки публично повесить нескольких наиболее злостных нарушителей дисциплины.

Помолчав несколько минут, Рождественский ответил: «Я не могу приговаривать к смерти людей, идущих на верную смерть».

24 января адмирал снова вывел эскадру на стрельбы и эволюции. В своем приказе от 25 января он писал: «Маневрирование эскадры было нехорошо. Простейшие последовательные повороты на 2 и на 3 румба, при перемене курса эскадры в строю кильватера, никому не удавались: одни при этом выходили внутрь строя, другие выпадали наружу, хотя море было совершенно спокойно и ветер не превосходил 3 баллов. Повороты «вдруг» были особенно дурны. Стрельба из больших орудий была бесполезным выбрасыванием боевых запасов».

Как при всем этом должен был вести себя адмирал с подчиненными офицерами? Неудивительно, что он стал повышенно резок, как и любой командир, видящий разложение, неумение и полное нежелание чему-либо учиться со стороны своих подчиненных. Обиженные офицеры жаловались на Рождественского в письмах женам и родным, и по этим письмам впоследствии стали почему-то оценивать адмирала Рождественского, а не его подчиненных. Результаты стрельб уже известны из приказов, приведенных выше. Удивительно ли, что старший артиллерист «Суворова» лейтенант Владимирский в письмах жене выражает явное недовольство командующим: «Адмирал, кажется, скоро совсем спятит. По ночам ему все чудятся ракеты, то есть что атакуют миноносцы, а в обращении с подчиненными дошел до того, что одного командира миноносца, капитана 2-го ранга, схватил за шиворот». (Видимо, Владимирский не знал, какие разведданные получает адмирал о наличии в Мозамбикском заливе японских кораблей, но уж о том, что на миноносце «Блестящий» из-за пьянства матросов перевернулась шлюпка и трое из них утонули, он не мог не знать. Что должен был делать адмирал, у которого подобных случаев было примерно по 20 на день, с командиром «Блестящего» капитаном 2-го ранга Шамовым, допустившим пьянство на борту миноносца?)

Лейтенант Вырубов (минер «Суворова») у которого мины не вылетали из аппаратов, а при съемке с

якоря не работали от грязи и ржавчины шпили, тоже был недоволен адмиралом, вероятно, получив немало весьма обидных нагоняев. «В своем адмирале мы окончательно разочаровались, — пишет он из Носси-Бе 22 января. — Это человек, совершенно случайно заслуживший такую хорошую репутацию. На самом деле он самодур, лишенный каких бы то ни было талантов». (Лейтенант Вырубов не мог обеспечить в военное время безотказную работу своего заведования на корабле. А каково было провести такую эскадру от Либавы до Мадагаскара, не потеряв ни одного корабля, и обогнуть при этом мыс Доброй Надежды? Нужен для этого талант? Смог бы это сделать Рожественский, если бы ему разными методами не приходилось подстегивать своих нерадивых подчиненных? Можно ли осуждать его, что порой он орал на офицеров, как фельдфебель на солдат?) Конечно, Цусима есть Цусима. Это кровавый позор, позор, на фоне которого почти не видны немногочисленные блестящие индивидуального героизма. Но Рожественский еще на Мадагаскаре знал, что так будет, когда весь задуманный им план операции рухнул не по его вине. Что он мог сделать, ведя флот XIX века на бой с флотом XXI века?!

Возглавляя огромную эскадру, «Суворов» продолжал стоять на рейде Носси-Бе. Убийственная жара и духота сменились редкими грозами. Недостаток снарядов и машинных материалов не позволял проводить частные учения. Штаб Рожественского пытался убедить Петербург в бесполезности стоянки, но тщетно. 25 января Рожественский телеграфировал в Морское Министерство: «Если движение эскадры на театр военных действий будет надолго задержано, дисциплина будет расшатана вконец. За самые тяжкие преступления нет наказания, потому что в карцерах людидохнут, а часовые при них заболсвают. Смертной казнью команды деморализовались бы окончательно. Рожественский». В ответ Петербург продолжал передавать на «Суворов» японскую дезинформацию: «Воды Формозы и Пескадорских островов на 10 миль объявлены зоной военных действий. До 20 декабря ушло на юг 7 больших судов, в том числе 5 броненосцев... Четыреста мин поставлено вокруг Пескадорских островов.

Пять японских военных судов близ Малакки находятся под командованием адмирала Уриу... Япония намерена высаживать войска с осадными пушками близ Владивостока с целью его отрезать... три японских подводных лодки развернуты у Пескадор...»

На следующий день Рождественский телеграфирует Царю: «... Ввиду бесплодной потери всей первой эскадры могу рассчитывать достигнуть с потерями Владивостока и, опираясь на него, действовать на севере. Пробриться во Владивосток считаю возможным при быстром движении, исключаяющем возможность соединения с Небогатовым в пути...»

Царь снова повторил, слово в слово, свою предыдущую телеграмму: «... возложенная на вас задача состоит не в том, чтобы с некоторыми судами прорваться во Владивосток, а в том, чтобы завладеть Японским морем...»

Связанный ожиданием совершенно ненужных ему подкреплений, Рождественский терял последние запасы нервной энергии. «Где я соберу эту глупую свору? К чему она, неученая, может пригодиться, и ума не приложу. Думаю, что будут лишнею обузой и источником слабости... Все это калеки, которые, присоединившись к эскадре, не усилят ее, а, скорее, ослабят...»

1 февраля в Носси-Бе прибыл отряд крейсеров капитана 1-го ранга Добротворского, державшего вымпел на крейсере «Олег». «Суворов» встречал его в море, выведя эскадру на эволюции. Лейтенант Вырубов писал отцу: «1 февраля наконец пришли так долгожданные «Олег», «Изумруд» и «Рион»... С ними, неожиданно для нас, пришла почта от конца декабря. Все письма относятся к периоду сдачи Порт-Артура. Конечно, они проникнуты тяжелым настроением, нами здесь своевременно пережитым. Пришлось переживать все это во второй раз. Судьба, видимо, хранила близких мне людей: жив Саша Развозов, прорвался на миноносце в Цидао Беренс и Базирев... Наша эскадра стоит безнадежно в Носси-Бе. Адмирал продолжает самодурствовать и делать грубые ошибки. В довершение всего он, видимо, не хочет идти вперед, но прямо

этого не говорит, а маскирует всякими удивительными приказами. Мы все уже давно в нем разочаровались и путного ничего от него не ждем. Карьера его чисто случайного характера. Может быть, он хороший придворный, но как флотоводец — грош ему цена! Относительно его предварительной деятельности могу сообщить, что мне доподлинно известно: только благодаря ему мы не приобрели эскадру ни более, ни менее как из шести первоклассных броненосных крейсеров, в том числе «Ниссин» и «Кассуга». Вы, может быть, удивитесь, что я вдруг разразился такими комплиментами по его адресу? Так как этот милый господин имеет склонность валить все на личный состав эскадры (ни в чем не повинный!), то мне хотелось бы дать вам возможность правильно судить о грядущих событиях... Единственно, кому удастся оказывать влияние на адмирала — это капитану 2-го ранга Семенову, бывшему старшему офицеру «Дианы». Только благодаря его умелому воздействию эскадру начали хоть сколько-нибудь готовить, но и тут на каждом шагу приходится бороться с самодурством... Боже, как нам надоел злополучный Носси-Бе! Уход эскадры совершенно неизвестен: может быть, простоим еще месяц, а может и двинемся неожиданно. Но главное, обидно, что не видим ни одного здорового распоряжения. Вся энергия личного состава должна тратиться на борьбу с абсурдами. А все-таки мы не унываем и надеемся на Николая Угодника да на энергию и знания офицерства, которое далеко не так плохо, как нас воображает адмирал».

Каждое слово Вырубова дышит почти ненавистью к Рождественскому. Видимо, лейтенант был очень самолюбивым. Но в каждом его письме чувствуется искреннее уважение к личности и опыту капитана 2-го ранга Семенова, а тот в свою очередь пишет на каждой странице своих воспоминаний о своем глубочайшем уважении к энергии, опыту и знаниям адмирала Рождественского...

4 февраля адмирал неожиданно слег с приступами невралгии и ревматизма. Врач потребовал льда. Льда на «Суворове» не оказалось, посыльные затаились по

другим кораблям. Зиновию Петровичу Рожественскому было 58 лет. Он нес на себе всю тяжесть ответственности за эскадру, сутками не сходил с мостика, болел душою за каждую мелочь, трепал себе нервы в пустых переговорах с местными властями и Петербургом. Он переносил, как и все, ужасы убийственного для русских тропического климата, а в его салоне не было американских кондиционеров, каковыми оборудованы ныне адмиральские помещения наших боевых кораблей. Мы помним, как переносили климатические условия те же Политовский и Вырубов, но первому было 30 лет, а второму — 26. Капитан 2-го ранга Семенов заметил по поводу климата в Носси-Бе: «Жара, духота держится и ночью и днем при относительной влажности 98%! В этом весь ужас. Нет отдыха. Испарина, выделяемая кожей, остается на ней, стекает кашлями. Вы можете только обтираться, но никогда не можете высохнуть. Главное — это духота. Вы дышите воздухом, насыщенным парами почти до предела насыщения. Вы дышите горячим туманом, как на полке в бане...»

Воспользовавшись болезнью адмирала, Политовский перестал выходить к утреннему чаю, продолжая писать бесконечные письма жене. На берегу он бегал в поисках почтовых марок, запас которых уже иссяк. Все вывески в Носси-Бе уже были исписаны по-русски. Торговцы-французы, чтобы сокрушить конкурентов, обвиняли друг друга в шпионаже в пользу Японии. Лейтенант Вырубов с интересом изучал на берегу жизнь местного населения. «Удивительно интересны здешние черномазые! — писал он. Хотя мы чуть не подверглись солнечному удару, но зато видели пропасть любопытного. Туземцы на диво веселый и добродушный народ. По интеллектуальному развитию они стоят много выше наших мужиков. Ходил я на охоту в глубь острова: убил лесного петуха и поймал трех хамелеонов. Удивительные звери! Одного взял в свою каюту на предмет ловли мух. Свою миссию он выполнял блестяще, но, к сожалению, потом куда-то удрал. Я имел случай воочию убедиться, что хамелеоны действительно меняют цвета. Я купил себе двух полуобезьянок породы маки: удивительно ласковые и

занятные зверьки! Мне ужасно хотелось бы довести их благополучно до Жердовы и поселить в зимнем саду. Вы себе представить не можете, что это за прелесть! Перед уходом из Носси-Бе постараюсь также поймать побольше хамелеонов всех сортов... Ваш образок, которым Вы меня благословили, ношу постоянно. К сожалению, у него сломался шарнир, но был исправлен судовыми средствами!»

7 февраля адмирал выздоровел и снова появился на мостике, еще более похудевший, осунувшийся, слегка волоча правую ногу. На мостике снова загудел его властный голос...

Носси-Бе все более становился русским городом. Не только все вывески были уже на русском языке, по-русски легко объяснялись даже чернокожие ребятишки. Ежедневно оркестр «Суворова» играл на площади, открывались новые рестораны, казино, кафе-шантаны. По «Суворову» бегали обезьяны, хамелеоны, черепахи и дикобразы. Одну обезьянку съели крысы, оставив только кусочек шкурки и хвоста. В кают-компании острили, что эскадра стоит в «городе Носибейске, уездном городе Носибейского уезда». Командир «Суворова» капитан 1-го ранга Игнациус сдал на уходящий в Россию транспорт очередную партию картин и икон.

Общее недовольство бесцельной, а по мнению многих — преступной стоянкой, приняло столь резкие формы, что 8 февраля адмирал пригласил к себе флагманов и командиров броненосцев, зачитав им выдержки из своей телеграфной переписки с Царем и Морским Министерством. «Как и следовало ожидать, — пишет капитан 2-го ранга Семенов, — никто из присутствовавших не сохранил полученных сведений в тайне. Все слишком хорошо сознавали, до какой степени истомился личный состав эскадры под бременем неизвестности. Впрочем, нет. Это было бы неточное выражение. Телеграммы Гаваса и Тейтера, газеты, русские и французские давали в общем довольно верную картину настоящего момента, предсказывали почти безошибочно события ближайшего будущего, так что неизвестности, строго говоря, не было, а была только

неуверенность. Чувствовалось, что происходит какая-то борьба, что адмирал держится одного взгляда, а в Петербурге смотрят на дело совсем иначе...»

После совещания Рожественский снова телеграфировал в Морское Министерство: «Считаю безусловно необходимым пересечь Индийский океан, как только удалятся недоразумения с угольщиками. Отряд Небогатова не будет иметь надобности спускаться к Мадагаскару, сократив путь на 2000 миль, идя напрямик... Дальнейшее пребывание на Мадагаскаре немислимо. Эскадра съедает себя и разлагается физически и нравственно. Через три месяца стоянки здесь эскадра оказалась бы уже неспособной сделать трудный переход через Индийский океан. Полагаю идти не позднее 25 февраля. Рожественский».

На следующий день Рожественский снова телеграфирует Царю: «Первая эскадра, имевшая перед войной 30 боевых судов и 28 миноносцев, оказалась недостаточной для овладения морем. Второй эскадре, имеющей 20 боевых судов и только 9 миноносцев, задача овладения морем теперь не по силам, потому что от первой эскадры не осталось ничего, кроме «России». С присоединением Небогатова силы не будут достаточными для овладения морем, прибавляя 4 плоских судна, Небогатов прибавит 8 транспортов, защита которых свяжет движение эскадры. Если бы в Средиземном море с Небогатовым соединился Чухин с тремя броненосцами и двумя крейсерами Черного моря... то такой флот, при условии неусыпного снабжения его запасами, мог бы владеть морем. Если же присоединение черноморцев невозможно, то ближайшей задачей 2-й эскадры должно быть достижение Владивостока, а затем, по освобождении от транспортов, возможно прерывное плавание главных сил на сообщениях неприятеля с метрополией и вспомогательных крейсеров на путях подвоза контрабанды. Дальнейшее ожидание 2-й эскадры на Мадагаскаре требовало бы организации вновь всего снабжения... Поэтому, имея ныне Всемиловейшее соизволение Вашего Императорского Величества, выйду в последних числах февраля по назначению, рассчитывая, что Морское Министерство не упустит времени озаботиться доставкой угля

помимо немцев, которые нам изменили. Теперь же, пользуясь отвлечением внимания японцев от Владивостока, следует немедленно посылать туда в огромных количествах уголь, рассчитывая, что дойдет четвертая часть. Генерал-адъютант Рождественский».

Этой телеграммой Рождественский поставил все точки над «i», предложив Николаю не строить никаких иллюзий относительно возможности «овладения морем» и, видимо, тайно надеясь, что, поняв это, Император даст приказ отозвать эскадру. На эту телеграмму Царь ничего не ответил, что уже само по себе было прогрессом, так как он перестал категорически напоминать Рождественскому, в чем состоит его главная задача. В Петербурге, видимо, решили: «Прорыв во Владивосток — так прорыв во Владивосток. Пусть прорывается, а там — посмотрим».

В кают-компании «Суворова» звучал веселый смех: прапорщик по морской части фон Курсель-Вернер рассказывал, забавно коверкая русские слова, истории из своей богатой практики капитана торгового флота. Политовский отправился на берег купить черепаху, чтобы привезти ее панцирь в Петербург. На берегу, конкурируя с местными торговцами, флагманский интендант капитан 2-го ранга Витте организовал продажу льда из холодильников. Торговля шла бойко. Французские газеты распустили слух о скором заключении мира. На «Суворове» чистили подводную часть с помощью водолазов и специальных подводных концов со скребками. Попутно обнаружили, что железные листы обшивки руля оторвались. Водолазы быстро устранили повреждения. Водолазы «Суворова» командировались для производства этих работ на другие корабли. С ними на «Сисой Великий» прибыл инженер-механик Федюшин, где повстречался со своим однокурсником из Технического училища. Позднее тот вспоминал: «Вот счастливец! Какая у тебя каюта!» — сказал мне Федюшин. «Ну, какая же у меня обстановка», — говорю я ему. «Зато спать можно, — ответил Федюшин, — а у нас ведь штаб. Флагманские заняли не только всю верхнюю палубу, но и часть кают в батареейной. Живу я во внутренней каюте вместе с мичманом. Вентилятора нет. Как раз над машинами. И я там не сплю.

Приходится дожидаться, как разойдутся в кают-компани. Ну, с 12 часов и спишь до 5-6 утра. От хронического недосыпания чувствую себя совсем плохо». «Ну, а если у тебя ночная вахта?» Федюшин только молча развел руками...»

На «Суворове» офицеры в кают-компании упивались шампанским и поили обезьян. Пьяные обезьяны дрались с собаками. Стояли хохот и рев. Один из офицеров, напившись, упал за борт с кормового балкона. Его быстро вытащили обратно. Под шумок матросы украли из кают-компани ящик с шампанским и спрятали его в кочегарке. Ящик обнаружили в топке котла. Матросов избили, но никому наверх об этом случае не доложили. С берега в кают-компанию «Суворова» притащили маленького крокодила. Собаки и обезьяны спасались бегством, разбегаясь по кораблю. У флагманского минера лейтенанта Леонтьева животными была набита вся каюта. Принадлежавшая ему обезьяна забралась в каюту лейтенанта Свенторжецкого и устроила там разгром. Свенторжецкий доложил об этом флагкапитану. Тот дал приказ Леонтьеву убрать своих животных с корабля, однако он отказался. Дело доложили адмиралу. У борта «Суворова» переругались в мегафон два командира миноносцев. Оба в мегафоны стали апеллировать к «Суворову». Их вызвали на флагман с объяснениями. В кают-компании одна из собак откусила хвост надоевшей обезьяне, общей любимице. Собаку выдрали, а обезьяне доктор купировал хвост.

Телеграфные агентства разнесли 19 февраля слух об осаде Владивостока. В тот же день Вырубов писал родителям: «Мы все еще стоим в нашем Носибейске! Когда уходим, до сих пор неизвестно. На будущей неделе грузимся углем. Завалим, по обыкновению, все палубы и команде негде будет жить. Нас всех пугает перспектива возвратиться ничего не сделав, а между тем идти вперед с нашим «флотоводцем» тоже не сладко... Как видите, положение незавидное! Довольно даже, можно сказать, глупое. Жизнь у нас проходит незаметно благодаря вахтам и учениям. На этой неделе мы занимаемся минными атаками на судовых миноносцах. Благодаря умелым распоряжениям капитана 2-го ранга Семенова, мы несколько раз удачно под-

ходили незамеченными к эскадре, несмотря на крайне трудные условия. Не могу сказать, чтобы это служило к чести эскадры... Курьезов у нас изрядно: например, в штабе возникла целая большая переписка по делу о павиане Гришке, принадлежавшем одному из членов штаба. Эта обезьяна забралась в каюту к одному из флаг-офицеров, тот обиделся и подал рапорт. Дело пошло по всем инстанциям и даже, кажется, собирается завершиться легким скандальчиком. Все это было бы смешно, если б не было так грустно! Необходимо что-либо предпринять, а то эта стоянка окончательно изведет личный состав».

Томительная неизвестность ближайшего будущего, ужасный климат, сознание своей зависимости и невозможности действовать по своему плану — все это сильно влияло на настроение не только лейтенанта Вырубова, хотя он и остался одним из немногих офицеров, которые рвались в бой. У большинства офицеров надежды на успех давно не осталось. Сам Рождественский, раздраженный и злой, почти не выходил из своего салона, лучше других понимая безвыходность положения. 20 февраля в частном письме в Морское Министерство Рождественский писал, что он чувствует в себе недостаточно нужных данных для решения поставленной задачи и просит его заменить, рекомендуя вместо себя командующего Черноморским флотом адмирала Чухнина.

На «Суворове» праздновали масленицу. В кают-компаниии ели блины со сметаной. Угостили блинами и освобожденных в этот день от работ матросов. Для них были организованы различные игры, состязания стрельбы из винтовок, вытягивание силомера, бег через марс, соревнования по скорости семафора, управлению дальномерами и стрельбе (без снарядов) из орудий.

«Говорю совершенно убежденно, — писал другу в Петербург лейтенант Свенторжецкий, — что никогда, ни при каких условиях мы не будем в эту войну владеть морем, то есть не выполним возложенной на нас задачи. Адмирал это знает лучше других, но он, конечно, молчит и никому не высказывает своих тяжелых, раздирающих душу мыслей. Он сам никогда не подаст и тени мысли о возвращении эскадры в Рос-

сию. Он отлично знает, что вся Россия ожидает от него чего-то необычного, ожидает победы и уничтожения японского флота. Но ведь это может ожидать только русское общество, общество, совершенно незнакомое с обстановкой, в которой находятся теперь наши морские силы, с обстановкой, в которой мы будем находиться очень скоро после выхода из Носси-Бе. Адмирал отлично знает, что вся пресса кричит о его будущих подвигах, что нет самой ничтожной провинциальной газеты, где бы не было имени Рождественского. И он, конечно, пойдет вперед. Ему уже все равно. Он знает, что Родина не даст ему ничего, кроме добрых пожеланий, но ведь добрые пожелания — не броненосец, не современные сильные броненосные крейсера, не неистощимые запасы угля и других материалов, без которых не может существовать флот...»

26 февраля в Носси-Бе прибыл давно ожидаемой транспорт «Иртыш». Предполагалось, что он привезет снаряды, но он привез уголь и, к общей радости, — 12 000 пар сапог. Ободранный и босой личный состав давно мечтал о сапогах. Почты «Иртыш» не привез, что вызвало у Политовского приступ ярости: «Где нам воевать с Японией, когда такого простого дела, как пересылка писем, не могут организовать...»

«... Как клянут главный штаб за почту, многие хотят телеграфировать в «Новое время», что офицеры просят родных и знакомых посылать им письма через контору Гинзбурга в Одессе. Со временем я расскажу тебе, какую роль в истории войны нашего флота сыграл Гинзбург. Без него прямо-таки пропали бы. Он и поит, и кормит, и снабжает весь флот необходимым... Получено известие, что Мукден взят японцами, что дорога в тылу русской армии разрушена, что русские потеряли 50 000 убитыми и 80 000 пленными. Ужасное несчастье. При современном положении дела можно считать войну проигранной. Надо с минуты на минуту ждать известия, что Владивосток или осажден, или взят. Флоту идти некуда...»

«27 февраля, — пишет Владимир Иванович Семенов, — телеграммы агентства Гаваса доставили первые

известия о сражении под Мукденом — 50 000 пленных, 23 знамени, 500 орудий. Конечно, на эскадре не поверили этим сведениям дословно. Мы уже привыкли к тому, что в донесениях японцев, спешивших поведать миру о своих успехах, результаты побед чрезмерно преувеличиваются, но все же, если убавить вдвое, даже втрое — получилось впечатление жестокого поражения, почти разгрома нашей армии... Как ни странно, это событие не произвело, по крайней мере внешне, особенного впечатления на эскадру. Разговоров на эту тему почти не было. Словно бы в массе своей (не говорю по отдельности) все так устали, что даже работа мысли являлась утомительной. Сказывались результаты двухмесячной стоянки, мучительной по неопытности положения, в непрерывном непосильном труде, в состоянии неослабного напряжения нервов, в этом климате, которого европейцы при всех мерах предосторожности, при всех условиях возможного комфорта не выдерживают дольше 2-3 лет. Результаты дальнейшего пребывания — острое малокровие, или, точнее, как выражались местные доктора, обеднение, разжижение крови...

28 февраля я лег спать в каюте с открытым иллюминатором. Вентилятор работал полным ходом. Около полуночи проснулся под впечатлением странного, но хорошо знакомого чувства — затрудненности дыхания. Словно не хватает воздуха. Разеваешь рот, как рыба, выкинутая на берег, набираешь полные легкие и все-таки мало. В висках стучит общая слабость, предательская лень и предательская мысль: «Все равно, только бы не шевелиться, не устать еще больше...» Очевидно, небо закупорило тучами и не шелохнет... Набрасываю на себя, что попало под руку, забираю циновку и надувную резиновую подушку (пуховые подушки всегда мокрые, только распаривают голову) и бреду наверх, на задний мостик, отведенный на ночь в распоряжение офицеров. Тяжелый путь. Спотыкаешься на трапах, руки-ноги плохо слушаются, в голове какой-то туман... Слава Богу, добрался благополучно... Низко нависли густые, тяжелые тучи. Тьма непроглядная. Несмотря на привычку к местности, нет-нет и

заденешь за что-то, отзывающееся сердитым ворчанием. Это -господа-офицеры. Не отвечаешь на ворчание, не обижаешься на нехорошие слова — кто не выругается, когда на него наступят. Добравшись до намеченного пункта — левой передней 47 мм пушки, бросаю на палубу свою циновку, прислоняю к тумбе орудия подушку и начинаю устраиваться поудобнее. Узнаю лежащего рядом лейтенанта Свенторжецкого. — Тоже вылезли?

— В каюте — сил нет! Задохнешься.

— И здесь немногим легче...

Несколько освоившись с темнотой, я разглядел, что он лежит ничком, приподнявшись на локтях и оперев голову на руки. Глубокое молчание царило кругом. Здесь было все-таки лучше, чем в каюте. Я несколько отдышался. Глаза смыкались. Незаметно подкрадывались не то дремота, не то сладкое забытие. Неожиданно Свенторжецкий заговорил своим нервным, слегка срывающимся голосом: «Но вот.. По-видимому, в Петербурге крепко решили и уже не передумают. Идем полной армадой, со всеми вновь присоединенными убогими и увечными. Идем на гибель, на бесславную гибель... Счастье! Удача!.. Это только в сказках: дуракам счастье! Да и то по той причине, что умные оказываются глупее их... Так всегда по смыслу сказки выходит... Я знаю, что за время Артура прямо возненавидели лозунг «Беречь и не рисковать», но ведь риск есть риск. То, что мы собираемся предпринять — не риск, а безумие! Хуже — преступление! Адмирал все еще надеялся, что «там» поймут его донесения, поймут, что если он сам, ввиду изменившихся обстоятельств, не верит в успех предприятия, если он вместо плана кампании находит возможным представить только план прорыва, отчаянного набега, в слабой надежде ведения впоследствии партизанской войны, то надо — либо согласиться на этот план, либо вернуть эскадру. Десять тысяч, а может быть и больше, русских людей в возрасте от 20 до 30 лет посылаются не на бой, а на бойню...»

— Все это хорошо и логически правильно, — неожиданно раздался хриловатый бас лейтенанта Богданова, — но говорить об этом громко — не только бес-

полезно, а даже вредно. Восседающие в мягких креслах петербургские стратеги, предназначающие планы действий эскадры, нашего голоса не услышат. Мы — пушечное мясо. Примиримся со своей долей. Нечего зря беречь душу. И без того не сладко...

— Странные глупые мысли, — снова заговорил Свенторжецкий, медленно, как в полудреме, роняя слово за словом. — Может быть, это от погоды. Провезли 12 000 миль. Провезут еще 6 000 миль. Для чего? На убой...

Яркая молния словно раскрыла небо, и вслед за раскатом грома хлынул наконец долгожданный ливень. На палубе зашевелились. Слышались сдержанные восклицания, какое-то фырканье, топот босых ног — это команда спешила воспользоваться столь высоко ценимым душем пресной воды. Вспышки молний, пронизывая голубоватым светом частую сетку дождя, на мгновение выхватывали из тьмы группы людей, толпившихся на открытых местах, обнаженных и полубнаженных, стоящих, сидящих, то согнутых, то вытянувшихся, с руками то поднятыми, то широко раскинутыми, в самых разнообразных и, казалось бы, неестественных позах, — словно какие-то призраки, внезапно захваченные в иступленной, бешеной пляске...

— Точно шабаш на Брокене! Правда? — услышал я в темноте голос лейтенанта Владимирского.

Я повернулся в сторону говорившего и при следующей вспышке увидел его в костюме Адама, но со всегда присущей ему важностью, восседающего на борту минного катера.

— Похоже. Особенно вы хороши! Смее спросить: на какой роли? — Конечно, не Фауста! — прозвучал из тьмы его насмешливый голос. — Полагаю, что при современной обстановке Мефистофель не дал бы за мою душу и ломаного гроша!..»

У кадровых офицеров еще хватало силы быть насмешливо-остроумными по традиции, вбиваемой с младшей роты Морского корпуса. Что касается флагманского корабельного инженера Политовского — человека и по сути, и по духу штатского, — то он жил только письмами к жене и от нее. Половина записей всего дневника посвящена тому, как отослать письма

и как их получить. Настроение его становилось все мрачнее. 1 марта он записал в дневнике: «Суворов» строился на Балтийском заводе. Сколько раз я смотрю на него и иногда даже с недоброжелательством. Мог ли я тогда предполагать, что моя судьба будет так тесно связана с ним...»

2 марта в Носси-Бе пришел транспорт «Регина», который привез, к великой радости Политовского, почту. В этот же день Рождественский получил сообщение, что Небогатов спешно грузит уголь на о.Крит и вот-вот пройдет Суэцкий канал. Семенов вспоминает: «2 марта, только в 6 часов утра вернулись с минными катерами из дальней ночной экспедиции, я завалился спать и даже приказал вестовому не будить меня к завтраку. Однако уже часов около 10 сам проснулся под смутным впечатлением, что на броненосце происходит что-то особенное. Начал прислушиваться. Наверху командир резким голосом самолично отдавал приказания. С проходившего мимо парового катера что-то кричали в рупор. В кают-компаниях старший офицер «разносил» за что-то вестовых. Привычной для слуха дробью доносился топот ног людей, бегущих вверх и вниз по трапам... Кажется, все, как всегда, — но и в звуках, и в топоте ног чувствовалось какое-то особое настроение, что-то новое, непохожее на вчерашний день. Наскоро оделся, вышел из каюты и едва не протаранил старшего механика, мчавшегося куда-то полным ходом.

— Что случилось? — Уходим! — Как? Что? — Некогда, некогда! — и, вырвавшись у меня из рук, убежал.

Заторопился в кают-компанию. По дороге едва избежал столкновения со старшим офицером капитаном 2-го ранга Македонским, тоже работавшим полным ходом, который сначала выругался, потом извинился и, наконец, уже исчезая на трапе, крикнул: «Запороли горячку!»

В кают-компаниях застал лейтенанта Богданова, спешно докуривавшего толстейшую крученую папиросу. Кинулся к нему.

— Дорогой мой, объясните в чем дело? Все точно сбесились! — Сбесишься! — весело крикнул он. — Уди-

раем от Небогатова! — Расскажите толком! Я прямо с койки, ничего не знаю, ничего понять не могу! — Ночью пришла «Регина», пароход с полным грузом провизии. Чуть свет приехала интендантская комиссия составлять расписание: кому, что, в каком количестве принять, чтобы никому не обидно. Известная канитель. Вдруг телеграмма, сигнал, циркуляр, приказ, 30 000 курьеров: послать немедленно шлюпки, разгрузить в 24 часа. Чего не разберут, передать на транспорты. Приготовиться к походу! Что за черт? Все обалдели, ничего не понимают... С берега привозят телеграммы Гаваса: «Небогатов спешно грузится углем на Крите. Не сегодня-завтра ждут в Порт-Саиде». Сразу поняли. Вполне одобрили. Подъем народного духа! Не будь разницы в чинах, расцеловал бы Зиновия! Навязать хотите? А вот вам масонский знак номер седьмой! — и он правой рукой изобразил то, что Гоголь называл «обидным перстосложением»... Ну, да еще потолкуем, а сейчас бегу — дела по горло!»

«Интересно, — подумал я, — ведь еще вчера вечером и речи не было ни о каком спешном походе!» Поднялся наверх в штабное помещение. Там — аврал неистовый. Именно, как выразился Богданов, 30 000 курьеров мечутся во все стороны. Ухитрился, однако, улучшить минутку, захватить одного, в его каюте, лейтенанта Свенторжецкого (за последнее время мы как-то все больше и больше сходились).

— Знаю, что вам некогда, а потому — без дипломатии. Не секретничайте, говорите начистоту: удираем от Небогатова?

Он, как обычно, уклонился от прямого ответа, высказал только, якобы, личные соображения.

— Адмирал отнюдь не посвящал меня в свои планы. Я ничего не знаю, да если бы и знал, то все равно ничего не сказал бы. Обстановка вам известна. Адмирал против присоединения отряда Небогатова, но не только вернуть, даже задержать его движение — не имеет власти. Приказывает и направляет — Петербург. С другой стороны — категорического распоряжения оставаться здесь в ожидании прибытия подкреплений нет. Счастливая или несчастная случайность — не знаю... Получив агентские телеграммы, адмирал, как всегда,

ушел с ними в кабинет, но почти тотчас же вышел оттуда, видимо взволнованный, и отдал срочное приказание: все погрузки, приемки закончить в 24 часа и приготовиться к походу.

В первый момент у меня мелькнула мысль, что он для выигрыша времени хочет идти навстречу Небогатову. Я спросил: кому будем телеграфировать о randеву или о маршруте? Он посмотрел на меня с недоумением, а затем ответил тоном, не допускающим возражений: «Никому, ничего». Теперь я шифрую телеграмму, в которой кратко доносится, что эскадра «вышла на восток». — Без указания — каким путем, каким проливом? — Ни намека! — Но тогда как же? Куда и как направят Небогатова? — В том-то и суть! Это соломинка, за которую он хватается! Мне кажется, он всё еще надеется, что ввиду такого шага с его стороны «они» откажутся от своей затеи — либо вернут Небогатова, либо задержат его в Джибути, может быть... согласятся на первоначальный план адмирала — прорыв с лучшими судами, а может быть (но этому я не смею верить) поймут все безумие всего нашего похода...

Я уже давно не видел Светоржецкого таким оживленным и бодрым. Да не он один. Вся эскадра словно проснулась...»

В этот момент Политовский находился, как обычно, на почте, сдавая письма к жене. «На почте мне задали такой вопрос: «Вы уходите сегодня или завтра? Вы отсюда идете прямо в Россию?» Трудно себе представить, что творилось на пристани и дамбе. Все сплошь было завалено товарами и провизией. Все корабли спешили покончить расчеты с берегом. На «Суворове» на радостях выбросили за борт кают-компанейского крокодила. Он доплыл до «Авроры», был вытащен на крейсер и поселился в тамошней кают-компании.

3 марта, в намеченный день выхода, как обычно, начались всевозможные сюрпризы. Вскоре после завтрака с «Камчатки» было получено сообщение о поломке холодильника. Затем плавмастерская подняла сигнал бедствия — вырвало кингстон, транспорт заполняется водой, начали подводить пластырь. Срочно

приехавший на транспорт Политовский застал там «ужас и смятение». В машинном отделении вода стояла по грудь. Большой опыт Политовского позволил ему быстро разобраться в причине аварии и устранить ее. Когда флагманский инженер вернулся на «Суворов», с «Авроры» поступило сообщение, что крейсер не может поднять с воды паровой катер - испортился привод шлюпбалок. Политовский на адмиральском вельботе поспешил на «Аврору». Под его руководством закипела работа: «рубил, пилил, привязывали, заводили тали и катер все-таки подняли».

А на «Суворове» заканчивалось совещание флагманов и командиров кораблей, на котором адмирал объявил об уходе эскадры на Дальний Восток, призвав командиров экономить боеприпасы и уголь. Запасов почти никаких не осталось. Немецких угольщиков удалось уговорить следовать до Зондского пролива. Настроение было мрачное. И адмирал, и флагманы, и командиры кораблей были уверены, что голос рассудка заставит Петербург воздержаться от посылки эскадры в бой и вернет ее в Россию, когда настанет для этого подходящее время. Но Петербург делал вид, что не понимает доводов командующего эскадрой и продолжал толкать эскадру в пропасть, не видя большой опасности для государства в рискованной игре, где на ставке была судьба 45 кораблей и 18 000 человек...

«3 марта, в 1 час пополудни, начали сниматься с якоря, — пишет капитан 2-го ранга Семенов. При съемке, из-за массы транспортов, такая же каша, как в Танжере, только в более широком масштабе. Окончательно построились и дали ход — 2 часа 40 минут пополудни...»

«Красивое зрелище представляла из себя эскадра, — описывал свои впечатления Политовский. — Целая толпа разных кораблей — 45 штук, если считать миноносцы и транспорты. Французские миноносцы вышли проводить эскадру, желали счастливого плавания, команда их кричала «ура», а наши корабли играли «Марсельезу».

Лейтенанта Вырубова все это уже не радовало. Его жизнерадостный оптимизм почти полностью был израсходован в течение двухмесячной стоянки. «Сегодня,

наконец, куда-то идем, — пишет он в письме от 3 марта. — По обыкновению, это от нас тайна. Известно только, что приказано иметь на 45 дней машинных материалов и других запасов, и что первый переход будет около 20 дней. Идем ли мы на Зондские острова, или на соединение с отрядом Небогатова, мне совершенно неизвестно... На днях мы получили ужасное известие о погроме Куропаткинской армии. Можете себе представить, как у нас тяжело на душе! Один без просветлений мрак. Нашей эскадре осталось одно: сцениться с Того мертвой хваткой: либо он, либо мы. Да, мы дойдет к тому времени до точки: ни сами пощады не запросим, да и японцам ее не будет. Иного выхода нет: мы загнаны в угол. Согласитесь сами: идти вперед безумно и противно здравому смыслу, так как с блокадой Владивостока мы потеряли последнюю базу. Возвращаться — тяжело и стыдно. Только бы адмирал не выкинул какой-нибудь непоправимой глупости и не лишил бы нас возможности хоть погибнуть со славой! Последние дни здесь такая невозможная жара, что просто нет возможности чем-либо заниматься. Пожалуй, на походе будет лучше».

«К 6 часам вечера, — пишет Семенов, — выбравшись из островов и окружающих их рифов и банок, легли курсом в обход северной оконечности Мадагаскара. Вдруг — у «Орла» повреждение в левой машине... Начались наши мытарства! До 8 часов вечера почти стояли на месте. В 8 часов дали ход 5 узлов. Только в полночь могли прибавить до 8,5.

Боевая эскадра!... Нет, видно, одного духа — мало! Ночью — занятное зрелище — 45 кораблей! Целый город на воде... И какая приманка для доброй минной атаки!

Надо заметить, что уже с самого прихода на Мадагаскар мы получали предупреждения и от собственных агентов и через «добрых друзей и союзников» о подготовленных по пути следования эскадры многочисленных засадах не только в стиле дубранского предприятия, но и серьезнее. Вполне определенно сообщалось, что навстречу нам высланы вспомогательные крейсера «Гонконг-Мару», имеющие на борту подводные лодки. В качестве главных опорных пунктов для

этого рода операций указывались Сейшельские острова. Диего-Гарсиа и Зондский пролив... Для всех европейских газет (за исключением русских, которым это было запрещено) вопрос о том, какой путь избрет эскадра для дальнейшего следования — является самой жгучей темой обсуждения. Мнения и отзывы известных (а иногда и вовсе неизвестных) адмиралов занимали целые столбцы. В общем все авторитеты сходились на том, что идти Зондским проливом — значит идти на гибель. О Малаккском — и речи не было. Указывали путь кругом Явы, или между Новой Гвинеей и Австралией, в обход Зондского архипелага, где, за отсутствием телеграфа и множеством возможных путей между островами, крайне трудно организовать дозорную службу для наблюдения за движением эскадры. Адмирал Фрименталь, довольно известный в английском флоте, заявил даже, что он, на месте Рождественского, пошел бы кругом Австралии, огибая ее с юга: путь длинный, но зато безопасный, а впереди — временная база на Каролинских островах, принадлежащих Германии, которая одна до сих пор не боится оказывать нам явное доброжелательство... По выходе в открытое море все узнали, что адмирал избрал путь через Малаккский пролив. На «Суворове» это решение было встречено восторженно: — С одной стороны — безумная авантюра, а с другой — именно ввиду своей отчаянности, может, удастся. Благоразумным японцам и в голову не придет такого трюка! Но если выгорит — честь и слава! Вот ахнут, вот рты разинут Фрименталь и Ко! — толковали между собой офицеры».

И не было никого, кто мог бы понять, что благоразумным японцам и в голову не придет высылать свои силы к Малаккскому, Зондскому или любому другому проливу Юго-Восточной Азии, а уже тем более к Диего-Гарсиа. Любой путь во Владивосток неизбежно приводил эскадру к Японии, где адмирал Того и поджидал ее, дымя трубами своих броненосцев и броненосных крейсеров на рейдах Мозампо, Хасирадзима и Сасебо...

Пока капитан 2-го ранга Семенов, сидя в каюте, записывал свои впечатления по поводу выхода эскадры с Мадагаскара, в кают-компании «Суворова» разгорелась жаркая дискуссия. Еще 24 февраля один из «су-

воровских» офицеров, лейтенант Редкин (командир средней 6 башни правого борта) был по делам службы в Диего-Суарец. Представители местных французских властей указали ему точную дату ухода эскадры из Носси-Бе и ее дальнейший маршрут. Вернувшись на «Суворов», лейтенант записал предсказания французов, запечатал их в конверт и сдал конверт в кают-компанию с тем, чтобы вскрыть его в открытом море. Конверт вскрыли: и дата ухода эскадры, и ее маршрут были указаны точно. Кают-компания взорвалась: «Откуда у французов такие сведения?!..»

«Вчера (3 марта), — пишет Политовский (жене), — когда стемнело, корабли зажгли огни. Весь горизонт был усеян светящимися точками. Сорок пять судов! Какая громадная армада! Как трудно согласовать ее движение! Какое громадное пространство занято ею! Не видя воочию, трудно даже судить... Сегодня пасмурно. Солнца не видно. Океан слегка волнуется. Не дай Бог попасть нам в погоду, особенно в течение первых девяти дней. Все корабли сплошь завалены углем. Нет живого места на палубах без угля. Это очень вредно отзывается на морских качествах судов... С кормового балкона в сачок ловят рыбу, благо погода тихая и рыбешки за кораблем плывет много. Почти рядом с «Суворовым» идет миноносец «Бедовый»...»

Беспримерный в истории мореплавания подвиг продолжался. Огромная эскадра, не имея ни одной базы, ни средств материально-технического и тылового обеспечения, преодолевая немыслимые трудности, уже потрясла мир эскадренным переходом вокруг мыса Доброй Надежды (от Либавы!) и теперь начала первый в мире эскадренный переход через Индийский океан, подгоняемая железной волей адмирала русского флота Зиновия Рожественского. (Уже после русско-японской войны американцы выслали в кругосветное плавание свой «Великий Белый флот» — почти все находящиеся в строю эскадренные броненосцы. По замыслу президента Рузвельта, плавание флота должно было напомнить миру о существовании (или, скорее, о возникновении) за океаном еще одной Великой державы. Американские корабли вышли

с Атлантического побережья США в декабре 1907 года. Броненосцы шли «налегке», без транспортов, короткими переходами. Американских моряков радушно встречали в каждом порту, где кораблям был обеспечен необходимый ремонт, а морякам — отдых. Погрузка угля велась портовыми средствами. В феврале 1909 года флот прибыл обратно в Хэмптон-Родс. Это плавание не может идти ни в какое сравнение с плаванием эскадры Рождественского. Во время второй мировой войны американские корабли, намного превосходящие по численности боевых единиц 2-ю Тихоокеанскую эскадру, бороздили все океаны. Но базы! Ведь везде, по приморскому периметру мира, у американцев были базы. Кроме того, кто не знает, как у американцев поставлено дело тылового обеспечения их флота! И год был не 1905, а 1945. А сорок лет назад несчастная русская эскадра без баз и тылов совершила подвиг, который ни до, ни после нее не мог повторить никто. Ни одно правительство мира, кроме русского, не смогло бы бросить свой флот в подобную авантюру. В любой стране общественное мнение вынудило бы правительство вернуть эскадру. Но Россия, увы, это Россия и во все времена у ее правительства, видимо, бессознательно, но очень отчетливо, бытует убеждение, что, чем больше тем или иным способом удастся истребить собственных подданных, тем лучше будет для государства. В этом и уникальность нашей страны...

Мерно покачиваясь на зыби, зарываясь своим тупым форштевнем в набегающую волну, «Князь Суворов» вел эскадру через просторы Индийского океана... «4 марта. Ночь прошла спокойно (в смысле японцев). Адмирал не смыкал глаз. Пытается сигналами поддерживать порядок в толпе, которую никак нельзя назвать строем. Преимущественно — отстают, растягивают расстояние между колоннами. Реже — нелезают на передних, выходят из строя, пугают соседей...»

В 8 часов утра, находясь к северу от Мадагаскара, «Суворов» повел эскадру курсом южнее Сейшельских островов. В 14.00 берега Мадагаскара скрылись за горизонтом. Суточное плавание 142 мили. Средний ход 6 узлов.

«5 марта. Дождь вперемешку с горячим песком угольного шлака из труб засыпал палубу «Суворова». В 06.00 Рождественский приказал транспортам взять миноносцы на буксир. Для первого раза операция заняла 1,5 часа. Стояли на месте. В начале 9-го строй так растянулся (сказал бы, расползся по всем швам), что адмирал приказал головным застопорить машины и занялся, посредством сигналов, сбором заблудших. К 9 часам утра наладились, дали ход. Вдруг у «Иртыша» лопнул буксир. Опять стоп. В 11-м часу утра только что дали 8 узлов — у «Сисоя» повредилась рулевая машинка. Вышел из строя. Идет «по способности», управляясь машинами. Из-за него вынуждены держать 5 узлов ходу. Для «Сисоя» и это много. С 1 часа до 2 часов пополудни стояли на месте, его ожидая. Потом снова 5 узлов. В 4 часа дня «Сисой» починился. Завернули 8 узлов... С радостью наблюдаю, что (по крайней мере, на «Суворове»), если чего и боятся, то разве того, как бы не испугаться...» Суточное плавание 147 миль. Средний ход 6,2 узла».

«6 марта. Ночью стояли на одном месте часа три. На «Бородино» что-то случилось с рулевой машинкой. Он до сих пор еще не справился, а поэтому идет в стороне от других кораблей... Когда стояли в Носси-Бе, то солнце ярко светило каждый день. Вышли в море, и вот уже третий день стоит пасмурная погода и изредка накрапывает дождь... Событий, кроме полумок, никаких. Все уже друг другу надоели. Мало разговаривают, да и говорить-то не о чем. Сидят по разным углам. Последнее время я почему-то мало бываю в кают-компании. В трик-трак совсем не играю, на пианоле тоже. Редко, редко сыграешь несколько партий в домино. Больше сижу в рубке, на мостике, у флаг-капитана, в своей каюте. Была сегодня обедня. Погода немного засвежела. Идем отчаянно тихо. Надо пересечь целый оксан. Предстоит еще эскадре удовольствие — погрузка угля в открытом море... У нас вся левая сторона спарка занята быками и коровами. Быки для убоя, коровы для молока. Беда только в том, что они не дают его. Есть два теленка. Тех решено откормить. Едва ли только удастся. Подо-

хнут...» Суточное плавание 141 миля. Средний ход 6 узлов.

7 марта. «Тот путь, по которому мы идем сейчас, вообще мало посещаем судами. Этим путем никогда, с сотворения мира, не ходили броненосцы, малые крейсера, миноносцы и эскадры, хоть немного похожие на нашу. Каких кораблей-то нет! Броненосцы, крейсера, миноносцы, транспорты, мастерская, пароход-госпиталь, водоотливной пароход, буксирный пароход... Опять вся эскадра стояла — лопнул буксир у одного из миноносцев («Блестящий»)....» Ночью на «Суворове» лопнул штуртрос. Броненосец продолжал идти не останавливаясь, но работа по устранению повреждения оказалась чрезвычайно тяжелой. В своем рапорте Рожественский писал: «Когда на «Суворове» лопнул штуртрос и не оказалось возможным провести новый сквозь водонепроницаемую коробку, прикрывавшую шкивы и роульсы в машинном отделении над цилиндрами, то необходимо было снять эту коробку, поставленную на 50 болтов, или вырубить в ней дыру, чтобы иметь доступ к шкивам и роульсам. Между тем температура в месте расположения этой коробки никогда не падала на ходу ниже 75 градусов С. Решили рубить дыру, так как предполагали на это употребить меньше времени, чем на отдачу 50 болтов. Закрыли цилиндр матами, пустили на маты струю пожарной помпы, сменяли двух рабочих каждые 10 минут, обливая их непрерывно водою, и в такой обстановке работали 24 часа». Суточное плавание 187 миль. Средний ход 7,8 узла.

8 марта. В 05.45 на мачте «Суворова» взвился сигнал: «Начать погрузку угля». Эскадра застопорила машины, начав первую погрузку угля в открытом море. С палуб немецких угольщиков за всеми действиями эскадры внимательно наблюдали переодетые в штатское офицеры Кайзермарине, впитывая все полезное для будущего применения в своем стремительно растущем флоте. Пройдут годы, и опыт, оплаченный русской кровью, но не принесший, как всегда, самой России никакой пользы, будет использован, правда в более

мелких масштабах, немцами, когда эскадра адмирала Шпее совершит стремительный бросок через Тихий океан навстречу своей судьбе к Коронелю и Фолклендским островам...

Капитан 2-го ранга Семенов вспоминает о погрузках угля в открытом море со смесью грусти и гордости: «Грузиться борт о борт не удалось ни разу. В океане, какой бы штиль ни стоял, всегда откуда-то идет зыбь. Погрузку производили, перевозя уголь с транспортов на боевые суда в мешках, на судовых баркасах и специально для того построенных ботах, буксируемых паровыми катерами. Для насыпания угля в мешки, для погрузки мешков в шлюпки — на транспорты посылались значительные партии команды при офицерах (100 и более человек с корабля 1-го ранга). Немалое число людей находилось на ботах, баркасах и паровых катерах. Конечно, при этом не было никакой возможности сохранять даже подобие строя, так как транспорты и боевые суда стояли вперемешку, сообразно условиям наискорейшей погрузки. К тому же, по необходимости, пушки были закрыты чехлами, окутаны брезентами, чтобы не допустить проникновения угольной пыли в нежные части их сложных механизмов и установок... Словом, эскадра не только не была в боевой готовности, но даже не могла бы привести себя в это состояние достаточно быстро в случае тревоги... В 5 часов 45 минут утра сигнал: «Начать погрузку угля». В 7 часов 45 минут утра пришел к борту «Суворова» первый груженный баркас. В 4 часа дня сигнал: «Прекратить погрузку угля». Поднимали шлюпки, собирались в строй очень долго. Ход дали только в 7 часов вечера. Итого простояли на месте 13 часов 15 минут, из которых собственно погрузочных было 8 часов 45 минут, а 4 часа 30 минут ушло на подготовительные и заключительные работы. «Суворов» принял 206 тонн. Не слишком блестяще, особенно принимая во внимание, что погода благоприятствовала — слабый вест и небольшая зыбь. Что делать — никогда этому не учились. Все — в первый раз. Будем надеяться, что дальше пойдет лучше...

В 10 часов вечера слева и сзади увидели какие-то огни, вскоре скрывшиеся. Минеры утверждают, что получают какие-то телеграммы, но разобрать в них ни-

чего нельзя. Не разряды ли атмосферного электричества? А впрочем — кто знает?..»

В кают-компаниях «Суворова» офицеры заставляли собаку слушать граммофон. Граммофон поставили на палубу, направив раструб на пса. Некоторые пластинки собаке нравились и она начинала подвывать. Офицеры хохотали... Суточное плавание 142 мили. Средний ход 6 узлов.

9 марта. «Шесть раз сегодня рвались буксиры у миноносцев. Что-то уж очень много... «Дмитрий Донской» доносит, что видел ночью огни каких-то трех кораблей, которые переговаривались вспышками прожекторов и шли одним с нами курсом. На «Ослябе» умер еще один матрос... Адмирал и раньше имел раздерганные нервы, теперь же особенно. Он очень мало спит, волнуется и выходит из себя из-за каждого пустяка... Двигаемся отчаянно медленно... Поломки и задержки на каждом шагу... В кают-компаниях почему-то считают, что нам осталось пройти 4 400 миль в течение 43 дней. Провизия кончится и придется перейти на солонину. Острят, выбирая, кого из офицеров первого съедят. Завтра предположена погрузка. Опять весь день потеряем. Углем завалены все палубы, завалена даже часть пушек...» Суточное плавание 131 миля. Средний ход 5,5 узла.

10 марта в 06.00 на «Суворова» взвился сигнал: «Начать погрузку угля.» Началась вторая погрузка угля в открытом море. «Суворов» принял 221 тонну. Политовский отправился на миноносец «Громкий», на котором произошла серьезная поломка руля. Флагманский инженер промок и измучился, руководя водолазными работами. Кругом шныряли акулы, их отгоняли выстрелами из винтовок. На «Суворова» с кормового балкона пытались поймать одну из акул, но неудачно. На палубу броненосца опустилось несколько летающих рыб... «Устал сегодня изрядно. Тихо, очень тихо мы двигаемся. Остановки постоянно. До того к ним привыкли, что даже мало интересуешься — отчего стоим. Вот хотя бы сейчас. Стоим уже полчаса, если не больше, а лень подняться наверх, чтобы узнать причину...»

С-госпитального «Орла» сообщили, что там умер матрос от брюшного тифа. Похороны завтра...» Суточное плавание 125 миль. Средний ход 5,2 узла.

11 марта. «Все благополучно. Вечером, до восхода луны, «Олег» убедительно доносил, что видит какие-то судна без огней, догоняющие эскадру... Пока не взошла луна и не посветлело, все оставались на местах по тревоге. Однако — ничего подозрительного не случилось. Надо полагать, померещилось... «Светлана» донесла, что видит впереди себя пароход, идущий с нами одним курсом. Странно. Мы идем по непосещаемой дороге и какой пароход могла догнать эскадра, столь медленно идущая и постоянно останавливающаяся?» Суточное плавание 130 миль. Средний ход 5,5 узла...

12 марта. «Николай Угодник (должно быть, специально для нас, так как в лоции не указано) устроил попутное течение — 22 мили...» Пароход, которого видела «Светлана», кажется, оказался мифом. У «Камчатки» испортился котел, но она не отстает. Начала было отставать, да как узнала про подозрительные огни, так и набрала прыти. Идем тихо, но главным образом задерживают остановки из-за поломок. Сегодня, к счастью, мало стояли. Все ближе и ближе продвигаемся к Востоку. Скоро пересечем экватор. Теперь Владивосток является какой-то обетованной землей... Ночью, когда нет луны, темень стоит полнейшая и следить кругом себя очень трудно. Наша же эскадра идет сама с огнями, заметными издали. Поэтому, зная наш курс, судам, следящим за нами, легко найти эскадру в океане и безопасно приближаться к ней... можно с минуты на минуту ожидать нападения.. Не дай Боже Японии разбить нашу эскадру. С нею погибнет на 10 лет могущество России. Флота долго не возродить... Сколько денег истрачено! Сколько народу погибло! И для чего? А позору-то, позору! Захлебнуться в нем можно. Вояки!.. Слышал вчера спор мичманов о том, сколько на «Суворове» котлов и как расположены кочегарки. Об этом спорили люди, проплававшие на корабле около года! Люди, которые по приказанию

адмирала, стояли вахты у котлов! Наверное, японцы знают лучше наши корабли, чем мы сами...» Суточное плавание 180 миль. Средний ход 7,5 узла.

13 марта. Воскресенье. На «Суворове» служили обедню. «В полдень были в 200 милях к югу от Чагосского архипелага. Едва ли не самое удобное место для минной засады... Изрядно свежо. Не милость ли Божия? В такую погоду против судов на ходу никакая минная атака успеха иметь не может...» «Целый день нездоровилось. Очень много сегодня спал, за что и был наказан. Заснул у себя на койке, оставив, конечно, иллюминатор открытым. Вкатила волна и облила мне ноги. Снял сапоги и опять заснул в мокром платье. Проснулся от второго дура. Все-таки опять заснул. Третий раз меня опять окатило. Встал и начал переменять носки и обувь. Сидел у письменного стола. В это время вкатила такая волна, что буквально вымочила меня с головы до пят. Пришлось переменить все. На столе все вымокло. Пришлось закрыть иллюминаторы. Теперь в каюте такая духота, что дышать нечем. Моментаально покрываешься весь испариной. Не представляю себе, как буду почевать. Рискнул приоткрыть немного иллюминатор. Сегодня эскадра до восхода луны светила кругом себя боевыми фонарями...» Суточное плавание 180 миль. Средний ход 7,5 узла.

14 марта. «Стихает. Осталась крупная зыбь. Все утро посвятили маневрированию. Перестроение в боевой порядок и некоторые эволюции (правда, самые элементарные) прошли недурно. Каши не было. Как-будто кое-чему подучились... Ну и ночь же была. Так душно и жарко, что когда я проснулся, то не только простыня и подушка, но даже и циновка были совершенно мокрые... Пронли половину пути между Мадагаскаром и Зондскими островами. Подходя к Зондскому архипелагу, можно рассчитывать не только на минные атаки и донные мины, но и на эскадренный бой...» Суточное плавание 165 миль. Средний ход 6,9 узла.

15 марта. «Совсем тихо. Даже зыбь незначительная. С 6 часов утра начали грузить уголь. В этом деле за-

мечен прогресс. И приготовления, и уборка после погрузки идут много успешнее. Что касается скорости самой погрузки, то благодаря разным приспособлениям, а главное, приобретенной споровке, она почти удвоилась. «Суворов» грузил по 44 тонны в час (325 тонн). Течение, вопреки указаниям Лоции, 14 миль на север. Обидно. Совсем не по дороге... Эскадра пошла дальше. Погода неожиданно засвежела. Пожалуй, будет и шторм. Голова продолжает болеть, и даже сильнее, чем раньше...» Суточное плавание 144 мили. Средний ход 6 узлов.

16 марта. «Все спокойно. Штиль. Невысокая, очень отлогая зыбь. Грузили уголь. Погиб паровой катер с «Сисоя»... К вечеру засвежело от зюйда. Семь лет тому назад в этот день Великий князь Кирилл Владимирович собственноручно поднимал на Золотой горе в Порт-Артуре русский флаг. Печальный юбилей... Или отошли в область полужабытых преданий гордая резолюция Николая I: «Где раз поднят русский флаг, там он уже никогда не опускается?» Как больно и грустно...» Как я проклинал сегодня идиотскую мысль идти в плавание! С раннего утра поехал на «Громкий». С трудом попал туда. Волнение мотало миноносец, кляло на борт более чем 25 градусов. Налетали то и дело шквалы с проливным дождем. Сколько раз я вымокал сегодня буквально до нитки и высыхал, даже затрудняясь сказать.

Работа шла очень медленно. Я боялся остаться на миноносце, так как в такую погоду ежеминутно мог начаться шторм. Чтобы видеть результаты работы, я садился на отводы, как птица на ветку. При качке покрывало меня с головой водой, то вздымало куда-то вверх. Было скверно, мерзко, гадко... Наконец среди хаоса, волн и пены пришлось на вельботе перебираться на «Суворов». Схватился за какую-то цепь и, упираясь ногами в борт, вылез на палубу. Я был мокр, грязен, от усталости едва держался на ногах. И какая ожидала меня встреча? Выговор адмирала с криком: «Стыдно, служите в штабе, делаете пакости! Вместо трех часов возвращаетесь в пять!» Вот была моя награда. Долго-долго я ее не забуду... Как буду

спать — не представляю. В каюте жара невероятная, как в духовой печи, а иллюминатор открыть нельзя. Погода все свежест и свежест...» Суточное плавание 110 миль. Средний ход 4,6 узла.

17 марта. «В 9 часов утра пересекли экватор. После полудня задул норд-вест баллов на 5 и разошлась волна. Спал в гостиной, не раздеваясь, на изогнутом диване. Сон был скверный, лежать было неудобно... Вчера были в Южном полушарии, где была осень. Сегодня мы — в Северном, где уже не осень, а весна. Пропустили целую зиму... Говорят, что исправляют «Богатыря», и эта починка его займет одиннадцать месяцев. Он стоит в доке. В единственном доке, который есть у России. Теперь возникает вопрос: куда поставить те корабли, которые, выдержав бой, придут во Владивосток? Опять полунощного «Богатыря» выведут из дока? И опять он будет тонуть? Положение безвыходное. Погибнет наша эскадра, не будет у России флота!..

Есть известие о поднятии «Варяга» японцами. Вероятно, они уже сумели его починить, и мы можем встретить его в числе вражеских кораблей. Приятная встреча. Наш корабль будет сражаться против нас же. Позору-то сколько!.. Нет у меня веры в успех. На месте японцев я пропустил бы беспрепятственно всю вторую эскадру во Владивосток, не рискуя устроить второй Порт-Артур. Там и высадки производить легче и крепость хуже...» «Впервые после выхода из Носси-Бе ни на одном боевом корабле и ни на одном транспорте за сутки не произошло никаких повреждений, и эскадра ни на минутку не останавливалась». Суточное плавание 160 миль. Средний ход 6,7 узла.

18 марта. «Погода свежест. Барометр падает. Волны становятся больше и круче. Ветер усиливался и усиливался. Достиг силы шторма. Налетали шквалы. Этого не ожидали. Иллюминаторы всюду открыты. Во все каюты нахлестало воды. На открытых местах стоять было трудно — сшибало. Ветер срывал верхушки волн. Дождь лил такой, что не видно было ближайших кораблей — точно туман. «Суворов» ветром наклоняло на 3 граду-

са, и он оставался в таком положении... Сердце сжимается, как вспомнишь про миноносцы. Боюсь я за них очень. Как бы не погибли. Их с «Суворова» не видно... Вчера на «Тереке» упал в трюм матрос. Сегодня он умер... Жара в каюте невозможная. Иллюминатор открыть нельзя. Пот так и льет... Вот истинно — в воде. Куда ни посмотришь, всюду вода: плывешь по воде, хлещут волны, идет дождь, сам ходишь мокрый». Суточное плавание 190 миль. Средний ход 8 узлов.

19 марта. «На завтра предположена погрузка угля. Барометр то поднимается, то угрожающе начинает падать. Сегодня он так упал, что начали опасаться шторма... Вероятно, весь мир думал, что эскадра из Носси-Бе пойдет на восток кругом Австралии или Зондским проливом. Предположено же идти Малаккским проливом. Удивятся все такому нахальству немало. Через день или два выйдем на ту дорогу, по которой движется много торговых пароходов. А значит, весь свет узнает о местонахождении эскадры. Идем не в Сайгон, а в Карман. Это небольшая бухта, лежит верст на 350 севернее... Эскадра пойдет мимо Сингапура в виду его. Многие начали прятать за броню свои вещи, чтобы после боя иметь возможность одеться. Примеряют спасательные тужурки. Начала чувствоваться близость врага»... Суточное плавание 170 миль. Средний ход 7 узлов. 20 марта. «Сегодня пять с половиной месяцев с того дня, как эскадра покинула Либаву. Едва ли кто предполагал, что понадобится почти шесть месяцев, чтобы дойти только до Малаккского пролива. Вот уже 18-й день в океане, а порт еще далеко, но с каждым поворотом винта мы все ближе к цели... Погрузка сегодня не состоялась, не позволило волнение... Много возлагается надежд на эскадру. Все же она смотрит, как на свое ядро, на четыре новых броненосца: «Суворов», «Александр», «Бородино», «Орел». Японцы приложат все усилия, чтобы уничтожить «Суворов», на котором находится адмирал, командующий всей эскадрой. На «Суворове» будут сосредоточены минные атаки и весь артиллерийский огонь. Он будет подвергаться наибольшей опасности. Безопаснее будет на других броненосцах, в особенности на «Бородино»

и «Орле». Японцы постараются убить адмирала? А что тогда будет? Наши корабли разбегутся, как это уже было, по разным нейтральным портам и разоружатся...» Суточное плавание 185 миль.

21 марта. «К утру погода стихла. С рассветом эскадра застопорила машины и начала грузиться углем, а также принимать провизию и свежую воду. («Суворов» — 102 тонны.) Во время погрузки угля буксирный пароход «Русь» развез по кораблям эскадры приказы командующего и диспозицию стоянки кораблей в бухте Камран. В приказе вице-адмирал Рождественский предписывал командирам кораблей «ежедневно повторять наставление офицерам и командирам о необходимости крайне осмотрительного и толкового расходования боевых запасов при встрече с неприятелем и внушать им, что заряжать орудия надо быстро и наводить очень тщательно...» В 17.00 эскадра выстроилась в походный ордер и пошла далее, неся только отличительные и забортные огни. Иллюминаторы было приказано закрыть боевыми крышками. «Донской», «Олег» и «Терек» доносят о том, что видят огни. Раньше появление каждого огня интересовало, а теперь относимся к ним совершенно равнодушно. Не все ли равно? Скорее бы только все это кончилось. В кают-компаниях сидят подвыпившие офицеры и поют песни...» Суточное плавание 125 миль. Средний ход 5,2 узла. 22 марта. Утром по беспроволочному телеграфу с броненосца «Князь Суворов» был передан на все корабли приказ адмирала Рождественского: «При отражении ночью миной атаки в походном строе сохранять полное спокойствие, чтобы не поражать своих... Пока корабль не взорван, запрещается выходить из строя, чтобы не произвести замешательства между задними мателотами... Особенно требую, чтобы транспорты не кидались по сторонам...» Эскадра перестроилась в новый походный порядок: первый броненосный отряд занял место справа транспортов, второй отряд — слева, разведывательный отряд — впереди, отряд крейсеров — в кильватер броненосцам, в замке эскадры — «Олег». В центре транспорты в двух колоннах с миноносцами на буксире. На «Суворове» поднят сигнал, извещающий корабли, что эскадра следует в бухту Камран.

«Как быстро плавают крысы. Сегодня двух крыс выкинули за борт, но они догнали броненосец и опять влезли на него, хотя был ход около семи узлов. Крыс на «Суворове» очень много. Если до сих пор еще неизвестно, где находится эскадра, то завтра узнают все — мы пройдем мимо маяка Пулявей. В каком-нибудь узком месте, вроде Малаккского пролива может случиться гадкая вещь... Японская эскадра может очутиться впереди нас и открыть артиллерийский огонь, а их крейсера нападут сзади, войдя в пролив вслед за нами. Положение русской эскадры тогда будет критическое: она не сможет тогда даже стрелять из всех своих орудий — придется стрелять только на носу и корме... Сегодня ночью можно ждать атаки. Вот она началась, боевая пора! И сколько впереди предстоит беспокойных ночей! Чем все это окончится?» Суточное плавание 150 миль. Средний ход 6,3 узла.

23 марта. В 06.00 эскадра пришла на вид острова Большой Никобар. «Прибавили ход. Входим в Малаккский пролив. С Индийским океаном распрощались. Два океана прошли благополучно. Что даст третий — Великий (или Тихий) океан? Днем виднелись на горизонте берега маленького острова, лежащего у острова Суматра. Смутно вырисовывались отдельные контуры вершущек гор. Эта первая земля, которую мы видели после Носси-Бе. Двадцать дней земли не видели совсем. Иллюминаторы закрыты боевыми крышками. В каюте сидеть трудно — жара.

Всюду на броненосце темно. Это сделано нарочно, чтобы люди не ослеплялись, когда им придется моментально выскакивать на темные палубы. Часа на два задержал ход эскадры броненосец «Орел». У него лопнула одна из главных паровых труб... Пока мы находимся еще в широкой части Малаккского пролива... С трудом сижу, в каюте жара невозможная. Все-таки я доволен. Доволен тем, что продвигаемся к развязке...» Суточное плавание 170 миль. Средний ход 7 узлов.

24 марта. Ночь прошла спокойно. С рассветом стало пасмурно и около 08.00 разразилась гроза с ливнем. Затем до полудня шел дождь, а позднее погода прояс-

нилась. В 17. 00 «Жемчуг» оказался рядом с торговым судном, пересекавшим курс эскадры и сильно дымившим. К борту «Суворова» подошел миноносец «Бедовый», на котором умер матрос. Командир миноносца прочел установленную молитву, а отец Назарий с борта «Суворова» благословил умершего крестом. Матроса сбросили в воду. На «Суворове» взбесилась одна из собак. Она начала неистово лаять, корчиться, носиться по палубе, набросилась на других собак, покусав их. Ее отливали водой, но ничего не помогло. Несчастный пес бросился на кормовой балкон, а оттуда в воду. Офицеры и командоры дежурили у орудий. На боевые посты разнесли банки с порошком для тушения пожаров и мешки с перевязочными средствами. В 22.00 между кораблями эскадры была замечена каботажная парусная шхуна, шедшая без огней. Несколько кораблей взяли шхуну в перекрестие прожекторов. На шхуне наверху находился один рулевой, который растерялся, попав прямо в центр идущей в ночи боевой армады. Дежурный миноносец подошел к шхуне и вывел ее на чистую воду. Суточное плавание 176 миль. Средний ход 7,4 узла.

25 марта. «Ночь прошла тихо. Погода мгlistая. Встречные пароходы попадают все чаще и чаще. Корабли постоянно «обнаруживают» противника. С «Алмаза» сделан сигнал, что адмирал, командир и офицеры, находившиеся на мостике, а также сигнальщики — все ясно видели 12 миноносцев, прятавшихся за парходом Британско-Индийской компании, а затем удравших на северо-восток. Странное донесение. Вероятно, японцы приходили предупредить нас, что они здесь, и чтобы ночью мы были осторожнее...» «Поздно ночью будем проходить мимо Натунского архипелага, где подозревают присутствие японцев. Неужели они ничего не предпримут, чтобы напасть на нас в Малаккском проливе? Неужели они попались на уловку и все свое внимание и силы сосредоточили у Зондского пролива или восточнее его? Или быть может, они просто не хотят ничего предпринимать до тех пор, пока эскадра не выйдет в Китайское море? Японцы предприимчивы. Почему же они упускают удобный для них

случай? Если в течение 20-22 часов ничего не случится, то Малаккский пролив со всеми своими узкостями будет за нами...» Суточное плавание 220 миль. Средний ход 9,2 узла.

26 марта. «Ночь. Прошли мимо города Малакка. Городские огни на его набережной были отлично видны с кораблей. Когда проходили мимо города, на горизонте появилась парусная шхуна, шедшая нам навстречу. Ее осветили прожекторами, к ней подошел миноносец и провел вдоль эскадры. Красивое было зрелище: среди полной темноты ярко освещались ее белый корпус и паруса... Из офицеров почти никто не ложился спать. Через несколько часов мы должны быть в Китайском море. Почему японцы не предприняли ничего во время нашего пребывания в Малаккском проливе? Быть может, они всю встречу приготовили у пролива Рио, мимо которого мы скоро пройдем? Быть может, японский флот ждет нас у Натунского архипелага? Посмотрим, будет ли что-нибудь сегодня ночью. Некоторые высказывают предположение, не заключен ли уже мир? Если это так, то мир очень позорный. Едва ли Россия может пойти на него... Что случилось на театре военных действий после мукденского погрома? Мы не знаем. В сущности, и пре-бой у Мукдена имеются только агентские телеграммы. Многие до сих пор сомневаются в их достоверности. Я же верю им. До сих пор все, о чем сообщали телеграммы западных агентств, подтверждалось...»

«...Узкости пройдены! Подходим к Сингапуру. Кругом глубоководные проливы, множество островов. Возможно внезапное появление линейных судов неприятеля. В 11 часов утра перестроились в прежний походный порядок, более удобный для развертывания в боевой. Около 2 часов дня проходили маяк на острове Рэффлис. Сингапур — как на ладони. На рейде два английских крейсера. В полном составе, никого не растеряв в дороге, торжественно шествуя мимо, вступаем в воды Тихого океана.

Эффектная минута! На броненосце все-как-то при-тихло...»

Считая, что англичане захвачены врасплох появлением эскадры, на мостике «Суворова» весело смеялись.

Из Сингапура на пересечку курса эскадры выбежал маленький пароходик под флагом русского консула надворного советника Рудановского. Командировали один миноносец принять донесения и затем на ходу передать их нам. Сдав пакеты миноносцу, пароходик догнал эскадру и пошел рядом с «Суворовым». Взяв рупор, Рудановский прокричал на эскадру, что он собрал все газеты, которые попались под руку, многих не хватает, а потому пусть его выслушают через рупор. «5 марта в Сингапур заходили главные силы японского флота, 22 корабля под флагом Того. Сейчас они находятся у Лабуана на о. Борнео, к проливу подходят только одиночные крейсера!»

Армия отступила к Телину. Главкомандующим вместо Куропаткина назначен Линевиц, отряд Небогатов 25 марта вышел из Джибути!»

«... Около Борнео есть небольшой островок Лабуан. На этом островке японцы купили землю у русского еврея и расположились там, как у себя дома. Лабуан они соединили телеграфным кабелем с Сингапуром. Таким образом они могли получить известие о нашем движении вчера. Значит, сегодня ночью миная атака, а завтра бой почти неизбежен. Надо будет надеть чистое и запастись ватой, чтобы не оглохнуть от выстрелов...» В 19.00 эскадра, пройдя траверс маяка на о. Педра Бранка, вышла из пролива и вступила в Южно-Китайское море. Суточное плавание 180 миль. Средний ход 7,5 узла. 27 марта. Ночь прошла спокойно. В 05.00 эскадра застопорила машины близ западного острова архинелага Анамба и начала принимать уголь. Во время погрузки «Олег», «Изумруд», «Урал» и «Кубань» стояли на горизонте, осуществляя сторожевое охранение на случай внезапного появления противника. «...Что же японцы? Не знают, что ли, места, где мы находимся и ищут нас в море? Едва ли. Наш путь ясен. На север от Сингапура к Владивостоку. Быть может, они зашли вперед и где-нибудь поджидают... Была сегодня обедня. Стоял и думал: может быть, это последняя служба на «Суворове». Быть может, следующая будет не обедня, а нанихида по убитым... Адмирал предполагает, что японский флот встретим завтра... Хорошо, что удалось безнаказанно

пройти Малаккским проливом. Японцы, очевидно, не рассчитывали, что будет сделан такой рискованный шаг. Газеты, которые постоянно твердили о Зондском проливе, наши угольщики, которые собирались около него, отвлекли внимание от Малаккского пролива и заставили японцев все свои приготовления к встрече устроить там. Хотя консул и сообщал, что около Малакки нас поджидало пять подводных лодок. Едва ли. Почему же они не напали?..» Суточное плавание 157 миль. Средний ход 6,5 узла.

28 марта. «Пока все тихо. Вчера вечером немисливо было сидеть в каюте. Спать я лег в первом часу, но от духоты не мог заснуть. Оделся и пошел спать к флаг-капитану в каюту на свободный диван. Солнышко припекает сильно. Наш капельмейстер простоял довольно долго на солнцепеке, любуясь чем-то. Руки он держал открытыми на поручне. Ему так припекло их, что к вечеру они раздулись, как подушки...»

«...За день так выспался, что теперь сон не берет. Думаю, если даже японцы собираются напасть, то все же раньше, как завтра, мы их не увидим — от Лабуана на пересечку нашего курса 600 миль. Возможно, что близко бой. Внимательно прислушиваюсь к собственным мыслям, припоминаю разговоры офицеров между собою, стараюсь дать себе отчет в господствующем настроении... Ничего — настроение бодрое, спокойное... Пожалуй, даже слишком много спокойствия — почти равнодушие к собственной судьбе. А вель с этой судьбой связана и судьба нашего дела. Явный результат переутомления. Устали все мы. Нервы притупились. Отдых невозможен. Ну, так скорее бы конец...»

Утром адмирал Рожественский провел совещание с ближайшими сотрудниками своего штаба. На совещании присутствовали флаг-капитан 1-го ранга Клапье-де-Колонг, начальник военно-морского отдела штаба капитан 2-го ранга Семенов и старший флаг-офицер лейтенант Свенторжецкий. Обсуждался вопрос о дальнейших действиях в связи с выходом отряда контр-адмирала Небогатова из Джибути.

«Флаг-капитан говорил довольно пространно и довольно неопределенно. Насколько я его понял, он

указывал на необходимость закончить стратегическое развертывание сил и затем действовать сообразно полученным сведениям о дислокации сил неприятеля. На мой вопрос, что понимать под «стратегическим развертыванием сил», я получил ответ, что 25 марта отряд Небогатова вышел из Джибути... В первый момент я растерялся. Мы все-таки сила — пять хороших броненосцев, один броненосный и три легких крейсера, не считая старцев... А у Небогатова — сплошь рухлядь!.. Что делать? Ждать? Невозможно! Идти вперед, а его бросить на произвол судьбы? Пусть выкручивается, как знает? Не по-товарищески... Ладно, он укроется в нейтральные воды, в худшем случае — разоружится... Ну, и Бог с ним! Конечно — вперед! Надо использовать тот подъем духа, который вызван удачным переходом через океан и счастливым проходом Малаккского пролива, тот подъем духа, который победил переутомление... Вперед! И — будь, что будет!

После меня говорил лейтенант Свенторжецкий. Он высказался крайне категорично: «По пути во Владивосток нас несомненно ожидает решительное сражение с победоносным японским флотом, уже уничтожившим первую эскадру, которая была сильнее нас. С нашей стороны выступают утомленные долгим плаванием и тревожными ожиданиями корабли, никогда не бывшие в бою, никогда не испытывавшие разрушительного действия меткого артиллерийского огня противника. В этом сражении (не надо закрывать глаза) мы понесем жестокие потери, если не будем уничтожены вовсе. Надеяться на благополучную погоду, на промах неприятеля, на удачу? Возможно ли? — когда за всю войну счастье упорно стоит на стороне японцев... Допустим даже, что остатки эскадры доберутся до Владивостока. Что они будут там делать? Ждать очереди ввода в единственный док? А откуда возьмутся боевые и другие припасы, когда Сибирская дорога «с трудом удовлетворяет нужды армии»? Где будут в то время наши транспорты и что будет делать небогатовский отряд судов археологического состава?... Кто же при таких условиях будет «владеть морем» — задача поставленная телеграммой за № 224?... Что же делать? Отвечу резко: воспользоваться эффектом, который, несо-

мненно, вызвало наше появление в Южно-Китайском море в полном составе и без потерь, и поспешить с заключением почетного мира. Надеяться на успех дальнейших морских операций — мечтать о чуде... К сожалению, принятие такого решения от нас не зависит... Жаль...»

Адмирал не высказал своего личного мнения и, не сказав ни слова, закрыл совещание. «...Мы уже двадцать шестые сутки в море. Провизия кончается. Переходят на солонину. За адмиральским столом уже нет водки, мяса, кофе. Для меня чувствительно отсутствие мяса. Поддаваясь общему течению, хотел спрятать вещи. Посмотрел зимнюю фуражку и ограничился тем. Лень...» Суточное плавание 203 мили. Средний ход 8,5 узла.

29 марта. Госпитальный «Орел», обменявшись сигналами с «Суворовым», повернул в Сайгон, чтобы отправить в Петербург телеграммы командующего. Адмирал Рождественский телеграфировал Царю: «29 марта эскадра проходит мимо Сайгона. Направляюсь двести миль севернее в бухту Камран. По-видимому, японский флот близко. Получаем беспроволочные телеграммы, нам непонятные. Если эскадра нужна еще Владивостоку, если там есть пища для лишних тридцати тысяч, если остались боевые запасы для флота, то необходимо идти немедленно, не ожидая Небогатова. Потеря одной недели была бы непоправима. Если будет повелено идти во Владивосток, то необходимо, чтобы Министерство держало это в тайне, даже от старших служащих, и поддерживало агентскими телеграммами мнение, что эскадра будет ожидать здесь соединения с Небогатовым. Если же поздно уже высылать эскадру во Владивосток, то необходимо ее вернуть в Россию — без базы она существовать долго не сможет». «29 марта нахожусь в 300 милях от бухты Камран, в которой полагаю ожидать приказаний, если не буду атакован и не допущен в бухту следящим за эскадрой японским флотом. Запрашиваю Высочайшее повеление о дальнейшем движении соответственно положению дел на театре военных действий и положению Владивостока особенно. Если надо идти дальше,

то необходимо очень поспешить». Вместе с телеграммами Рождественский передал приказ командиру стоявшего в Сайгоне разоруженного крейсера «Диана», капитану 1-го ранга Ливену, немедленно выслать в бухту Камран уголь, офицерскую и командную провизию и безотлагательно установить сообщение между Сайгоном и Камраном, зафиксировав для этой цели какой-нибудь пароход местного каботажа. «... С «Орла» достали немного кофе для адмиральского стола. Он отделился от эскадры и пошел в Сайгон... Время сейчас тревожное, все встречаем разные пароходы, преимущественно под английским флагом. Утром встретили один за другим два английских крейсера. Один из них салютовал, и «Суворов» отвечал. Это было рано утром. Я проснулся, слышу выстрелы. «Ну, думаю, началось». Выглянул в иллюминатор и опять заснул...

Попался навстречу пароход под английским флагом и сообщил: «Видел японские миноносцы, опасайтесь и ждите сегодня ночью атаки».

Да, близко, близко враг. Как-то пройдет сегодняшняя ночь...»

Около 17.00 дозорный крейсер «Светлана» поднял сигнал и дал телеграфное сообщение на все корабли: «Вижу неприятеля». На всех кораблях пробили боевую тревогу и приготовились к бою. Вперед, на помощь «Светлане», ринулись полным ходом «Жемчуг» и «Изумруд». Никого обнаружить не удалось... «Относительно нашего настроения скажу, что мы все пришли к тому выводу, что возвращение домой имеет для нас смысл только в том случае, если мы сумеем показать японцам, что нельзя безнаказанно оплевывать и покрывать грязью русский флот. Я убежден, что мы им солоно придется. Нам выхода нет: либо гибель; либо победа. Во всяком случае постараемся продать себя возможно дороже: корабль за корабль, на меньшее не согласимся! Живется нам сравнительно недурно, если бы не хронические тяжелые известия. Сидим уже на солонине, хотя еще имеем в запасе корову и двух телят. Здоровье мое исправно, я легко переношу тропики и даже, по обыкновению, толстею. Я искренне верю, что с Божией помощью мы с честью выйдем из этого

испытания...» Суточное плавание 215 миль. Средний ход 9 узлов.

30 марта. Ночь прошла спокойно. С рассветом эскадра застопорила машины и приступила к погрузке угля. «Мало-помалу все приходит к концу: папиросы и спички на исходе. Достал сегодня кусок мыла, и в запасе остался один кусок... Около «Суворова» упали от усталости цапля и голубь. Цапля утонула, а голубя успели вытащить с катера, грузившего уголь... Где же японцы? Не в Камране ли мы их встретим? От жары едва засыпаешь, просыпаешься весь мокрый. С каким великим наслаждением я поспал бы при обыкновенной температуре. Ведь, в сущности говоря, я был выбит из колеи с того момента, как началась война. Сначала начались ночные работы на постройке, я почти не бывал дома. Потом переселился с кораблем в Кронштадт, затем в Ревель, Либаву и за границу. Четырнадцать месяцев такой ненормальной жизни...»

Беспроволочный телеграф «Суворова» начал принимать непонятные знаки, не похожие на английские. Последовал приказ прекратить погрузку, поднять шлюпки и построиться по дневной походной диспозиции, наиболее удобной для перестроения в боевой порядок. В 16.30 эскадра двинулась дальше, взяв курс на маяк Падаран на подходе к бухте Камран. Суточное плавание 168 миль. Средний ход 7 узлов.

31 марта. «Ночь прошла спокойно. Около 7 часов утра были у входа в бухту. Застопорили машины. Послали миноносцы протралить место предполагаемой стоянки, а минные катера — поставить вешки согласно диспозиции... В ожидании выполнения этих работ грузили уголь... В 4 часа пополудни, прибравшись после угольной погрузки, построились по особой диспозиции для прикрытия Камрана и подходов к нему от покушений неприятеля... Ночь наступила тихая и ясная. Видимость вполне удовлетворительная. Всякую попытку мишной атаки можно обнаружить своевременно, а свобода маневрирования — полная.» «Машины и котлы всех кораблей пораздвигались, особенно котлы. Да и немудрено: ведь тридцатые сутки не отдавали якорей. Всему есть пределы...»

1 апреля. «Ночь прошла спокойно... В 11.30 вошли в Камран и стали на якорь по диспозиции. Всего пройдено от Носси-Бе — 4560 миль, никуда не заходя. Факт беспрецедентный. Как бы англичане не лопнули от зависти! Прибыли благополучно, в полном составе, никого не растеряв в пути... Настроение заметно приподнятое. Зашли в кают-компанию. Там ораторствует Богданов: «Худо ли, хорошо ли, а от Кронштадта — 16 628 миль! Недурной кусок! И в полном составе! Зиновию — честь! Кому другому по плечу? Дубасов, да Чухнин, а там -хоть шаром покати!»

Одновременно с эскадрой подошли к бухте четыре больших парохода «Гамбург-Американской линии», вышедшие 10 марта из Диего-Суарес. Только сейчас начали входить в бухту. Госпитальный «Орел» еще не вернулся... Утром поймали на палубе броненосца выбившуюся из сил маленькую птичку, «кажется, канарейку... Если долго будем стоять в Камране, то обстоятельства могут измениться и дать возможность японскому флоту напасть на нас даже в самой бухте, заминировав ее. Тогда Камран станет настоящей ловушкой. Мне кажется, что японцы считают нас гораздо хитрее, чем мы есть на самом деле. Уж очень мы просты, говорю просты, чтобы не сказать большего...»

2 апреля вернулся из Сайгона госпитальный «Орел», доставив Рождественскому ответную телеграмму Царя: «Поздравляю с блестящим плаванием. Владивосток открыт с сухого пути. Запасы есть. Следует идти, не ожидая Небогатова. Крепко надеюсь, что Бог поможет вам совершить великое дело. Николай.»

Ответ Рождественского был составлен в виде строевого рапорта: «В полдень, в день прихода эскадры в Камран, прибыл из Сайгона присланный князем Ливеном (командир «Дианы») пароход «Дагмар» местного германского пароходного общества. От капитана парохода я узнал, что они в Сайгоне, но у мыса Сент-Джемс нет парохода «Регина» с машинными материалами, которому я приказал следовать из Носси-Бе прямо в Сайгон, разрешив остаться лишь несколько дней после ухода эскадры. Пароход «Регина», как быстроходный, должен был прибыть в Сайгон ранее

четырёх германских угольщиков, вышедших с Мадагаскара семью днями позже эскадры и следовавших, по моему распоряжению, 200 миль в сутки. Отсутствие «Регины» порождает опасение за этот пароход: надо думать, что он захвачен японцами в проливе. (В действительности же пароход «Регина», выйдя из Носси-Бе, разбился у Мадагаскара.)*

Таким образом, предположение — быстро пополнить запасы угля и двинуться к Владивостоку — оказалось неосуществимым, и японцам оставлена возможность получить об эскадре вернейшие сведения и произвести соответственное сосредоточение своих сил...»

Пока адмирал со своим штабом вел бесконечную переписку с Царем и Морским Министерством, тщетно пытаясь побудить Петербург отозвать эскадру, на «Суворове» в разгар погрузки угля раздался гром артиллерийского салюта. В бухту Камран по-хозяйски входил французский крейсер «Декарт» под флагом младшего флагмана французской эскадры в Индокитае контр-адмирала Жонкьера, который немедленно прибыл на «Суворов». Французский адмирал был решительным сторонником того взгляда, что нападение Японии на Россию является первым шагом если не к полному изгнанию европейцев из Азии, то, во всяком случае, к замене господства белых гегемонией пан-азиатского союза под эгидой Японии. «Я никак понять не могу, — разоткровенничался Жонкьер в беседе с Рождественским и Семеновым, которого знал еще по «Диане», — это уклончивых и нерешительных действий нашего правительства! Неужели они не в силах уяснить себе такой очевидности, что ведь после нас наша очередь. Чем располагаем мы здесь для защиты колонии? Смешно сказать! В случае войны мы окажем-

---

*30 000 тонн, доставленных четырьмя немецкими пароходами из Диего-Суарес, далеко не покрывают, однако, потребности эскадры в угле, так как почти половина этого груза приходится на долю одних только вспомогательных крейсеров «Кубань», «Терек», «Урал», «Рион» и «Днепр». Поэтому я был крайне подавлен, узнав из письма князя Ливена, что им не приготовлено ни одного парохода с углем, что он старается найти теперь нужные пароходы, но полагает, что это не удастся.

ся почти такими же бесприютными, как вы!.. Во всяком случае верьте, что мы, работающие здесь на месте, понимающие положение вещей, мы, сколько в наших силах, мы — верные ваши союзники, не только по дружбе, о которой так много говорили перед заключением договора, но самые верные союзники — расчету!»

«...На «Суворове» грузят уголь. Всюду грязь, мерзость. Углем засыпают часть кают-компаний и офицерских помещений...»

3 апреля. «Пришел «Эридан», первый пароход из Сайгона, доставивший нам свежую провизию и зелень. Зеленые щи! Оцените-ка это после целого месяца всякой «консервятины», как выражались в кают-компаниях. На том же пароходе прибыли лейтенанты Кедров и Максимов и машинист-воздухоплаватель. Последние двое сидели в Порт-Артуре до самого конца. В качестве больных не были забраны в плен, но эвакуированы в Шанхай на попечение русского правительства. Оправившись от болезней, устремились на вторую эскадру. Рассказывали нехорошие вещи, так что их «просили» (запрещение было в наших обстоятельствах пустым звуком) не особенно распространяться, чтобы не подрывать и без того некрепкого духа...»

На «Эридан» прибыл ответ Морского Министерства на запрос Рождественского о судьбе второго комплекта снарядов для эскадры, который обещали прислать на «Иртыше», но не прислали. Министерство ответило, что второй комплект снарядов для эскадры отправлен по железной дороге во Владивосток и большая часть его уже находится там, а остальная часть в пути. Морем же боезапас не посылали из-за риска, что его перехватят японцы, как уже было в Порт-Артуре. Изготовить же два комплекта для посылки по железной дороге и морем — не было времени...

«Ну и грязь же я застал на броненосце. Всюду угольная пыль в палец толщиной. Она, как туман, висит в воздухе. Не знаю, где и как лечь спать. В каюте жарко и пыльно. Проншую ночь продремал, сидя на палубе «Камчатки» в кресле... Питался я эти дни

то на «Безупречном», то на «Камчатке». Везде едят гораздо лучше, чем на «Суворове». С провизией до сих пор скверно, на берегу решительно все скушено. Не осталось буквально ничего. Яйца продавали за 28 копеек за штуку!.. На берегу живут всего-навсего четыре европейца и человек сорок малайцев... На берегу чудная охота: слоны, тигры, обезьяны и т.д. Хоронили сегодня умершего чиновника с «Донского». Похоронили на берегу. У Фелькерзама был удар, но доктора говорят, что очень слабый и не опасный...» 4 апреля. «Сегодня по сигналу собрались ко мне все корабельные инженеры. Переговорив с ними, отправился на «Нахимов». Там позавтракал и выпил две рюмки водки, два стакана пива и немного красного вина. Вышло как-то так, что было неудобно отказаться... Когда госпитальный «Орел» подходил к Сайгону, то его встретили катера и пароход Гинзбурга, чтобы оказать содействие. На «Орел» публику не допускали. К вечеру вышли газеты, уведомляющие, что японцы разбиты нашей эскадрой, что «Орел» переполнен ранеными, стоны которых слышны, хотя на пароход никого и не пускают. Японцы, которых в Сайгоне очень много, после этих известий были так огорчены, что на другой день не выходили из домов... На берегу все скушено. Привели тут для продажи трех слонов. Хотя покупают все решительно, и нужное и ненужное, но едва ли кто решится их приобрести... Французский крейсер вернулся и стал в бухте, в стороне от наших кораблей...»

5 апреля. Утром, по приказу Рожественского, капитан 2-го ранга Семенов нанес визит адмиралу Жонкьеру, чтобы предупредить о предстоящем выходе эскадры в море на испытание отремонтированных и перебранных машин. Семенов, надевший орден Почетного легиона, был очень радушно принят французским адмиралом, который снова заверил, что окажет русским полное содействие. «Почему я так полюбил этого совсем мне чужого француза и никогда не забуду знакомства с ним, которое, если подсчитать в общей сложности, не превышало нескольких часов беседы? Может быть оттого, что гонимым, от-

верженным, так дорого смело и открыто сказанное слово участия?...»

6 апреля. «В 8 часов утра обоими броненосными отрядами, прихватив из крейсеров «Аврору», вышли в море. Определили девиацию компасов, немного маневрировали. Истинной целью выхода было — прикрыть отправку в Сайгон транспортов «Киев», «Китай», «Юпитер» и «Князь Горчаков», с которых было выбрано все, что возможно, и которые в дальнейшем плавании были бы нам только помехой...»

«Есть рейтеровская телеграмма (а Рейтер еще сообщает наиболее достоверные известия) о том, что в бою с японским флотом наша эскадра потеряла миноносцы «Буйный» и «Блестящий» и два крейсера: «Аврора» и «Дмитрий Донской». Приятно будет читать эту телеграмму тем, близкие которых плавают на этих судах. Хотя повара еще не привезли, но стол улучшился. Достали с пришедшего из Сайгона парохода массу провизии. Есть японская минеральная вода под названием «Тансан». Очень много этой воды привезли на эскадру. Я пробовал ее. Ничего особенного. Провизию с парохода разбирали, как дикие волки, — на шарап. Были отвратительные сцены. Команда «Орла» разбила какой-то ящик и перепилась. Один матрос за что-то набросился с поднятыми кулаками на доктора, но ударить его не успел. С матросом сцепились два офицера, случившиеся поблизости, и чуть его не задушили. Лицо разбили ему в лепешку. Такая гадость. И все это видели французы. Хорошего мнения они будут о русских!» Одним из офицеров, подравшимся с матросом, был лейтенант Вырубов. Он сам писал об этом отцу: «Недавно я чуть не задушил насмерть человека голыми руками. Дело было на пароходе «Эридан», во время разгрузки провизии для кают-компаний. Команда «Орла» перепилась и страшно бесчинствовала. Один пьяный матрос бросился с кулаками на капитана 2-го ранга Г. Тот отбил нападение, но в это время свихнул себе ногу, а матрос обхватил его руками и старался повалить на палубу. Я немедленно бросился на помощь Г. Так как матроса нельзя было оторвать, то я схватил его за горло и душил, пока тот не закричал и не разжал рук, после чего бросил его на палубу...»

В тот же день Рождественский телеграфировал Управляющему Морским Министерством: «Следуя в Камран, я послал через Сайгон телеграммы о необходимости немедленно идти во Владивосток, рассчитывая, что в Сайгоне приготовлен уголь. Оказалось, что, невзирая на мои ходатайства, много раз повторенные, начиная с января, в Сайгоне не сделано никаких приготовлений. Теперь вынужден посылать свои пустые транспорты для загрузки нашим же углем, если он не окажется расхищенным, — отсюда задержка дальнейшего движения на неопределенное время и потеря всех выгод внезапности».

«...Сегодня матрос с «Суворова» попал под винты минного катера. Сильно его изранило винтами, но костей, кажется не поломало... На берегу вечные пожары лесов, красивое зрелище ночью. Европейцы рассказывают, что по ночам на берегу бродит много слонов, тигров, пантер... Место совсем дикое. Инженеры, делающие съемку для дороги, жалуются, что слоны питают вражду к телеграфным столбам и вечно вырывают и забрасывают их. Страна интересная, но не при таком плавании, как наше. На берегу я до сих пор не был, да, вероятно, и не попаду на него. Как все надоело мне! Нападает полнейшая апатия ко всему...»

7 апреля. «Сегодня началось следствие о нападении матроса («орловского») на офицеров. Если на его поступок взглянуть серьезно, то придется ему закончить свое земное существование... Во французских газетах, по мере того, как раскрывается картина сдачи Артура, все сильнее и сильнее проскальзывает презрение к русским. Они называют нас зайцами... Проклятая война! Стыдно взглянуть на иностранца! Пятнадцатый месяц — и ни одной победы! Поражения следуют за поражениями. Кроме позора и унижений — ничего. На эскадре есть довольно много офицеров, которые собираются выписать своих жен во Владивосток. Как относительно близко стоит этот порт! Ведь прошли огромнейший путь. Остался маленький кусок. А скоро ли пройдем его?... Японцы готовят нам встречу. Про них не доходят до нас даже слухи. Мы не знаем даже, где их флот. А им, наверное, известен каждый наш шаг. Скверно все, гадко!...»

В 18.30 вернулись на рейд и встали на якорь крейсера «Кубань», «Терек», «Урал», которые конвоировали до мыса Сент-Джемс разгруженные транспорты. Они донесли, что противников в море не обнаружили, но встретили большой французский пароход, который вез из японского плена больных и раненых русских солдат. Бывшие пленные, увидев русские крейсера, кричали «ура» и махали фуражками...

8 апреля. «Около полудня приехал Жонкьер, крайне смущенный. Объявил, что по требованию французского правительства (союзники!) должны немедленно покинуть территориальные воды. Срок — 24 часа. Что делать? Битые всегда виноваты. Если бы под Мукденом был разгромлен Ояма — мы бы жили здесь припеваючи...» Началась спешная разгрузка транспортов, угольщиков и пароходов, доставивших из Сайгона провизию и почту. На «Суворове» флаг-капитан вскрыл опечатанную каюту капитана 2-го ранга Кладо. Вещи и бумаги Кладо упаковали и сдали на пароход для доставки в Сайгон русскому консулу и пересылки в Петербург. Было ясно, что начальник военно-морского отдела штаба возвращаться на эскадру не намерен.

9 апреля. «Всю ночь спешно разгружали «Тамбов» и «Меркурий»... В 1 час пополудни (точно в 24-часовой срок) все боевые суда вышли в море. В бухте остались только транспорты, да «Алмаз», которого самый придирчивый неприятель не решился бы зачислить ни в какой ранг боевых судов...»

На «Суворове» состоялось собрание флагманов и командиров кораблей. Адмирал Рожественский сообщил собравшимся о предъявленном требовании французского правительства и о своем решении держаться вне территориальных вод близ Камрана, чтобы обеспечить запасы эскадры углем и провизией, а также иметь телеграфную связь с Петербургом. Одновременно Рожественский телеграфировал Управляющему Морским Министерством: «До 9 апреля ни одной тонны угля не получено ни в Сайгоне, ни на Гамбург-Американских пароходах, ни на прочих, обещанных. По настоянию французского правительства должен

уйти из территориальных вод. Буду держаться в море и поддерживать сообщение с Сайгоном. Не могу тронуться по назначению, пока эскадра не будет обеспечена углем. Но и стоянкою здесь под парами быстро иду к полному бессилию. Каждый день трачу 1000 тонн. Необходимо энергичное воздействие из Петербурга на заключивших контракты на поставку угля...» «Куда потом направится наш флот — неизвестно. Конечно, мы могли без конца болтаться в море, но уголь, уголь. Угольный вопрос — вопрос жизни. Наши два угольщика арестованы, один в Сингапуре, а другой — в Сайгоне... Погода стоит тихая. Корабли очень медленно ходят, держась около бухты Камран с закрытыми огнями...»

«Началось наше скитание у берегов Аннама — медленная агония сборища кораблей, официально именовавшегося второй эскадрой...»

10 апреля. Утром эскадра застопорила машины, находясь в море против входа в бухту Камран, давая время от времени ход для выравнивания строя. Крейсера были расставлены кольцом по всем румбам, вели наблюдение и осматривали торговые суда. Лейтенант Вырубов пытался получить на транспорте «Тамбов» водки и папирос для кают-компания «Суворова», но вернулся с пустыми руками. Зато с задержанного норвежского парохода на «Суворов» передали целый ворох английских газет. «... Удивительная выдержка у всей английской прессы. Англичане считают Японию своей союзницей и положительно ни слова не говорят о ее флоте. Про нашу же эскадру печатают. И так поступает не одна английская газета, а все. Надо отдать справедливость и японцам — они тщательно все скрывают и даже никто наверное не знает, какие корабли ими потеряны...»

Ночью, по случаю Вербной субботы, на «Суворове» была отслужена всенощная.

11 апреля. Французский пароход, подойдя к «Суворову», передал почту для адмирала. Рождественский получил телеграмму от Царя с новыми предписаниями: «Ввиду прибытия Небогатова к острову Риу около

22 апреля признаю возможным вам дожидаться его присоединения и этим временем воспользоваться для приема угля. Особенно беспокоиться давлением Франции и Японии не следует, лишь бы вы были на якоре или в море, не ближе трех миль от берега. Николай.»

«Наши суда медленно ходят взад и вперед около бухты Камран, откуда нас выгнала наша союзница Франция. Транспорты же еще находятся в бухте и нагружаются. На море появилась зыбь, слегка покачивающая броненосцы. Время тянется томительно-однообразно. Идти — не идем, стоять — не стоим. И это до прихода третьей эскадры! Пока еще ничего, а начнутся непогоды?.. От Владивостока нас отделяют дней 15 пути. Там холодно, здесь жарко. Вот начнутся простудные заболевания. Тем более, что команда одета из рук вон плохо. Платье износилось и изорвалось, а сапог совсем нет...»

«С началом «скитаний» дело пошло под гору, чем дальше — тем круче... Днем — пребывание в море с застопоренными машинами в неустанном наблюдении за горизонтом (не появятся ли дымки) и за ближайшей поверхностью воды (не удастся ли обнаружить перископ приближающейся подводной лодки). Ночью — плавание со скоростью 3 узла, едва достаточной, чтобы поддержать строй... Круглые сутки напряжение всех сил, требование бдительности, уверенности, спокойствия, решимости... И все это от людей, совершивших плавание в тропиках в условиях военного времени... Учения продолжались автоматически изо дня в день, но это были неживые учения, отбывания «номеров» таблицы занятий... Увлечение военно-морской игрой, обсуждения спорных вопросов тактики в кают-компании, не прекращавшиеся все первое время похода, — бесследно исчезли. Справочные книжки, сочинения по вопросам морской тактики и стратегии, книги по военно-морской истории, имевшие ранее такой огромный спрос, что их едва можно было добиться, валялись заброшенными... Офицеры в свободное от служебных занятий время читали главным образом дешевые романы наиболее фантастического содержания. Особенным успехом пользовались произведения г-жи Крыжановской (Рочестер), писания якобы по

спиритическому откровению. Как это было отрадно — хоть ненадолго забыться, увлечься чудесами «Магов», «Жизненного эликсира», «Жизни на Марсе», «Похождениями венгерского графа (фамилии не помню) — вампира»... Оказывается, что путем известной подготовки можно людей взрослых и достаточно уравновешенных довести до такого состояния, когда единственным их желанием, единственной мечтой становится — «подальше от действительности!»...»

12 апреля. Рождественскому доставили телеграмму из Морского Министерства: «Вследствие заявлений Японии французское правительство настоятельно требует немедленного ухода эскадры из бухты Каморан в случае, если она находится там во французских водах. Примите к исполнению».

«Как иногда все сразу обманываются! Вчера с «Суворова» многим показалось, что между нашим кораблем и «Александром III» идет паровой катер. Этот же катер видели с «Александра». Моментально открыли боевое освещение, навели на подозрительное место лучи прожекторов. Заметили какой-то белый бурун и пену. Многие склонны думать, что это была подводная лодка, скрывшаяся под воду, когда начали освещать. В подтверждение этого сообщения указывают на то, что «Жемчуг» видел что-то похожее на перископ... Вчера вечером пошел в верхнюю рубку подышать свежим воздухом, прилег на диван и заснул. Научился довольно сносно вертеть папиросы. Если хватит табаку и бумаги, то обойдусь без папирос...»

13 апреля в 06.00 крейсер «Алмаз» и все транспорты, окончив погрузку угля, вышли из Камранской бухты в море на соединение с эскадрой. В 08.30 по сигналу с «Суворова» эскадра 8-узловым ходом пошла на север.

«Скитаться в океане, ожидая Небогатова, скитаться всей армадой, охраняя транспорты, когда и собственная-то охрана являлась крайне проблематичной, — было фактически невозможно. Адмирал принял решение, единственное, которое оставалось в этом безвыходном положении: как только скрылись из виду

скалы Камрана, покуда могли бы наблюдать за нашим движением и давать сведения на телеграф, — мы повернули на север и вечером того же дня вошли в бухту Ван-Фонг. Вошли в полном составе, и транспорты и боевые суда, — вошли и встали на якорь. Стоянка отвратительная, но все же стоянка, необходимая если не для отдыха, то хотя бы для передышки измученному личному составу... Единственное достоинство бухты — отсутствие телеграфа, отсутствие всяких официальных властей. Однако же и тут не повезло! Раз в месяц сюда заходит небольшой каботажный пароходик... На беду, он оказался в бухте в день нашего прибытия, собираюсь 14-го идти в Сайгон... Все же остались: пока дойдет, пока соберутся «попросить» о выходе...» «...«Суворов» принимает уголь с немецкого парохода. На последнем часть команды китайцы, а может быть есть, и японцы... Скоро Пасха, но здесь на корабле этого незаметно совсем. Едят и живут так же, как и раньше. Приготовлений никаких, всюду грязь, уголь...»

14 апреля. «Здесьшний берег горист и довольно красивый. Есть на нем небольшое селение. Подходили на шлюпках китайцы. Продавали кур, уток, бананы, тыквы и т.п. Цены солидные. За курицу просят больше рубля. Одну небольшую тыкву не уступили дешевле 50 копеек... Фелькерзам еще до сих пор не здоров. Он лежит. Удар-то, видно, был не совсем уж легкий, как говорили доктора... В каюте у меня масса крыс. Вчера нахальство их дошло до того, что, когда я сидел за столом, они начали бегать по ногам. С кораблей присылают на «Суворов» почту и телеграммы для отправки в Россию. Все возвращается обратно. Китайцы, приезжающие на своих джонках с провизией, стараются сбыть фальшивые трехрублевки японского изготовления...»

15 апреля. «Суворов» и другие боевые корабли грузили с транспортов уголь, материалы, провизию, муку, быков и прочее. Поскольку «Гамбург-Американская линия» не разрешила своим угольщикам следовать с эскадрой дальше Камрана, снабжение эскадры углем было передано другой компании, кс орая, зафрахто-

вав несколько пароходов в Сайгоне, довольно сносно выполняла взятые на себя обязательства...

«До чего дошло нахальство крыс. Сегодня ночью одна из них укусила меня за ногу. Надо будет принять против них меры. Сейчас займусь этим. На телеграфной станции получают знаки. Они довольно неопределенны. Некоторые понимают значение этих звуков так, что выходит, будто-бы телеграфирует «Николай». Посылался на всякий случай крейсер в море, чтоб посмотреть, не идет ли Небогатов... С «Сисоя» приехал офицер доложить, что на этом броненосце получили совершенно ясную телеграмму, в которой «Николай» спрашивает «Суворова» о его местонахождении. Быть может, и действительно телеграфирует — «Николай». Во всяком случае, это должно скоро выясниться... Сейчас был вынос плащаницы. Боже, какое убожество! Стояла босая команда, босые певчие, босой дьячок. Все в белом, постарались надеть чистое, но все рваные. Костюмы офицеров тоже были скверные. Но все-таки служба произвела на меня впечатление... Вопрос о телеграммах с «Николая» выяснился. Переговаривались два каких-то французских корабля. Сразу все замолчали, а сколько было разговоров... Отличались мы: Чисто по-русски. Пришли в бухту. Самой же бухты не осмотрели. Вдруг сегодня увидели какой-то пароход,двигающийся к выходу. Что такое? Откуда? Чей пароход? Забили тревогу. Оказалось, что это французский пароход, который стоит здесь уже четыре дня. Правда, что бухта очень велика и в ней много укромных уголков, но все-таки. Разве японские миноносцы не могли спрятаться заранее и ночью напасть на эскадру с той стороны, откуда их не ждали. Конечно, могли бы... уж именно правильно говорят, что нас хранит Николай угодник. Верно, что воюют «макаки» с «кос-каками»... Сегодня в каюте прохладно. Только 25 градусов С. С удовольствием посидел и позанимался. Как ни прикидываю, а все выходит, что ранние половины мая не попасть во Владивосток. И это еще при благоприятных условиях...»

16 апреля. Великая суббота. На всех кораблях эскадры шли приготовления к встрече Светлого

праздника. Персборки задраивались цветами, зеленью и флагами. В командных и батарейных палубах расставляли куличи и крашеные яйца. Работ не производили, кроме приборки во внутренних помещениях и приведения кораблей в порядок. В этот день вице-адмирал Рожественский отдал следующий приказ по эскадре: «Месяц тому назад японцы имели вокруг нашего расположения и вблизи южных проливов несколько крейсеров и отряд истребителей-миноносцев. К настоящему времени средства эти могли быть значительно усилены, чтобы внезапным нападением в ночное время или при других благоприятных обстоятельствах уменьшить состав нашей эскадры прежде, чем противопоставить ей свои главные силы. Для внезапных нападений японцы обыкновенно выбирают время, в которое, по их соображениям, бдительность противника должна быть ослаблена. Ночь перед нашим Светлым праздником может показаться им особенно удобною для атаки. Обращая на это внимание всех чинов эскадры, предписываю сегодня ночью, как во время богослужения, так и во время разговения, оставлять наверху и держать неотлучно на постах, кроме вахтенных офицеров и вахтенных нижних чинов, также офицеров половинного числа плутонов, минеров при половинном числе прожекторов, прислугу при половинном числе орудий 47- и 75-миллиметровых и при всех 120-миллиметровых и 6 пушках, а также наиболее опытных телеграфистов при аппаратах беспроволочного телеграфирования...»

«... Получили агентские телеграммы, сообщающие, что 13-го числа Небогатов был у Малаккского пролива около Пенанга. Те же телеграммы говорят, что 7 апреля японский флот был в Мозамбю. Сегодня ночью долго воевал с крысами. Совсем одолели. Хуже всего, что они, не стесняясь, бегают по постели. Это очень противно. Приготовился встретить Пасху: вестовой чуть ли не силой заставил прачек выстирать один китель и белые брюки. Банмаков, он, кажется, еще не успел выбелить. Проболтал долго с флагманским штурманом и командиром. Странно как-то. Командир без кителя сидел прямо на палубе в рубке. Говорит, что так хорошо. Кают-компанию убирают зеленью. Достали с

берега ползучих растений и разных ветвей. Но все так жалко, так убого. Кое-как покрасили яйца, краски не было. Хлебопеки испекли хлебцы в виде куличей. Творожной пасхи, конечно, нет. У адмирала за столом такая пасха, кажется, будет...»

В 23.45 на «Суворове» начали служить Светлую Христову Заутреню. Японского нападения в эту ночь не было...

17 апреля. Светлое Христово Воскресенье. В 08.00 корабли эскадры расцвелись флагами. Работ нигде не было. Адмирал Рождественский обходил на катере все корабли эскадры, поздравляя построенные на палубах экипажи с праздником. Вернувшись на «Суворов», Рождественский христосовался с офицерами и обошел строй матросов, поздравив их с праздником. В этот же день адмирал отдал приказ по эскадре, возлагая на командиров кораблей ответственность за погрузку и пополнение угля на их кораблях с таким расчетом, чтобы запас его всегда был достаточным для перехода в 3000 миль со скоростью 10 узлов. Этим же приказом было предписано всем кораблям перекрасить мачты в серый цвет, а реи и марсы оставить черными, чтобы затруднить определение противнику расстояния дальномерами. «Христос Воскрес! Проснулся сегодня позже обыкновенного. Опоздал к подъему флага. Из каюты еще не выходил. Встретил Пасху. Во время службы половина офицеров и команды не отходила от заряженных пушек. Церковь кругом была тщательно закрыта, чтобы свет не проникал наружу. Духота была невыносимая. Служба вышла довольно парадною. Все были во всем белом, иконостас белый, ризы священников тоже. Вся церковь была обильно украшена тропическими растениями. Все было обвито ими, гирлянды свешивались с потолка. Церковь и так низка, а после того, как ее прибрали и украсили, выглядела чуть ли не пещерой. После ужина разговлялись. Стол был довольно богатый. В России никто не знал, что эскадра встречает Пасху в какой-то бухте Ван-Фонг. С шести часов вечера обычная жизнь вступает в свои права: начнут грузить запасы, уголь, все опять станут ходить грязными... Появилась у меня на

теле тропическая сыпь. Такая гадость. По вечерам, после обеда, я часто хожу посидеть на передний мостик. Был там и сегодня. Проговорил с командиром. Он для легкости ходит там без кителя и босиком... Ждут не дождутся эскадры Небогатова. Только про эту эскадру и говорят. Еще бы. Придет она, и мы прямо направимся к нашей конечной цели. Как-то сложится жизнь тех, кто доберется до Владивостока?..»

18 апреля. «Знаменитая Сихавейская метеостанция (около Шанхая) извещает о тайфуне... Последние дни очень душно и сыро. У меня отсырел табак. Из экономии в папиросах (французских) начал разрезать их на две части. Мой вестовой Головка достал вчера обманом из буфета кают-компания бутылку коньяку и напился. За это его хотят исключить из числа флагманских вестовых. Будет у меня другой вестовой. Жаль. Я уже привык к Головке, и он изучил мои привычки. Накурился папирос с опиумом, теперь клонит ко сну. Скорее бы пришел Небогатов со своими кораблями. Тронулись бы дальше...»

19 апреля. «С утра пошла большая волна при свежем ветре и нашел туман. Корабли поспешно догружались углем...» «...16 апреля телеграф оповестил мир о нашем пребывании в Ван-Фонге. Немедленно «администратору», имевшему резиденцию в Натранхе (по прямой линии 20 миль к югу от Ван-Фонга) даны были приказания предъявить нам требования о выходе в 24 часа. Уважаемый «администратор», видимо, был того же образа мыслей, что и Жонкьер, а по части служебной этики придерживался тех же взглядов, что и «майор» в Ангра-Пеквене. Не перенося морских путешествий (по свойству своей натуры), он повез нам свой грозный ультиматум берегом и, ввиду несовершенства путей сообщения, только 19 апреля прибыл на «Суворов», совершенно измученный, ибо во исполнение долга ехал день и ночь...»

«... В Вербную субботу нас ждал сюрприз: по дипломатическим соображениям, французы должны были просить нас с честью из Камрана. В воскресенье мы ушли в море, оставив в бухте только транспорты, ко-

торые догружались с немецких угольщиков. Мы болтались в море до среды, когда стали на якорь в бухте Ван-Фонга... Но и это наше убежище открыто 19 апреля. Нас опять попросили честью. Как видите, положение наше довольно глупое, но что делать, нам необходимо дождаться Небогатова, который должен прийти не сегодня завтра. У нас есть телеграмма, что 15-го третья эскадра прошла Пенанг...»

В тот же день Рождественский телеграфировал в Петербург: «Чтобы эскадра вместе с отрядом Небогатова могла опираться на Владивосток до заморозков, необходимо немедленно довести владивостокский склад угля до полмиллиона тонн. Нужно на шесть рейсов кругом Кореи... Имеющегося во Владивостоке хватит на один рейс кругом Кореи. После одного рейса придется погрузить 96 000 тонн в ямы и в трюмы транспортов и возвращаться к Сайгону. Прошу посылать уголь во Владивосток, не ослабляя запасов в Батавии, Сайгоне и Киа-Чао...»

20 апреля в 06.00 все боевые корабли вышли из бухты. Около 08.00 эскадра встретила в море французский крейсер «Гишан» под флагом Жонкьера, идущего в бухту Ван-Фонг. С «Гишана» сообщили сигналом, что имеют корреспонденцию для адмирала, которую передадут на оставшийся в бухте «Алмаз». Эскадра, выйдя в открытое море, застопорила машины и продержалась в таком положении весь день. К закату солнца эскадра перестроилась в боевой порядок и всю ночь крейсировала в строю, имея малый ход.

«Французский крейсер ушел, но мы ночь проведем в море. Об эскадре Небогатова нет известий. Странно... Адмирал убежден, что японцы попытаются потопить суда Небогатова до соединения с нами... Часов в 11 услышал звук пущенной ракеты, надел китель и выскочил наверх. Всюду бежали люди, спеша к своим местам, где они должны находиться во время боя. То и дело слышался вопрос: «Одна или две?». Спрашивали про ракету. Одна означает учебную боевую тревогу, а две — настоящую боевую тревогу, когда неприятель близко. Была одна ракета...»

По этому поводу адмирал Рождественский отдал следующий приказ по эскадре: «Вчера ночью (приказ от

20 апреля N 219), при движении эскадры со скоростью, почти вдвое меньшею против возможной по числу котлов, крейсер «Адмирал Нахимов» и броненосцы «Император Александр III», «Орел» и «Сисой Великий» все-таки растягивали промежутки до двойных и тройных против обязательного... Вчера же по ночной тревоге броненосцы «Сисой Великий», «Наварин» и крейсер «Адмирал Нахимов» испускали из своих прожекторов не световые лучи, а туман, застилающий все окружающее. Так мало обращено внимания на установку и регулировку боевых фонарей. Весь крейсерский отряд продолжал светить, а значит стрелять, когда с «Суворова» подъемом луча было приказано прекратить освещение и стрельбу. Таким образом расстреливают обыкновенно своих».

В этот же день Рождественский снова телеграфировал Управляющему Морским Министерством, напоминая о нуждах эскадры: «Необходимо немедленно везти из Австралии и из С.Франциско 500 000 тонн угля Лаперузовым проливом во Владивосток».

21 апреля. В 08.00 эскадра вошла в бухту Ван-Фонг и стала на якорь на прежнем месте. В этот же день лейтенант Вырубов написал свое предпоследнее письмо домой: «Бухта Ван-Фонг, 21 апреля 1905 г. Христос Воскрес! К сожалению, я не имел возможности поздравить вас письмом благодаря нашему походу, а телеграммы как раз на Страстной на время запретили отправлять из тактических соображений... 31 марта мы подошли к бухте Камран у берегов французского Аннама. Минные катера и миноносцы были посланы обследовать и протралить бухту. Я ходил на минном катере № 1 и провел очень интересные сутки. Удалось побывать на берегу и завести знакомство с очень милыми французами... Пасху мы встретили довольно хорошо, но вследствие угольной грузки на Страстной неделе многих служб не было. Благодаря изобилию свиней и птицы в бухте, пасхальный стол вышел довольно приличный. Великолепно удалась куличи и пасхи. К сожалению, сырной пасхи не удалось соорудить. В Страстную субботу я привез с берега целую гору всякой тропической зелени. Попадались очень

красивые экземпляры, так что церковь и кают-компания украшены очень недурно, хотя у нас половина кают-компаний завалена углем. Адмирал с нами только христосовался, разговлялся же у себя, потому что из-за угля мы не могли поместить у себя весь штаб. В такие дни, как Пасха, как-то особенно грустно становится отсутствие близких людей, а в эту Пасху у меня это чувство было особенно сильно. В два часа дня в воскресенье я ушел в дозор на минном катере, где и болтался до семи часов утра 18-го...»

22 апреля. «...Флагманский штурман полковник Филиншневский и я (приказом по морскому ведомству, полученным еще на Мадагаскаре, я был «легализован» на эскадре в должности флагманского штурмана — чистая фикция, так как в штабе адмирала состояло уже трое флагманских штурманов, все старше меня и опытнее), отправились на пароходе «Русь» осматривать близлежащие бухты, годные для стоянки, но вне пределов телеграфной досягаемости, и такие, чтобы прохожие — мимо идущие суда — с моря не могли бы увидеть эскадры и своей болтовней не обнаружили бы тайны нашего убежища. Заметили Ванг-Ро и Куа-Бе. Последняя очень хороша. Единственный недостаток — плохо промерена и описана. Могут быть неприятные сюрпризы вроде отвесно поднимающихся со дна коралловых банок. Медлили перебираться, пользуясь полученным из Натранга (куда посылали, якобы с моря, миноносец) известием, что идет тайфун и есть опасение, что пройдет близко. Это уж «форс-мажор»! Право убежища при прохождении тайфуна не может быть отменено никакими дополнениями к декларации о нейтралитете...»

«Моего вестового Головки перевели на другой корабль. Приходил он ко мне, чуть не плачет, просит проверить вещи. Конечно, я не стал этого делать... Утром разъезжал по кораблям. В четвертом часу вернулся на «Суворов». О Небогатове никаких известий. И куда он мог деться? Даже пароходы не доносят о случайной встрече с ним... Когда был на «Громком», то к нему подошла фуфенка (шлюпка), на которой сидело трое взрослых аннамитов и трое мальчишек. Мальчиш-

ки выстроились в ряд и давай кланяться в ноги. Спросил, что они делают. «Они просят, чтобы их купили...» Наш командир Игнациус, которому я рассказывал об этом случае, почему-то решил, что я хочу купить мальчишку и начал меня усиленно отговаривать от этого шага. С трудом уверил его, что не собираюсь никого покупать... Творится подозрительная вещь: французский адмирал говорил о движении и местонахождении французских военных судов очень подробно, но ни словом не упомянул о миноносцах, которые должны пройти мимо Ван-Фонга. «Донской»- же, который сегодня в дозоре вместе с «Уралом», часа в два увидели два миноносца, шедшие на север. Они сначала были без флагов, но потом подняли французские. «Донской» успокоился и не потрудился подойти поближе. Миноносцы беспрепятственно прошли. Адмирал, да и все другие убеждены, что это были японцы. Теперь же, вечером, временами видны под берегом со стороны открытого моря лучи прожекторов. Очевидно, что светит военный корабль. «Донской» доносит, что видит лучи, и только. Но чьи они? Светит «Урал»? Если он, то зачем? «Урал» почему-то молчит совсем. Ничего не поймешь. В связи с появлением днем двух миноносцев эти лучи становятся очень подозрительными, если даже светит «Урал». Если он светит, то значит, видит или подозревает что-нибудь неладное. Предложено всей эскадре усилить внимание. Подойди «Донской» ближе к миноносцам, которые так поздно подняли французские флаги, дело было бы яснее. Если это были японцы, то как они могут издеваться над нашей дурацкой доверчивостью — увидели флаги и успокоились. Как будто трудно поднять любой флаг. Эх, вояки!» По этому случаю адмирал Рождественский писал в своем приказе: «22 апреля, на рассвете, находившийся на сторожевом посту крейсер «Кубань» (приказ от 23 апреля № 223) увидел двух миноносцев, которые, со своей стороны, рассмотрев крейсер, подняли французские флаги и быстро ушли. Командир «Кубани» не нашел нужным удостовериться, французские ли то были миноносцы. Того же 22 апреля, после заката солнца, командир сторожевого крейсера «Дмитрий Донской» телеграфировал, что видит в море свет

прожектора. И действительно, даже из бухты, на флагманском броненосце замечены были над высоким берегом лучи, поднятые в небо, причем направление, по которому были видны эти лучи, совпадало с пеленгом на пост, который должен был быть занят сторожевым крейсером «Урал». Из этого можно было заключить, что если «Урал» не сам светит, то должен видеть свет лучше «Суворова» и лучше «Донского», потому что находится ближе к источнику света. Но «Донской» не догадался спросить телеграммой «Урал», видит ли он свет, а «Урал» сам ничего не телеграфировал. Когда же с «Суворова» приказано было «Донскому» спросить «Урал» о свете, то «Урал» не догадался прибегнуть к прожектору, чтобы переговорить с товарищем, а удалился со своего поста для этой цели. Удалившись, «Донской» перестал принимать телеграммы «Суворова» и перестал служить связью между «Уралом», минными катерами, миноносцами и эскадрой. Засим потребовалось 9 часов времени (с 8 часов вечера до 5 часов утра), чтобы получить ответ «Урала». Тяжелое впечатление выносится из этого обзора сторожевой службы наших крейсеров. За сутки, 22 апреля, проявлено полное отсутствие инициативы и совершенное непонимание обстановки. Но еще тяжелее сознавать, что 22 апреля не произошло ничего особенного, никакого стечения неблагоприятных обстоятельств: та же неурядица повторяется изо дня в день».

Комментируя этот приказ, капитан 2-го ранга Семенов писал: «Отсутствие инициативы, понимания обстановки, знания — все верно, все было. Но откуда было взять и то, и другое, и третье, когда никогда этому не учились? В некоторых случаях, да и то на недолгое время, недостаток подготовки мог быть восполнен высоким подъемом духа, работой при полном (часто бесцельном и даже неразумном) напряжении всех сил, но ведь силы человеческие не беспредельны!..»

23 апреля, по случаю Тезоименинства Государыни Императрицы Александры Федоровны, занятий и работ на эскадре не было.

«Вчера до часу ночи бродил по кораблю — в каюте было слишком жарко. Наконец заснул в кормовой рубке на диване. В пять часов меня разбудили. Проснувшись, с трудом поворачивал голову — так было больно шее оттого, что спал в неудобном положении. По случаю именин государыни был сегодня молебен и салют. у корабля в это время стояло много шлюпок аннамитов. Как они бросились в бегство, когда начали палить... Мало-помалу все упрощается: табак для кручения папирос начал носить в старых конвертах. Это удобнее, чем иметь его в портсигаре. Небогатова все нет, и нет о нем известий. Пари и споры о том, когда он придет, придет ли, нападут ли на него японцы — всюду. На «Авроре» офицеры устроили даже тотализатор на его приход... Дежурный крейсер, находящийся в дозоре, донес, что видит три корабля,двигающиеся вместе по направлению к нам. Все время около бухты двигаются какие-то огни. Дозорные крейсера телеграфируют какую-то путаницу. Да можно ли полагаться на эти корабли? Про командира одного говорят, что он не скрывает своего желания разоружиться и даже мечтает об этом. За глазами флагманского корабля ведет себя совсем не так, как следует. Например, ему приказывают держаться в дозоре на три мили от берега, а он уходит на тридцать. Для него наша эскадра с ее стремлениями является чем-то враждебным... У иных существует почему-то убеждение, что во время этой войны из четырех новых броненосцев погибнет «Александр».

24 апреля. «Наконец-то объявился Небогатов! Миноносец, который ходил сегодня в Натранг, где находится почтовая контора, привез телеграмму о том, что третья эскадра в четыре часа утра 22-го прошла Сингапур. Числа 27-го она соединится с нами. По-видимому, с ней все благополучно. Но где же она болталась целую неделю? От Пененга до Сингапура всего три дня пути. Скоро, значит, уйдем отсюда... Французский адмирал Жонкьер, который так расположен к нам, прислал адмиралу стихотворение, сочиненное им об Артуре и Стесселе. В каком-то состоянии придут суда третьей эскадры? Каких новостей она

навезет? Много ли будет почты и от каких чисел? Можно ли будет достать на ней табаку, гильз, папирос? Ведь эта эскадра вышла из России на четыре с лишком месяца позже нас. Когда она вышла, мы стояли уже в Носси-Бе. Из Маньчжурии ходил на «Гишане» Жонкьер, чтобы предложить нам удалиться из Ван-Фонга...»

«... Место нашей стоянки было на юру, на виду у всех прохожих. При всей доброжелательности со стороны местных властей, вечером 24 апреля мы получили конфиденциальное сообщение, что наше возвращение в нейтральные воды Аннама стало достоянием газет всего мира. Япония возмущена и протестует. Англия энергично ее поддерживает. Париж, совершенно перепуганный, мечет громы и молнии по адресу местной администрации, а Петербург, еще более перепуганный, говорит: «Я — не я! Лошадь-не моя! Моя хата с краю — ничего не знаю! Рождественский полномочен! Его дело! Выводите его, как хотите — мы умываем руки»... А в то же время — «стратегическое развертывание сил»... Никола Угодник... Серафим Саровский...»

24 апреля адмирал Рождественский телеграфировал Управляющему Морским Министерством: «Французы ставят нам в упрек продолжительность нашего пребывания здесь, говоря, что мы 24 дня приводимся в порядок, увеличивая боевую силу. Это неверно. Эскадра вошла в бухту Камран 1 апреля, а 3-го прибыл французский адмирал, потребовавший удаления. С тех пор эскадра непрерывно блуждает и, где бы ни прикнулась, гонится французским правительством, вопреки декларации нейтралитета. Очень жаль, что наша дипломатия не настояла твердо на нашем праве пользоваться французскими бухтами для стоянок, при условии воздержания операций против неприятеля. Проблуждав месяц, мы остаемся с расстроенными машинами при большом расходе угля. Рождественский».

Петербург, который знал о делах на эскадре главным образом из сообщений иностранных телеграфных агентств, был напуган газетными утками о захвате Рождественским большого количества призов с контрабандой, хотя на самом деле он не захватил ни одного.

24 апреля на «Суворов» была доставлена следующая телеграмма Управляющего Морским Министерством: «Министр Иностранных Дел сообщил, что действия ваши с захваченными вами английскими судами, ввиду невозможности вам отдать их в призовую суд, могут быть таковы, что они возбудят общественное мнение Англии. Сообщая об этом, прошу телеграфировать, захвачены ли пароходы и как вы намерены поступить. Авелан».

25 апреля. «Предложено уйти из Ван-Фонга завтра. На госпитальном «Орле» умер офицер, служивший на «Ослябе» (Гнедеонов). Похоронят его завтра в море. Чем больше я узнаю про личный состав и про дух его на порт-артурской эскадре, а также про порядки на ней, тем меньше удивляюсь ее гибели, тем меньше мне становится ее жалко. Конечно, всего больше жаль корабли... Из Сайгона пришел под французским флагом с разными припасами пароход «Эридан». С него я получил твои письма. Очевидно, Гинзбург послал в Сайгон на имя своего родного брата Месса (настоящая фамилия Гинзбурга — Месс). Писем было очень мало. Из всего штаба получил лишь я один. Как я доволен! Сегодня положительно счастливый день! Сел писать тебе, но приходит старший флаг-офицер Свенторжецкий и предлагает взять у него тысячу папирос из полученных четырех тысяч. Папиросы русские. Прислал их тот же Месс. Теперь я надолго обеспечен куревом... На «Эридане» приехал на эскадру капитан 1-го ранга Поллис, который до сих пор был нашим тайным агентом в Батавии, и лейтенант М., прорвавшийся на миноносце из Артура. Оба они останутся на эскадре. Поллис будет ходить на «Алексаudre»... И чудачки же здешние аннамиты. Серебряные и золотые пуговицы они ценят дороже пяти франков за штуку. Команда, конечно, пользуется этим и расплачивается пуговицами, да еще торгуется... После обеда пошел посидеть на носовой мостик, поджидая, когда потянет ветерок и можно будет сидеть в каюте. Уж на что в рубке, и там то и дело на глазах шмыгают крысы. Сегодня вестовой сделал открытие: крысы прогрызли мне ботинки. Надевать их еще можно...»

«Два слова о здоровье (странная тема?). Благодаря мерам, принятым для поддержания наилучшего питания и условий жизни, на которые адмирал категорически приказал «ничего не жалеть», общее санитарное состояние эскадры было вполне удовлетворительным. 10 000 людей, запертых в железных кораблях, полгода в тропиках — и никаких эпидемических заболеваний. Одно сказывалось -переутомление. У меня нет под рукой статистических данных, и я могу привести примеры только из личных наблюдений на «Суворове». Адмирал прихварывал еще на Мадагаскаре. После двух дней, проведенных в постели, с которой он встал не столько благодаря помощи докторов, как силой собственной воли, он вообще плохо выглядел, а в дни, следовавшие за периодами особого возбуждения, напряжения сил, заметно приволакивал ногу. По внешности от него, выражаясь простонародным жаргоном, оставались «кожа да кости». У флаг-капитана (капитан 1-го ранга Клапье-де-Колонг) на подходе к Аннаму случилось какое-то «легкое» кровоизлияние в мозг, причинившее «частичный» паралич, не мешавший, однако, исполнению служебных обязанностей. Флагманский штурман полковник Филипповский последнее время питался исключительно жидкой или мягкой, тщательно размельченной пищей. Лично он, по своим субъективным ощущениям, был уверен, что у него рак пищевода, доктора же констатировали аневризм, создающий впечатление набухания и сужения пищевода. Той же болезнью страдал старший минер «Суворова» лейтенант Богданов. Второй старший флаг-офицер лейтенант Свербеев, вообще слабого здоровья, вынужден, по рецепту докторов, прибегать к опиуму и морфию. Сколько знаю, в одном с ним положении был и флагманский минер лейтенант Леонтьев. Даже здоровый на вид флаг-офицер лейтенант Новосильцев прибегал к медицинской помощи и, когда его спрашивали: «Что за дрянь вы глотаете?» — отвечал: «Для душевного спокойствия и от бессонницы местные эскулапы прописали что-то бромистое!.. Из числа судовых офицеров добрая треть числилась пациентами и все по болезням с такими мудреными латинскими названиями, что, не занеся их своевременно в днев-

ник, сейчас решительно не берусь приводить на память... Изумительную, если можно так выразиться, жизнеспособность проявлял командир «Суворова» капитан 1-го ранга Игнациус. Убежденный сторонник того взгляда, что мы идем на верную гибель, он, решив этот вопрос бесповоротно, как бы закрыл глаза на будущее и жил исключительно настоящим моментом, весь отдавшись заботе о своем корабле, о своей команде. «Как погибать? Перевернувшись или нет, от снарядов, от мины, от ядовитых газов, от ран, от задушения, от потопления — это от Бога и от начальства! А мы свое дело сделаем! Безусловно, вся сила огня — на «Суворов»! Раскатают, как пить дать! Но я уж распорядился, внушил и старшему офицеру, и всем старшим лейтенантам, которым придется по очереди вступать в командование «за выбытием» начальства из строя, чтобы помнили твердо: подходит конец «Суворову» — умри, но пересади адмирала на исправный корабль. Без него — все пропало!» Так говорил этот человек, которого я, несмотря на обвинения в беспечности, даже в легкомыслии, которые многими против него возводились, — не могу не признать идеальным типом солдата... Наиболее тяжкую утрату несла эскадра в лице контр-адмирала Фелькерзама, высокообразованного, дельного и деятельного моряка и, что всего важнее, друга и товарища, единомышленника и сотрудника адмирала Рождественского. Он еще был жив, но положение его было безнадежно, и дни — сочтены. Этот — не выдержал. К нему судьба была милостивее, чем к его старому товарищу...»

26 апреля. «С утра опять вышли в море. Жонкьер на «Гишане» наблюдает, как мы уходим... Господи! За что такая обида? Приткнуться негде! Везде гонят! Вечные жида какие-то!»

«Вовремя сегодня не снялись. Пришел опять французский крейсер нас выгнать. Подняли якоря и всей эскадрой тронулись. Вернулись «Изумруд» и «Днепр», которые ходили встретить третью эскадру. Они ее не встретили... Получена (около 11.00) телеграмма с «Владимира Мономаха», который идет впереди эскадры Небогатова. Доносит, что эскадра идет в полном со-

ставе... Два часа дня. Показались дымки, мачты и трубы эскадры Небогатова. Все в сильном возбуждении устремились на мостик. Бинокли парасхват. Наконец-то мы тронемся дальше... Когда начали переговоры с «Мономахом», то, желая убедиться, что это действительно говорит «Мономах», а не японцы, спросили фамилию его старшего офицера. Он ответил, но задал тот же вопрос и «Суворову». Оказывается, «Днепр» видел ночью третью эскадру, но «убояшася», что это японцы, поспешно удалился вспять... Пойду на мостик. Сейчас эскадры соединятся. Они уже близко друг к другу. Начался салют... Ей-богу, не знаю с чего начать. В голове полнейший сумбур... Я счастлив, доволен, рад. И сказать-то про все хочется, и боюсь не успеть, перепутать, забыть... Приближалась эскадра Небогатова, все толпились наверху. Надел я для большего парада новую фуражку... Вот идет «Апраксин». Мог ли я думать пять лет тому назад, работая на нем, что увижу его здесь? Какими несуразными показались мне «Апраксин», «Ушаков», «Сенявин»! Какие-то кургузые, с длинными, длинными трубами! Они напоминали мне детей-подростков с угловатыми формами... В четыре часа Небогатов приехал на «Суворов». Расцеловался с Рождественским. Пригласили штаб выпить, за счастливое соединение эскадр, шампанского. За столом Небогатов рассказывал про свое плавание, оно было удачно. Корабли шли идеально, без поломок. Ночью эскадра шла без огней. О приходе Небогатова в Пенанг 15-го все сочинили. Малаккский пролив он прошел в два с лишним дня, войдя в него 19 апреля. На катере, который доставил с «Николая» на «Суворов» Небогатова, привезли и почту. Несмотря на то, что из-за адмиральского стола не принято высказывать, я не усидел и вышел посмотреть почту. Она была уже разобрана... Мою почту отнесли ко мне в каюту. Прибежал туда и не знал, за что взяться — за посылки или за письма. Открыл посылки. Там — носки, платки, погоны, сладости, папиросы, мыло, одеколон, духи, щетки... Глаза разбежались. Вестовой помогал отбирать, сортировать и все отбирал. Конфеты растаяли, варенье вытекло. Все слиплось — газеты, носки, папиросы, мыло. С каким

восторгом я разбирал все это! Одеколон и духи дошли хорошо. Варенье, хоть и было запаяно, но вытекло. Папиросы немного попортились, но курить их можно. Газеты я положительно не могу читать, прочел только те места, которые были отмечены тобой».

«...В 3 часа пополудни соединились с отрядом «утогов и калош», громко именовавшимся «отдельным отрядом второй эскадры Тихого океана»... В пятом часу дня на «Суворов» прибыл Небогатов. Уговорился с адмиралом относительно дальнейшего. Мы — готовы, но Небогатову надо погрузиться углем, осмотреться перед долгим походом, ознакомиться с приемами, выработанными на эскадре на случай встречи с неприятелем. Указали ему заранее намеченное укромное место — Куа-Бе. Туда он и отправился. Мы остались в море... Присоединение к эскадре отряда небогатовских «сатопов» (как их называли люди, на них же служившие), уже не подняло новой волны энтузиазма, не дало нового импульса к победе духа над физической усталостью... В моем дневнике подробно описана эта встреча. Торжественно. Почти до слез. Все радовались, ликовали. Но в чем была основа радости, ликования? — Мы сильнее. Пойдем уничтожим дерзкого врага! — Так, что ли? — Нет! Не это! Так, может быть, думали герои, восседавшие в мягких креслах под шпилем Адмиралтейства и совершавшие боевые походы между Петербургом и Кронштадтом... Не было этого на эскадре. Нет!.. В 3 часа дня 26 апреля, когда отряд Небогатова присоединился к нам, все радовались, все поздравляли друг друга, но...не с прибавкой сил, не с укреплением надежды одолеть неприятеля, а с предвиденьем скорого разрешения томительного ожидания... «Наконец-то!» Если бы вместо отряда Небогатова появилась в виду нас японская эскадра -возможно, ее встретили бы с не меньшей, если не с большей радостью. Таково было настроение. Адмирал издал собственноручно и единолично написанный приказ, должествовавший ознаменовать радостное событие, способствовать подъему духа... Но каким деланным, каким неискренним вышел этот приказ (от 26 апреля за № 229), как мало походил он на то огненное зло, которое было брошено толпе в Вигу перед угрозой

встречи с 28 английскими броненосцами, на ту задушевную речь, которая была сказана в день Рождества, у берегов Мадагаскара...»

27 апреля. «Генерал-адъютанту Рождественскому. По повелению Государя Императора Вам подтверждается согласовать ваши действия с заявлениями французских колониальных властей, не ставя им требований, противоречащих правилам нейтралитета. Французское правительство вовсе не противится пользованию бухтами для стоянок эскадры, но не допускает операций, создающих из этих бухт базы для воюющего флота. № 2075. Алексей» (Великий князь, генерал-адмирал Алексей Александрович).

«Смею думать, вряд ли на эскадре находились люди (кроме, разве, зеленой молодежи), которые рассчитывали бы на успех в решительном, открытом бою. Наоборот, были такие, которые утверждали, что японцы, глубоко уверенные в своем превосходстве, не только не станут мешать, но даже готовы помочь нам достичь Владивостока, имея целью заблокировать нас там, а по взятии крепости получить вместе с ней, в виде бесплатной премии, вторую эскадру по образцу того, как это блестяще удалось им исполнить в Порт-Артуре. Придерживаясь этой точки зрения, командир «Олега» на одном из совещаний предлагал адмиралу держать пари на крупную сумму, что если мы пойдем во Владивосток, то японцы, обнаружив наше намерение, всячески будут уклоняться от боя, даже в случае неожиданной встречи. Адмирал не принял заклада, сказав, что с его стороны это было бы явным грабежом. Он считал, что японцы примут все меры к тому, чтобы не допустить нас до нашей базы, где мы можем отдохнуть, поправиться, починиться, оставить все лишнее, реорганизовать отряды, после чего борьба с нами будет много серьезнее...»

«... Сегодня в голове у меня полнейший сумбур — ум за разум заходит. Но я доволен и счастлив. Очень доволен, что получил все, что ты мне прислала. Может быть, «Кострома», которая еще не присоединилась к эскадре, привезет еще почты. Видишь, как я избаловался! Столкнулись два миноносца — «Грозный» и

«Безупречный». Надо их спешно чинить. Мы сейчас в море, а миноносцы в гавани, верст за тридцать от нас. Скоро пойдем во Владивосток...»

28 апреля. «Моя работа по починке «Безупречного» выполнена удачно. Вернулся к эскадре из Дайота (Куа-Бе) на миноносце «Бодром». Встретили эскадру, идущую обратно в бухту Вап-Фонг для погрузки угля, так как в море волна и грузить уголь трудно. Уйдем отсюда завтра утром. Вот ведь назойливость — нас усиленно гонят, а мы все торчим... В 8 часов я на катере добрался на «Суворов»... Погоны, которые ты мне прислала, не форменные — это погоны поручика. Я подарил их механику Кримеру. Он очень доволен и даже угощал всю кают-компанию шампанским. Не хотелось мне отдавать погоны, но убедил себя, что не следует быть собакой, лежащей на сене. Печеньем в виде миндаля угощаю других, оно как-то странно пахнет, и в нем завелись какие-то насекомые, похожие на тараканов. Послезавтра тронемся во Владивосток. Многие боятся опасностей. Я же, после твоих писем, чувствую себя бодро и с надеждой гляжу в будущее. Есть предположение такое: японцы не дадут нам эскадренного боя до прихода во Владивосток, а будут все время тревожить минными атаками во Владивостоке, отрезав этот порт с сухого пути. Как предугадать события? Не беспокойся ты, Бога ради, не получая долго писем и особенно телеграмм. По таким пустынным и необитаемым берегам мы склоняемся, что посылка телеграммы — величайшее затруднение...»

29 апреля. «Пока пользуемся французскими бухтами для отдыха, отпускаем всех котрабандистов, чтобы не подтвердить обвинения в устраиваемой здесь базе операций против неприятеля. Известия агентств о захвате призов ложны. Когда покинем Аннамское побережье, будем топить тех, где окажется большая часть груза контрабандой. Небогатов присоединился. № 153. Рождественский».

«...Очень огорчен: письма отправить не успел. Почту увезли с «Суворова» в четыре часа утра. Я же думал, что она пойдет позже. Если бы мы стояли в бухте, тог-

да я сумел бы переправить письма. Мы же ранним утром вышли в море... Проходил вблизи эскадры какой-то пароход, сделавший попытку скрыться. Его догнал наш миноносец и разведочный крейсер. Он поднял английский флаг. Его не осматривали, а только опросили. Говорят, что идет из Японии на юг, везет кули (китайские рабочие). Отпустили... Продолжаем болтаться в море. Уйдем отсюда или завтра вечером, или же послезавтра утром... Знаешь, сколько теперь кораблей на эскадре? Пятьдесят два. Часть транспортов в Сайгоне, было бы еще больше...»

30 апреля. «Петербург. Его Императорскому Высочеству Генерал-Адмиралу. Небогатов присоединился. Фелькерзам пятую неделю не вставал с постели. Едва ли встанет, состояние быстро ухудшается. Всепреданнейше прошу послать поспешно во Владивосток здорового и способного командующего флотом или эскадрой. Я с трудом хожу, не могу обойти палубы своего корабля. Поэтому состояние эскадры весьма плохое. Если останусь жив, то под начальством командующего флотом могу продолжать командовать эскадрой пока двигаюсь и пока командующему то будет желательно. № 154. Рождественский».

В этот день лейтенант Вырубов отправляет свое последнее письмо домой: «26 апреля мы наконец соединились с Небогатовым. Слава Богу, у нас теперь руки развязаны, и завтра мы идем во Владивосток. Небогатов совершил свой поход блестяще и привел свои корабли в отличном состоянии. Шутка сказать, он совершил весь поход в 2,5 месяца, да еще с кораблями, про которые говорили, что они дальше Средиземного моря не уйдут... В общем, мы получили солидную прибавку в два 12-дюйм., два 10-дюйм., четыре 9-дюйм. и шесть 120-миллиметровыми. К сожалению, японцы открытого морского боя, наверно, не дадут, так как для них риск большой, а будут морить нас мелкими гадостями в виде всевозможных мин и брандеров. Теперь мы на пороге самых интересных событий. Когда это письмо дойдет до вас, судьба многих из нас уже решится. Ужасно обидно, что нельзя повидаться со Ждановым. Мы с ним обменялись только приветстви-

ями по семафору. Небогатов привез нам почту, правда, немного: я получил письмо от жены и от вас. Французы опять изгнали нас из Ван-Фонга. Теперь, кажется, в последний раз. Небогатов грузится углем в соседнем Куа-Бе. Сегодня с рассветом опять уходим в море, где и будем болтаться до завтра. Дай Бог завтра двинуться окончательно вперед!»

1 мая. В 05.00 эскадра при благоприятной погоде начала выходить в море. Первыми снялись с якоря и вышли из Куа-Бе миноносцы, за ними транспорты, крейсера и, наконец, 3-й броненосный отряд. Вице-адмирал Рожественский с 1-м и 20-м броненосными отрядами ждал в море выходящие из бухты корабли, которые немедленно занимали свои места согласно диспозиции. Под берегом держался французский крейсер «Гишан»: адмирал Жонкьер наблюдал за действиями русских кораблей... В 09.20 вся эскадра, построившись в походный ордер, легла на курс норд, а в 11.40 взяла курс на Формозу (норд-ост-72), увеличив ход до 9 узлов. Легкий бриз развевал флаг командующего на мачте эскадренного броненосца «Князь Суворов», который вел за собой 37 боевых кораблей и 13 транспортов.

«Сегодня и воскресенье, и майский праздник. Казалось бы, день для начала похода, по приметам, чего удачнее. Теперь Жонкьер по чистой совести может донести, что ушли окончательно. Милейший тип. Можно ли не верить в искренность его пожеланий по беспроволочному телеграфу. Что следовало ему ответить? «Прощайте, мой адмирал!» или «До скорой встречи!»... Как знать, чего не знаешь?.. В 11 утра легли на настоящий курс и дали ход 9 узлов. В добрый час!.. Настроение ничего! Пожалуй, на бой еще хватит. Даже острят, что следующий адмирал хоть придет на третьей эскадре со «Славой», но славы ему не видать, потому что либо соизволением Божьим она нам достанется, либо вместо нас будет пустое место, а тогда ему и соваться нечего. «Идущие на смерть приветствуют тебя!»... Лейтенант Свенторжецкий мрачнее ночи. Каркает. Показывает на карту (на предстоящий нам путь) и говорит: «Виа делорозо» (Скорбный путь)... После

обедни и молебна о благополучном плавании, в своей компании, sprыснули выступление бокалом Мумма Свенторжецкий опять: «Пир во время чумы». Справился, даже изругал его (по приятельски): «Зачем бередить? Сами знаем! Переделать, перерешить — не в нашей власти. А больше одного раза не убьют...»

Вероятно, обогнем Формозу и пойдем Корейским проливом. Едва ли до Владивостока будет артиллерийский эскадренный бой. Надо ждать бешеных минных атак миноносцев и подводных лодок...»

С наступлением темноты эскадра перестроилась в ночной ордер.

2 мая. Весь день погода оставалась благоприятной. В 06.00 эскадра перестроилась в дневной ордер. В полдень эскадра находилась в точке 13,58 СШ и 112,51 ВД. Суточное плавание 196 миль. Средний ход 8 узлов.

«Курс проложен такой, что мы, обогнув Формозу, должны будем идти по восточную сторону ее. Эти предположения оправдались. Я думал, что все-таки раньше огибания Формозы эскадра зайдет к острову Хайнан. Ошибся. Ночью пересекли один путь, по которому обыкновенно двигаются суда с севера на юг и обратно... Теперь двигаемся по такому месту Китайского моря, где корабли обычно не ходят. Начались разговоры о погрузке угля. Хотят устроить ее завтра рано. Миноносцы идут на буксирах у транспортов. Пока двигаемся без приключений и поломок. Сегодня ровно семь месяцев, как наша эскадра покинула Россию. Море почти совсем стихло и можно безопасно держать открытыми иллюминаторы, спрятав свет, так как эскадра идет, имея самое ограниченное число фонарей, да и то с самым слабым светом. Столкнуться трудно. Ночь светлая, лунная...»

«...Пока что — благополучно. Ночью, бродяжничая, заглянул в кают-компанию. Сидит Вернандер (старший механик), Курсель и Г. (прапорщики запаса), пьют пиво и едят бутерброды с колбасой. «Что такое?» — «Не понимаете? А еще штурман! Самое время. Ведь семь часов разницы по долготе. Значит, как раз теперь все петербургские немцы закусывают в Екатерингофе!» Хохочут. Молодцы! К черту всякие предчувствия!..»

Погода тихая, жарко. Встретили 3 парохода — пересекаем торную дорогу из Сингапура в Гонконг...»

«Токио, 2 (15) мая. Теперь положительно известно, что Балтийская эскадра вышла из бухты Хонкоэ, но затем вернулась и в данное время стоит там на якоре».

«Сайгон, 2 (15) мая. Русская эскадра, снова появившаяся в виду Ханкоэ, вчера в 1 час утра удалилась на север. С тех пор не было замечено ни одного военного судна. Адмирал Жонкьер телеграфирует из Натрана, что, посетив все береговые бухты до Турана, не нашел ни одного русского судна».

«Сайгон, 2 (15) мая, 6 часов 20 минут вечера. (Соб.кор.) Встреча двух эскадр — Небогатова и Рождественского — состоялась».

«Гонконг, 2 (15) мая. («Сентрал Ньюз»). Согласно полученным здесь сведениям, полагают, что Балтийская эскадра находится у о.Сент-Джон в 90 милях к юго-западу от Гонконга».

«Гонконг, 2 мая. (Сообщ. через Париж.) Эскадра адмирала Рождественского была у острова Сент-Джон в 800 милях к северу от Камранской бухты и в 400 милях от Пескадорских островов, где находится передовая база адмирала Того. Это известие вполне согласуется с телеграммой адмирала Жонкьера, который заявил, что он посетил бухты вдоль побережья Индокитая и не обнаружил следов русской эскадры...

3 мая. До обеда эскадра занималась дальномерными учениями. Ночью броненосец «Наварин» выходил из строя из-за аварии в рулевом приводе. После полудня крейсер «Дмитрий Донской» донес, что видел на воде предмет, похожий на перископ подводной лодки. На эскадре этому известию не придали значения, полагая, что крейсер, видимо, принял за перископ какой-нибудь предмет, выброшенный за борт одним из впереди идущих кораблей... В полдень эскадра находилась в точке: 15,42 СШ и 115,40 ВД. Суточное плавание 193 мили. Средний ход 8 узлов. «...Пока все идет спокойно. Идем хорошо. Сегодня встал на исходе восьмого часа и опоздал к утреннему чаю. Пришлось пить одному у себя в каюте...»

«...Удачно вышли в отношении ночного плавания. Через два дня полнолуние. Ночью светло, как днем. Прожекторы ни к чему. Пока мы не свободны в своих действиях (конвоируем транспорты), для нас всего опаснее минная атака. На кораблях нет-нет да и повреждение. Идем третьи сутки, а повреждались уже... «Орел», «Наварин» и «Сисой». Правда, ненадолго, а все же задержка и, главное, отсутствие уверенности в их исправности. Что-то будет в бою?.. Разведочный отряд идет впереди нас, рассыпавшись дозорной цепью. Пытаемся раскинуть цепь пошире, поддерживая связь телеграфом. Сдаст. Ненадежен. Кто виноват? Неопытность наших минеров или система Сляби-Арко, принятая техническим комитетом? Черт их разберет!.. Факт налицо, а «икал или не икал перед смертью» — по-моему, безразлично...»

«Гонконг, 3(16) мая. («Сентрал Ньюз»). 12 военных судов неизвестной национальности были усмотрены 1 мая вечером у Гонконга. Суда быстро шли в юго-восточном направлении. Положение считается тревожным, ежедневно ожидают сражения...»

4 мая. В полночь эскадра переменяла курс на норд-ост-40, которым шла со скоростью 8 узлов до 07.30, а затем легла на норд-ост-51. На кораблях шли артиллерийские учения и сверка дальномеров. В 11.30 на «Суворове» подняли сигнал: «Завтра с рассветом общая погрузка угля. Развести пары на паровых катерах к 5 часам утра. Транспортам насыпать все угольные мешки». В полдень эскадра находилась в точке: 186,4 СШ и 117,5 ВД. Суточное плавание 189 миль. Средний ход 8 узлов...

В 17.20 адмирал передал сигналом на все корабли следующий приказ: «В случае появления неприятеля во время погрузки угля эскадре построиться в боевой строй, а затем, если позволит время, поднять шлюпки».

«...Завтра погрузка угля. Вероятно, это последняя погрузка в открытом море. Говорят, что у Шанхая уйдут от нас остальные транспорты. Останутся только военные («Камчатка», «Иртыш» и «Анадырь») и «Корея», на которой военные запасы. Если это осуществится, то адмирал будет искать сам эскадрен-

ного боя с японским флотом до прихода нашего во Владивосток... На телеграфной станции получают знаки. Никто не придает им значения. На броненосце удивительно спокойно. Волновались больше, когда нас окружали английские крейсера в Атлантическом океане. Я совершенно спокоен, ничуть не волнуюсь. Притерпелся, что ли? Видели чашку, берег не очень далеко. Луна светит, как солнце, днем - светло. При таком освещении трудно атаковать миноносцами, но подводными лодками удобно. Море тихо. Лишь зыбь, но спокойная и довольно отлогая. Скоро не будет так жарко. Формоза близко. При удаче во Владивостоке будем дней через 12-15. Все мои приготовления к бою свелись к тому, что начал складывать в порядок вещи. Ералаш был большой. Хватит разборки и на завтра».

«...Утром опять повреждение у «Наварина». Часов пять шли малым ходом. Разведчики снова в дозорной цепи. Это теперь принято за правило. В 17.30 «Орел» вышел из строя — повреждение в рулевой машине. Сегодня особенно жарко и душно. Солнце в зените и мертвый штиль...»

5 мая. В 05.15 с первыми лучами солнца эскадра по сигналу с «Суворова» застопорила машины. Спустили паровые катера и баркасы, начав погрузку угля с транспортов. В 15.20 погрузка была окончена и шлюпки подняты. В 16.40 эскадра построилась в ночной походный ордер и начала движение, взяв курс норд-ост-72 на о. Батанг. В 22.45 крейсер «Олег» задержал английский пароход «Олдгамия», шедший в Японию без консаментов. В полдень эскадра была в точке: 19,32 СШ и 119,44 ВД. Суточное плавание 147 миль. Средний ход 8 узлов.

«Эскадра грузит уголь. Море спокойно, но зыбь все-таки такая большая, что покачивает большие броненосцы. Жарко. Скоро, скоро начнутся холода. Как-то будут переносить их после тропиков? Больных будет много...»

«Ночь прошла спокойно. С рассветом остановились и начали грузить уголь. На 3-м отряде, с непривычки, плохо ладится. Впрочем, им немного и нужно. В 3 часа дня окончили погрузку. Отпустили в Сайгон «Тамбов»

и «Меркурий» с объявленным сигналом «особой благодарности за блестящую службу при эскадре»... В 10-м часу вечера увидели за кормой пароход. Послали «Олег» для осмотра. Оказался англичанин. Капитан говорит, что груз - керосин, коносаментов нет, идет в Нагасаки. Задержали при эскадре, отложив подробный осмотр и рецензию до завтра...»

«Париж, 5(18) мая. Известие об уходе эскадры Рождественского из бухты Ханкоэ на север вселили в японском народе уверенность, что бой произойдет в ближайшем будущем. Полагают, что Рождественский запаса достаточным количеством угля и провианта, так что вполне готов предпринять наступление...»

6 мая. В 05.00 эскадра застопорила машины. На броненосце «Генерал-Адмирал Апраксин» сильное повреждение в машине. В этот момент на зюльде открылся еще один пароход. Сигналом с «Суворова» крейсера «Жемчуг» было приказано осмотреть его. Пароход поднял норвежский флаг. После осмотра был отпущен. В полдень эскадра находилась в точке: 19,44 СШ и 120,56 ВД. Суточное плавание 67 миль. Средний ход 4,5 узла.

«В 2 часа ночи повреждение в машине на «Апраксине». Сигналом донес, что исправление займет сутки, а пока не может идти больше 6 узлов. Недурно для начала. Будь они прокляты, наши «стратеги» и высланные ими «подкрепления»!.. Пароход «Олдгамия» крайне подозрителен. Курсель (пранорщик запаса), опытный моряк (видел виды) — указывает: на пароходе угольные ямы почти пусты, угля в обрез до Нагасаки. Между тем сидит в воде до ллойдовской марки. Керосин в жестянках и деревянных ящиках — груз громоздкий, но легкий. Курселю случалось ходить с таким грузом. Заливали не только трюмы, но все свободные помещения, принимали даже на верхнюю палубу. Балластные цистерны заливали водой, угля брали сверх полного запаса, и все же ллойдовская марка была на несколько футов выше воды. На «Олдгамии» угля мало, а груз — весь в трюмах. Верхняя палуба свободна. Откуда же такая осадка? Очевидно, на дне, под ящиками, лежит что-то тяжелое. Капитан отказывает-

ся предъявить коносаменты. Опросом команды выяснилось, что все они, за исключением двух доверенных лиц капитана, набраны накануне выхода из порта, при погрузке парохода не присутствовали и о содержимом в трюмах ничего достоверного сказать не могут. Капитан со своими помощниками и механиками, равно, как и те двое, что были при погрузке, не дают, не желают давать никаких объяснений. Зато один из матросов (немец) сообщил о нечаянно подслушанном им разговоре посвященных, из которого он понял — что в носовом трюме — снаряды, а в кормовом — орудия. Адмирал решил задержать пароход и отправить во Владивосток, чтобы там доподлинно убедиться, каков груз... Пользуясь остановкой, разослали по судам приказ (от 6 мая за № 240) о порядке ночного плавания между группами японских островов и мерах предосторожности против набрасывания на пути эскадры плавучих мин... В 11.30 тронулись дальше...»

«...Вечером сидел и чертил для литографского камня диспозицию всех судов на случай, если будут замечены плавающие мины. Предположено «Рион», «Днепр», «Кубань» и «Терек» отпустить один за другим для крейсерских операций. «Урал» пустить не решаются, ему не верят. Это его командир открыто мечтает о разоружении. Ночью сел на кормовом мостике и ждал результаты погони «Олега» за каким-то пароходом. Разговаривая с окружающими, я умудрился заснуть. В час пошел спать в каюту... Пароход «Олдгамия» пойдет с нашей командой Сунгарским проливом во Владивосток. Его задержание отняло много времени. Вся эскадра стояла без движения до 12 часов дня. Грузили на него провизию для команды, уголь, перевозили команду и т.д. Угля у него совсем мало, с ним не дойти до Владивостока. Стали перегружать уголь с «Ливонии». С 12 часов эскадра дала малый ход. «Ливония» идет рядом, снайтовавшись с арестованным пароходом, и грузит на него уголь. До чего мы любим из всего делать секреты, нередко в ущерб самим себе. Есть телеграммы в нашем штабе, указывающие по именам пароходы, идущие в Японию с контрабандой. Эти телеграммы понадобились сегодня, чтобы посмотреть, нет ли в числе указанных

пароходов имени забранного приза. Телеграммы оказались секретными, их положили в денежный сундук, а последний спрятали на случай боя. Для чего было сообщать все нам, если мы, считая это секретным, не пользуемся своими сведениями. Удивительно! Распубликовать надо было по эскадре имена пароходов-контрабандистов, чтобы про них каждый знал. А у нас это «великий секрет»! Прямо непонятно... Когда возились утром с «Олдгамией», то заметили еще два парохода — один нагруженный, а другой — пустой. Один из них был подведен «Жемчугом» к эскадре. Им оказался «Оскар II», шедший под норвежским флагом в Японию. Он уже два года служит Японии. Его отпустили. Он, уходя к берегам Японии, нахально прорезал весь строй нашей эскадры. Быть может, этот пароход был нарочно послан Японией разведчиком. Теперь сообщит точно, где нас видел. Поди, сделал еще фотографические снимки и сосчитал корабли. Если «Оскар» даже не был послан нарочно, все равно сообщит о нашем местонахождении. Потеряли и теряем много времени... По случаю царского дня были сегодня молебны и салют. Разбирая книги, нашел чистую записную книжку и тетрадь. Записная книжка оказалась весьма кстати. Прежняя была вся исписана. (А жить автору записей оставалось ровно неделю...)

Начинают уже каяться, что отпустили «Оскара», не осмотрев. Погода начинает становиться сомнительной, не было бы тайфуна. Эскадра сильно пострадает... Объявили список пароходов, которые, как известно (конечно, в списке далеко не все), везут в Японию контрабанду. И какой-какой тут нет! Лошади, пушки, снаряды, заряды, пироксилин, взрывчатые составы, одежда, молоко, рельсы, машины, кабели, железа, сталь, мел, броневые плиты, консервы, ружья, гранаты, шрапнель, паровые катера, железнодорожные материалы. Один пароход специально приспособлен для подъема наших судов, затонувших у Порт-Артура...»

«Гонконг, 6(19) мая. («Сентрал Ньюз»). Английский пароход «Лэтрес», ушедший из Сайгона 30 апреля, передает, что более 40 транспортов были заняты в этом порту погрузкой и разгрузкой. Полагают, что Рождественский оставил за собою эти транспорты, чтобы

самому поспешить во Владивосток, и что транспорты последуют за Балтийской эскадрой в случае победы последней над Того».

«Токио, 6(19) мая. («Сентрал Ньюз»). Американский пароход, прибывший из Гонконга в Манилу, передает, что видел русскую эскадру 3 мая, направляющуюся на север».

«Вспомогательный крейсер «Синано-Мару». Капитану 2-го ранга Нарикава. Вам определен район патрулирования по линии к западу от Сирасе на предполагаемых путях подхода противника. Пограничные сектора патрулируются «Америка-Мару» и «Садо-Мару». Обеспечение и поддержка: «Акицусима» и «Идзуми...»

7 мая. В 04.25 эскадра изменила курс на норд-ост-50. Справа и слева от курса эскадры открылись острова Батан и Балитан. В полдень эскадра находилась в точке: 20,41 СШ и 122,23 ВД. Суточное плавание 125 миль. Средний ход 5,5 узла.

«5 часов утра. Что значит сила привычки, любовь к стихии, с которой сроднился, на службе которой прошли лучшие годы жизни! Вчера с вечера стало задуть от оста. К полночи «Ливония» и «Олдгамия» были вынуждены расцепиться. За ночь разошлась волна. Иллюминаторы задраены. Покачивает. Но какой рассвет! Вылез наверх подышать свежим воздухом — и жаль уходить! Настоящее море! Бежит волнишка, дует соленый, славный, бодрящий ветер. Дышится полной грудью... Как раз проходим Батан и Сабаи. Слава Богу! Кажется, осталось позади проклятое болото штилевого пояса...Привет тебе, безбрежный океан!»

«...Вот эскадра и в Тихом океане. Прошли мимо островов группы Батан. Говорят, что там есть огнедышащие горы. С броненосца я их не видел. Ночь сегодня проспал в верхней кормовой рубке. Лечь в каюте на койку было нельзя — волнами, хлеставшими в открытый иллюминатор, ее сильно вымочило... До Владивостока осталось около 2 800 миль. Что-то они нам дадут? Вчера начал приготавливаться к бою. Приготовления были очень просты — открыл чемодан и без всякого толка сунул туда кое-что. Спрятал туда образа, письма, фотографии жены...»

«Париж, 7(20) мая. В морских кругах полагают, что если бы Рождественский направился к югу, то о появлении его было бы сообщено с Манилы. В противном случае он, вероятно, продолжит путь к северу и в настоящее время должен находиться поблизости от Формозы и близ эскадры Того».

«Легкий крейсер «Изумруд». Капитану 1-го ранга Исида. Указанный район вашего патрулирования по линии западнее Сирасе является наиболее вероятным, но не единственным путем, которым флот противника может достичь Владивостока... На вас возлагается руководство поиском в южном секторе с данными вам крейсером «Акицусима» и тремя вспомогательными крейсерами...»

8 мая. Всю ночь эскадра продолжала идти курсом норд-ост-50. В 06.30 по сигналу с «Суворова» эскадра застопорила машины, чтобы снять людей, работавших на пароходе «Олдгамия» и на транспорте «Ливония». Эскадра шла вдоль берегов Формозы. В полдень она находилась в точке: 22,29 СШ и 125,5 ВД. Суточное плавание — 155 миль. Средний ход — 6,5 узла. Корабли выходили из тропиков, становилось заметно прохладнее...

«... Вчера день без приключений, ночь — тоже. Сегодня утром сняли с «Олдгамии» лишнюю команду. Докопаться до дна трюмов не удалось. Ничего — разберут во Владивостоке. Пойдет самостоятельно Лаперузовым проливом. Командиром приза назначен Трегубов -прапорщик запаса с «Суворова». Помощники — по его выбору. Команда с судов эскадры. Капитана, механика и их помощников пришлось убрать. Вели себя вызывающе. Были попытки испортить машину, даже затопить пароход. Куда убрать? На боевые суда? Адмирал неожиданно проявил сентиментальность: «За что под расстрел людей нейтральных, хотя бы и занимающихся военной контрабандой?» Отправили их на единственную поблизости нейтральную территорию — на госпитальный «Орел», под покровительство флага Красного Креста. Оттуда с удивлением спросили: «Прибыло 5 здоровых англичан. Что с ними делать?» Адмирал приказал ответить что-то в роде «по-

заботьтесь о их добром здоровье до ближайшего порта»... В 2 часа дня сначала «Жемчуг», потом «Ослябя» и , наконец, «Светлана» увидели воздушный шар. «Светлана» указала даже румб и высоту. Послали по этому направлению «Олег» и «Жемчуг», но без результата. От нас (с «Суворова») тоже видели, даже многие. Лейтенант Новосильцев утверждал, что это не шар, а оборвавшийся военный разведочный змей. Летел высоко и шел на юг. Если там были аэроавты — не завидую... К вечеру небо заволочло. Гроза. Дождь...»

«Завтра опять погрузка угля в море. Скоро ли кончится эта угольная вакханалия? Вероятно, до Владивостока это последняя. Вчера ночью, когда я засыпал, крыса начала грызть мне палец на ноге. Удовольствие! И надоела мне эта жизнь со всею ее грязью и мерзостью. Идем вдоль Формозы... О японцах ни слуху, ни духу».

«Гонконг, 8 (21) мая. («Дейли Мейл»). Пароход «Метью» сообщает, что он видел выкрашенный в белую краску вспомогательный японский крейсер, который в качестве разведчика медленно шел на север близ острова Момоа у Фучина».

«Токио, 8 (21) мая. («Дейли Экспресс»). Здесь полагают, что русская эскадра направится к какому-нибудь острову в Тихом океане, оттуда пойдет на север к Камчатке и затем пройдет через Татарский пролив во Владивосток».

«Токио, 8 (21) мая. («Сентрал Ньюз»). Русские зафрахтовали значительное количество выкрашенных в белую краску пароходов под британским флагом с целью выяснить движение японского флота. Пароходы эти направились к японским портам, но за ними последовали миноносцы, и они вернулись».

«Броненосец «Микаса». Командующему Объединенным Флотом адмиралу Того. По агентурным данным, 2-я неприятельская эскадра примерно 11-12 мая может сделать попытку прорыва через Сангарский пролив. Примите к сведению. Помощник начальника Морского Генерального Штаба адмирал Иджуи».

«Вспомогательный крейсер «Гонконг-Мару». Капитану 1-го ранга Игнациусу в связи с вероятностью прорыва противника через Сангарский пролив вам над-

лежит распределить суда вверенного вам отряда таким образом: стоит совершенно перекрыть противнику пути к проливу с Тихого океана. Считайтесь с возможностью выхода навстречу эскадре противника Владивостокского отряда».

9 мая. В 05.20 сигналом с «Суворова» из-за сильно засвежившей погоды была отменена погрузка угля. В 05.30 эскадра легла на курс норд-ост-23, повернув в пролив между островами Миако и Лиу-Куи, обойдя Формозу и войдя в Восточно-Китайское море. Около 06.00 налетел сильный шквал с дождем. В полдень эскадра находилась в точке: 25,9 СШ и 126,13 ВД. Суточное плавание 192 мили. Средний ход 8 узлов. К вечеру ветер начал стихать, но становилось заметно холоднее. В 22.00 с броненосца «Князь Суворов» по линии передали, что впереди по курсу виден луч прожектора, хотя ни на одном из других кораблей этого не заметили. Ночь была очень темная и пасмурная...

«...Ночь ненастная, но прохладная. Заметно, что вышли из тропиков... Облачно, мглисто, волна, ветер норд-норд-ост. Предполагали сегодня грузиться углем. Не удалось из-за погоды... Еще вчера «Кубань», а сегодня и «Терек» отделились от эскадры для крейсерства у восточных берегов Японии. Дай им Бог нашуметь побольше. Ветер отходит влево на норд-вест. Маневрировали, обучая 3-й отряд. Полная неподготовленность. Из всех строев удастся только один — «строй безобразной кучи»... Грустное зрелище... К полудню погода несколько исправилась. Может быть — все к лучшему. Погрузка не удалась, но из-за ненастной погоды мы не видим островов, между которыми проходим, а значит, и нас оттуда давно не видят. Наше место — загадка. Бог даст, погрузимся завтра, когда будем уже вне видимости с островов и как раз в мертвом пространстве, не пересекаемом никакими торговыми путями...» «...Спал сегодня в верхней кормовой рубке. Погода резко изменилась — стала пасмурной и не такой жаркой. Некоторые уже успели простудиться. Здоровье Фелькерзама скверно. Пожалуй, не довезут живым до Владивостока... Расстались с Тихим океаном и вышли в Северо-Китайское море. Идем по направ-

лению к Шанхаю, куда отправятся наши транспорты...Формозу прошли, прошли мимо части мелких японских островов. Близко-близко Владивосток: осталось пересечь Северо-Китайское море и Корейским проливом войти в Японское море, на берегу которого и стоит давным-давно Владивосток... Что же японцы? Где они? Наверное, готовят нам парадную встречу. Вероятно, в Корейском проливе или около него будут свирепые минные атаки. Луна выходит поздно — это облегчает ночные нападения. Будет ли эскадренный бой? Пожалуй, Японии выгодно дать нам его до прихода во Владивосток... У Владивостока, вероятно, понаставили японцы мин. Да, дней через семь весь мир заговорит о нашей эскадре...»

«Гонконг, 9 (22) мая. (Сообщ. через Париж.) Близ островов Св.Иоанна в 69 милях к западу от Гонконга стоят на якоре китайские джонки в ожидании прохода Балтийской эскадры.. С прибывшего в Гонконг парохода «Арабия» передают, что в направлении Педро-Бланко был слышен артиллерийский бой и что Балтийская эскадра прошла пролив Баши к югу от Формозы».

«Париж, 9 (22) мая. Прибывший в Гонконг пароход «Чангша» встретил 6 мая четыре русских транспорта, шедших от пролива Баши на юг. Суда эти были снабжены аппаратами беспроволочного телеграфа. Парижский корреспондент «Таймс» говорил, что, по сведениям из русского источника, пунктом для встречи угольных судов с эскадрой адмирала Рожественского назначен остров Бабукан-Кларо, расположенный к северу от острова Лусон в группе островов, лежащих в Боллингстонском проливе».

«Так как мы должны быть готовы, независимо от того, придет или не придет неприятель, то я не имею надобности обращаться к Вам с особым наставлением, но все-таки надеюсь, что Вы исполните свой долг перед Престолом и Отечеством в этом последнем бою...»

10 мая. К утру совершенно заштилело. Пройдя группу островов Лиу-Киу, эскадра в 05.00 по сигналу с «Суворова» застопорила машины и начала грузить уголь с транспортов. По кораблям были разосланы пос-

ледные приказы адмирала Рожественского (№№ 234 и 244 от 10 мая 1905 года): «Быть сжечасно готовыми к бою. В бою линейным кораблям обходить своих поврежденных и отстающих передних молотов. Если поврежден и не способен управляться броненосец «Князь Суворов», то флот должен следовать за броненосцем «Император Александр III», а если поврежден и он, то за «Бородино» и «Орел»; должны руководствоваться сигналами броненосца «Князь Суворов», пока флаг Командующего не перенесен или пока в командование не вступит младший флагман. Миноносцы 1 Отделения обязаны неусыпно следить за флагманскими броненосцами: если флагманский броненосец получил крен или вышел из строя и перестал управляться, то миноносцы спешат подойти, чтобы принять командующего и Штаб. Миноносцам «Бедовый» и «Быстрый» быть в постоянной готовности приблизиться с этой целью к «Князю Суворову», миноносцам «Буйный» и «Бравый» — к другим флагманским броненосцам... Флаги Командующих будут при этом переноситься на соответствующие миноносцы, пока не представится возможным перенести их на линейный корабль или крейсер...»

В 15.30 закончили погрузку угля и эскадра начала поднимать шлюпки и выстраиваться в походный порядок. Транспорт «Камчатка» донес, что имеет повреждение в машине, которое будет исправлено через 1,5 часа. В шестом часу вечера эскадра двинулась дальше, но не на восток, как многие полагали, а на северо-запад. По тому, как часто поднимались сигналы на флагманском корабле, можно представить то первое состояние, в котором находился в это время вице-адмирал Рожественский: в течение 1,5 часов, с 15.30 до 17.00, на броненосце «Князь Суворов» было поднято 50 сигналов...

В полдень эскадра находилась в точке: 27,15 СШ и 125,21 ВД. Суточное плавание 128 миль. Средний ход 6,5 узла.

«... Ночь прошла спокойно. В 5 часов 30 минут утра застопорили машины и начали погрузку угля. Штиль, но пасмурно. Как будто к ненастью. Сигналами, телеграфом, указано, что погрузка последняя. Приложить

все усилия, допринять столько, чтобы к утру 13 мая оставался в угольных ямах полный, нормальный запас... Плохие вести о Фелькерзаме: бред, температура 35 градусов, пульс 160. Спросил старшего доктора, что это значит в переводе на общепонятный язык. Свирепо буркнул: «Агония...» Махнул рукой и ушел прочь. Командиру «Осляби» дано секретное предписание — по смерти Фелькерзама не спускать его флага. Нервы так натянуты. Смерть адмирала накануне боя... Пользуясь временем погрузки, разослали по судам последний приказ. Начинается словами: «Быть ежечасно готовыми к бою...»

«...Здоровье Фелькерзама совсем плохо. Грузим уголь. Погода пасмурная, но тихо. Прохладно. Многие уже надели тужурки... Придется самому отправлять эти листки. Желаящих послать письма домой не нашлось — «отправим, говорят, из Владивостока. Оттуда скорее дойдут». Во-первых, придется ли посылать из Владивостока, и, во-вторых, еще неизвестно, откуда скорее дойдут. До Владивостока осталось около 1 200 миль. При благоприятных условиях пройдем этот путь в шесть или семь дней...»

«Париж, 10 (23) мая. Лондонский специальный корреспондент «Мэтин» узнал, что Того решил избежать настоящего боя и ограничится тем, что будет тревожить русскую эскадру и топить угольные суда. Того находит, что крейсера приносят мало пользы».

«Токио, 10 (23) мая. (Сообщ. через Лондон.) Имеются указания, что русская эскадра вышла уже в открытые воды Тихого океана, но подтверждения этому еще не имеется».

«Гонконг, 10 (23) мая. Пароход «Монмутшир» видел близ бухты Ханкоэ вспомогательный крейсер без огней».

«Шанхай, 10 (23) мая. По сведениям из надежного источника, эскадра Того стоит еще у Мозампо». «Капитану 1-го ранга Исида. Легкий крейсер «Идзуми». Наиболее вероятен проход эскадры противника через зону вашего патрулирования. Усильте бдительность, особенно в плохую погоду. Като...»

11 мая. Ночью скончался младший флагман эскадры контр-адмирал Фелькерзам. Эскадра шла без

топовых огней, ослабив отличительные и гакабортные огни. Ночные сигналы производились слабыми клотиковыми лампочками. Искровым телеграфом было пользоваться запрещено. Однако шедшие в нескольких кабельтовых от эскадры госпитальные суда «Орел» и «Кострома» несли все отличительные огни и ярко подсвеченные знаки Красного Креста. Ночь была холодной, пасмурной, временами налетал шквал с дождем. В полдень эскадра находилась в точке: 38 СШ и 124,17 ВД. Суточное плавание 156 миль. Средний ход 7 узлов. В 17.15 эскадра застопорила машины. Транспорты отдали буксиры миноносцам, которые по сигналу с «Суворова» подошли к кораблям, в распоряжение которых были назначены: «Бедовый» и «Быстрый» — к броненосцу «Князь Суворов», а «Бравый» — к броненосцу «Император Николай I». В 17.25 эскадра дала ход, продолжая идти курсом норд-ост-23 со скоростью 5 узлов. В течение ночи на горизонте было замечено несколько больших парусных джонок.

«...Погода явно портится. Тем лучше. Ни поломок, ни задержек. Ни одного встречного. Это отлично. Настроение — ничего. Подтянулись, выглядят бодро...»

«Шанхай, 11 (24) мая («Морнинг Пост»). Из достоверного источника сообщают, что эскадра адмирала Того все еще находится в виду Мозампо». «Командирам всех патрульных судов в квадратах 99-106. С сегодняшнего дня устанавливается предупредительный период по инструкции № 27...»

12 мая. В 05.00 эскадра изменила курс на норд-вест-80. В 08.00 броненосец «Князь Суворов» показал свое место: 31,00 СШ и 123,11 ВД. Сигналом с «Суворова» транспорты были отпущены в Шанхай. В 09.00 эскадра повернула на курс норд-ост-73, направляясь в Корейский пролив. На всех кораблях шли приготовления к бою. В 21.00 корабли изменили курс на Норд-Ост-64...

«Свежий вестер уныло гудит в стальных снастях рангоута и сердито гонит низкие рваные тучи. Мутные волны Желтого моря глухо плещутся о борта броненосца. Мелкий холодный дождь слепит глаза. Сырость пронизывает до костей...Группа офицеров все еще сто-

ит на заднем мостике, провожая глазами медленно скрывающиеся за сеткой дождя силуэты транспортов. На мачтах, на ноках рей развеваются сигналы — это наши спутники в дальнем и тяжелом плавании шлют нам свое последнее прощание, свои последние пожелания... Снова заперестрели сигналы эскадры, отпустив транспорты в Шанхай, перестроилась в новый и последний походный порядок. Горизонт сужен дождем до 2-3 миль. Все данные полагают, что от южной оконечности Формозы и до сего места нас никто не видел. Недурно. Дай Бог и впредь также. Свенторжецкий бродит по мостику мрачнее тучи. Взял его под руку. — Ну, вот, видите: дошли-таки... — Что «и»? — И...дальше, пока что идем. — Идем, идем... как это вы говорили? Забыл... Ах, да! К РАСПЛАТЕ...

День прошел спокойно. К вечеру на «Синявине» случилось повреждение в машине. Всю ночь шли малым ходом. В кают-компании «Суворова» офицеры сердились и бранили «самотопы». Впрочем, раздражение было, хотя и естественное, но не совсем справедливое: мы сами были немногим лучше. Наше долгое плавание — это был длинный скорбный лист наших котлов и механизмов и мартиролог наших механиков, которым приходилось и рожь в обухе молотить, и тришкин кафтан перешивать наново... За ночь, по первому холодку после полугода тропиков, отлично выспались, хотя, конечно, «повахтенно»...

«Нью-Йорк, 12 (25) мая. («Ассошейтед Пресс»). Сегодня утром распространился слух, что между японским и русским флотами произошел бой у берегов Формозы, причем японцы потерпели поражение. Официального подтверждения не имеется». «Манила. 12 (25) мая. По циркулирующим здесь еще непроверенным слухам, русская и японская эскадра встретились к югу от Формозы. Японцы потерпели поражение» («Рейтер»).

«Шанхай. 12 (25) мая. («Рейтер»).

По сведениям из достоверных источников, 5 судов Добровольного флота, 3 угольщика и один русский крейсер прибыли сегодня после полудня к устью реки Янцзы. Крейсер затем удалился. 3 судна Добровольного флота прибыли сегодня в Вузун».

«Лондон, 12 (25) мая. («Сентрал Ньюз»). Никаких достоверных сведений относительно морского боя в Лондоне не получено. Из Токио известий нет».

«Лондон, 12 (25) мая. (Телеграмма, помещенная в вечерних газетах, подтверждает сообщение из Токио от 10 мая о том, что 50 судов Балтийской эскадры были замечены 7 числа в Тихом океане, к востоку от о. Батан (к югу от Формозы), причем они направлялись на северо-восток. Слухи о морском сражении, исходящие из Манилы, еще не подтвердились».

«Манила, 12 (25) мая. По официальной телеграмме из Вигана, свыше 50 военных судов были замечены 7 мая около восточного побережья Батанских островов. Суда направлялись к северо-востоку. Полагают, что это русская эскадра».

«Нагасаки, 12 (25) мая. Капитан парохода «Оскар II» сообщает, что 6 мая в 9 часов утра он был остановлен в Батанском проливе (он же пролив Баши) русскими военными судами. Он видел 14 судов, обращенных в крейсера, и 6 контрминоносцев».

«Токио, 12 (25) мая. Полагают, что в настоящее время часть русской эскадры находится близ Гайяна, главные же силы вышли в Тихий океан».

«Токио, 12 (25) мая. Японские власти осмотрели английский пароход «Чифу», шедший из Моджи в Шанхай с грузом угля. Английскому пароходу «Лангтайл» с 4700 тоннами угля запрещен выход из порта Можи в Гонконг. В Цусимском проливе и Японском море густой туман». «Легкий крейсер «Идзуми». Капитану 1-го ранга Исида. В квадрате 102 ничего подозрительного не обнаружено. В связи перерасходом угля смогу продержаться на позиции до рассвета 14-го.» Синано-Мару». Нарикава».

«Всем береговым постам западного побережья. Находиться в постоянном контакте по цепи связи. Усилить наблюдение. Като».

13 мая. Эскадра шла в полной боевой готовности. На «Суворове» убрали все лишнее дерево, шлюпки наполнили водой и обвили сетями минного заграждения, рубки обвили перлиниями, в палубах устроили траверсы из мешков с углем и песком. Комендоры

круглосуточно у орудий. В 17.30 на «Суворове» подняли сигнал: «Приготовиться к бою». В полдень «Суворов» показал свое место: 32,40 СШ и 126,33 ВД. Суточное плавание 187 миль. Средний ход 8 узлов.

«... 13 мая тучи поредели, выглянуло солнышко, но по морю еще стлалась густая мгла, хотя дул довольно свежий зюйд-вест. Предполагая использовать все светлое время суток на проход вблизи японских берегов, где вероятнее всего было ожидать минных атак, адмирал назначил быть эскадре в средней точке ее пути Цусимским проливом в полдень 14 мая. При таком расчете у нас оставалось в запасе около 4 часов, которые и были употреблены на последнее обучение маневрированию... Перестроение в боевой порядок (по своей простоте) еще выходило довольно сносно, но дальше... Особенно портил дело 3-й отряд. Среди маневрирования день 13 мая прошел незаметно. Не знаю, как на других судах, но на «Суворове» настроение было бодрое и хорошее. Чувствовалась некоторая озабоченность, но без суеты. Офицеры чаще обыкновенного заглядывали в команду, обходили свои части, разъясняли, толковали, даже спорили со своими ближайшими помощниками. Некоторые, вдруг задумавшись, сдавали на хранение в денежный сундук дорогие по воспоминаниям вещи, только что написанные письма.

— Совсем точно в отъезд собираются, — остановил меня старший артиллерист лейтенант Владимирский, показывая матроса, сосредоточенно копавшегося в чемоданчике. — А вы уже собрались? — Я? — удивился он и вдруг рассмеялся. — Представьте, уже собрался! — То-то, то-то! — вмешался в наш разговор старший минер лейтенант Богданов, ветеран прошлой войны, раненный при взятии Таку, — ведь завтра, а не то и сегодня ночью — пожалуйста в контору — к расчету стройся. Подошли еще офицеры. В несчетный раз поднялся спор: весь ли японский флот встретим у Цусимы или часть его? Оптимисты утверждали, что Того дастся в обман и пойдет караулить нас на север, так как «Терек» и «Кубань» еще 9-го ушли к восточным берегам Японии и уж наверное там нашумели. Противная партия возражала, что Того не хуже нас понимает обстановку и знает, что для похода кругом Японии в

один прием угля не хватит. Надо грузиться. Где? Это не тропики. Здесь на погоду нельзя рассчитывать, а значит, нельзя рассчитывать и на погрузку в открытом море. Укрыться в какой-нибудь бухте? Везде телеграф и, конечно, повсюду наблюдательные посты. Того будет своевременно уведомен и спешить на север ему незачем. Если бы даже нам удалось погрузиться в море и незаметно подойти к одному из проливов, то тут уж никак не спрячешься, а благодаря их узости — получи: и минное заграждение, и плавающие мины, и атаки миноносцев, возможные даже среди белого дня. В туман или ненастье в эти проливы не сунешься, особенно эскадрой, да еще с транспортами. Да, наконец, если бы Бог и пронес нас через все это, что дальше? Та же встреча с японским флотом, который от Цусимы всегда успеет выйти на пересечку нашей эскадре, притом уже претерпевшей от миноносцев и мин всякого рода в проливе... Пройти во Владивосток с победой, овладеть морем нельзя и думать! Можно только проскочить. А проскочивши — за 2-3, много 4, выхода, сожжем все запасы угля и отцветем, не успевши расцвести. Будем готовиться к осаде, свозить пушки на берег, обучать команду штыковому бою...»

«По-видимому, до сих пор судьба нам благоприятствовала: нас еще не обнаружили. На эскадре всякое телеграфирование было прекращено, зато мы тщательно принимали телеграммы японцев, а минеры прилагали все усилия, чтобы определить и направление, откуда они идут. В ночь на 14 мая, а затем днем того же числа начался разговор двух станций, вернее, донесения одной, ближайшей, находящейся впереди нас, которой отвечала другая, более отдаленная и левее. Несмотря на непривычку наших телеграфистов к чужой азбуке и на пропуски, оказавшиеся в самой азбуке, у нас имевшейся, можно было разобрать отдельные слова и даже фразы (телеграммы были нешифрованные): «Вчера ночью... ничего... одиннадцать огней, но в беспорядке ...яркий огонь... тоже звезда» и т.п. Вероятнее всего это была сильная береговая станция на островах Гото, которая куда-то далеко доносила о том, что видит в проливе. К вечеру пос-

лышался разговор еще и других станций. К ночи их набралось до семи. Телеграммы были уже шифрованные, но по их краткости, однообразию и по тому, как они начинались и прекращались в определенные периоды, можно было с большой вероятностью сказать, что это не донесения, а переключка разведчиков. Несомненно, что мы еще не были открыты...»

«Шанхай, 13 (26) мая. По сведениям Ллойда, русские суда «Владимир», «Воронеж», «Ярославль», «Ливония», «Метеор» и «Курония» стоят на якоре в виду Шанхая. Сообщают, что несколько русских военных судов показались в виду Седельных островов».

«Циндао, 13 (26) мая. Вследствие того, что адмирал Рожественский продвигается на север, и часть Балтийской эскадры показалась в виду Вузуна, германская эскадра в Циндао готовится ко всяким случайностям».

«Шанхай, 13 (26) мая. По-видимому, адмирал Рожественский разделил свою эскадру: 14 русских судов прошлой ночью стояли на якоре близ Седельных островов. Полагают, что они там грузились углем и затем направятся на север».

«Общая дислокация. 1-я и 2-я эскадры (адмирал Того и Камимура) на рейде Мозампо. Главная часть 3-й эскадры (вице-адмирал Катаока) — в заливе Озакки (о.Цусима). 3-й боевой отряд (вице-адмирал Дева): «Кассаги», «Читозе», «Отава» и «Ниитака» у северо-западной оконечности Сирозе (о-ва Гото). Вспомогательные крейсера: «Америка-Мару», «Сало-Мару», и «Маджу-Мару» — на линии к западу от Сирозе, между островами Гото и Кельпарт. Восточнее крейсера «Идзуми» и «Акицусима» 7-й боевой отряд контр-адмирала Ямада у мыса Казаоки. Контр-адмирал Того в поддержке отряда Ямада. Строго секретно. Като — вице-адмирал, начальник штаба Объединенного флота».

14 мая. «С заходом солнца эскадра сомкнулась как можно теснее. В ожидании миной атаки половинное число офицеров и команды дежурили у орудий, прочие спали, не раздеваясь, близ своих мест, готовые вскочить по первому звуку тревоги. Ночь наступила темная. Мгла, казалось, стала еще гуще, и сквозь нее едва мерцали редкие звезды.

На темных палубах царила напряженная тишина, изредка прерываемая вздохами спящих, шагами офицера или вполголоса отданными приказами. У пушек словно замерли неподвижные фигуры комендоров. Все бодрствовавшие зорко вглядывались во мрак — мелькнет ли где темный силуэт миноносца, чутко вслушивались — не выдаст ли незримого врага стук машины, шум пара... Осторожно ступая, чтобы не разбудить спящих, я обошел палубы, мостики и спустился в машину. Яркий свет на мгновение ослепил меня. Здесь царил жизнь и движение. Люди, бойко стуча ногами, бегали по трапам, раздавались звонки, окрики, приказания передавались полным голосом ... но, взглядевшись пристальнее, и здесь я заметил ту же напряженность и озабоченность, то же особое настроение, которое господствовало наверху. И вдруг мне показалось, что все — и высокая, слегка сгорбленная фигура адмирала на крыле мостика, и нахмуренное лицо рулевого, склонившегося над компасом, и застывшая на своих местах орудийная прислуга, и эти громко разговаривающие и бегающие люди, и гигантские шатуны, тускло поблескивающие своей сталью, и мощное дыхание пара в цилиндрах — все это одно... Старая морская легенда о корабельной душе вдруг всплыла в моей памяти, о душе, которая живет в каждой заклепке, которой держится каждый гвоздь, каждый винтик и которая в роковые минуты властно охватывает весь корабль с его экипажем, превращая его в единое, неделимое, сверхъестественное существо... Казалось, на мгновение я постиг это существо, которому имя «Суворов», в котором любому из нас цена — не более любой заклепки... Кают-компания, обыкновенно в этот час шумная и людная, пустовала. Два-три офицера от «подачи» и ближайших плутонов крепко спали на диванах в ожидании тревоги или своей очереди вступить на вахту... Опять кругом — жуткая тишина... Оставшись в кают-компании, я перебрался в кресло, устроился поудобнее и задремал. Смутно слышал, как в полночь сменялась вахта. Некоторые из сменившихся офицеров пришли выпить чаю и вполголоса бранили чертову сырость. Кто-то растянулся на диване, крикнув от удовольствия, и громко сказал: «Всхрапнем до

четырех! И на нашей улице праздник!» Я тоже заснул. Проснулся в третьем часу ночи. Опять обошел палубы и вышел наверх. Все та же картина, что и вечера, но посветлело. Луна в последней четверти стояла уже довольно высоко, и на фоне мглы, тускло посеребренной ее лучами, четко рисовались трубы, мачты, снасти. Засвеживший ветер пронизывал холодом и заставлял глубже прятать голову в воротник тужурки ... Вышел на передний мостик. Адмирал спал в кресле. Командир, в мягких туфлях, неслышными шагами быстро ходил поперек мостика, с одного крыла на другое.

— Заснул? — кивнул я головой на адмирала. — Только что. Я уговорил. Чего, в самом деле? Можно считать, ночь прошла благополучно. До сих пор не обнаружили — все перекликаются. А теперь, хоть обнаружь — поздно. До рассвета всего два часа. Миноносцев, если даже и под рукой, не успеют собрать ... Да и где найти в такую погоду? Смотрите — хвоста эскадры не видно! Разве кто случайно уткнется носом — все равно, что двести тысяч выиграть!.. Вот только ветер мне не нравится. Как бы не разогнал тумана... Ну, тогда завтра же и крышка. Кому что, а «Суворову» капут... А вдруг еще гуще станет? — внезапно оживился он, — ведь уж сутки кругом бродят, а не видят. Вдруг и завтра тоже. Прозевают начисто! Ходят, бродят, перекликаются, а нас уж и нет! Ищи до второго нашего пришествия, т.е. уже из Владивостока! Там другой разговор будет! Но как страятся! Сами себя от злости сгрызут! Потехато! — и командир, чтобы не разбудить адмирала, зажимая платком рот, расхохотался так весело и беспечно, что мне даже завидно стало... Хорошо зная капитана 1-го ранга В.В. Игнациуса, я искренне верю, что он от души смеялся, представляя себе злобу и разочарование японцев, если бы они нас действительно прозевали...»

Часы в ходовой рубке японского вспомогательного крейсера «Синано-Мару» показывали 02.25. Два часа до рассвета. Командир крейсера капитан 2-го ранга Нарикава стоял на крыле мостика, не отрывая бинокля от глаз, вглядываясь в крошечную мглу. По последнему определению своего места, «Синано-Мару» находился в точке 33 градуса 10 минут СШ и 128 гра-

дусов 10 минут ВД в 40 милях от острова Сирозе, в наружной линии дозорной цепи. По графику дозорной службы Нарикава должен был находиться на позиции до 18.00 14 мая, однако перерасход угля вынуждал его через несколько часов вернуться на базу. Неожиданно по левому борту Нарикава увидел огни парохода, идущего на северо-восток. Сблизившись с неизвестным судном, Нарикава обнаружил, что на грот-мачте парохода горят белый, красный и белый огни. Светившая в глаза луна мешала наблюдению, и Нарикава, приказав увеличить скорость, обошел пароход с кормы и вышел у него по левому борту. Было 04.02 14 мая 1905 года. Теперь пароход был ясно виден — две трубы, три мачты, длинный изящный корпус со стремительными обводами форштевня. По типу пароход очень напоминал имевшийся в составе русской эскадры вспомогательный крейсер «Днепр». Но почему же он несет такие яркие огни? И тут только Нарикава увидел подсвеченные знаки Красного Креста. Госпитальное судно «Орел» из состава эскадры Рождественского. У командира «Синано-Мару» перехватило дыхание: они пришли! Кончились долгие недели томительного ожидания. Нарикава впился глазами в бинокль, осматривая горизонт. Ничего. Мгла и тусклая луна, временами появляющаяся над рваными, лохматыми тучами. Ключья тумана... Капитан 2-го ранга Нарикава решил осмотреть плавгоспиталь, надеясь из опроса его экипажа выяснить местонахождение главных сил противника. Он уже направил «Синано-Мару» к «Орлу», как вдруг примерно в миле слева по носу обнаружил силуэты и дымы. Корабли, много кораблей шли прямо на него. Казалось, что все море занято ими. Нарикава понял, что находится прямо в центре эскадры противника. Быстро, положив руль на борт, Нарикава стал увеличивать дистанцию между собой и кораблями противника, передав первое сообщение об обнаружении эскадры Рождественского. Было 04.28. «В квадрате 203 обнаружил эскадру противника, идущую, видимо, в Восточный канал». Скрываясь в темной части горизонта, «Синано-Мару» продолжал наблюдать за русскими кораблями, пока их в 05.03 не скрыла мгла. Идя прежним курсом, Нарикава в 05.48 обнаружил

корабли противника и продолжал поддерживать с ними контакт, уклоняясь от русских миноносцев и снова выходя на курс, непрерывно передавая данные о курсе и скорости эскадры. (Интересно, что «Синано-Мару» заметили в 05.00 только с броненосца «Орел»: когда японский разведчик на несколько минут показался из мглы, то приняли его за обычный торговый пароход, не придали этому значения...)

Капитан 1-го ранга Исида, командовавший отрядом сторожевых кораблей ледового дозора, в момент получения первой телеграммы Нарикавы находился на своем крейсере «Идзуми» в 40 милях к западу от о.Оку-Сима. Ретранслировав сообщение «Синано-Мару» главным силам, Исида полным ходом пошел на перехват противника и в 06.33 сигнальщики «Идзуми», несмотря на держащуюся над морем мглу и дымку, обнаружили на горизонте несколько дымков, а затем совсем близко от себя госпитальное судно «Орел». В 06.38 Исида сообщил адмиралу Того точное место русских: 33 градуса 30 минут СШ и 138 градусов 50 минут ВД...

«...То, что мы обнаружены, сейчас же открылось по изменению характера телеграмм: это была уже не перекличка разведчиков, а донесение, передававшееся дальше и дальше на север. Около 6 часов утра «Урал», догнав нас полным ходом, семафором донес, что сзади эскадры ее курс пересекли справа налево четыре корабля, опознать которые в тумане не было возможности. В 6 часов 45 минут утра справа, позади траверза, смутно обозначился силуэт какого-то судна. Оно шло сближающимся курсом и вскоре в нем опознали «Идзуми»...»

А между тем сигнал тревоги уже ревел на всех радиоволнах Объединенного флота. Командующий 3-й эскадрой вице-адмирал Катаока получил сообщение с «Синано-Мару» на борту своего флагманского крейсера «Сума» в заливе Озаки. Ретранслировав сообщение главным силам в Мозамбо, Катаока немедленно приказал своим кораблям выходить в море. В 05.27 из залива вышел 5-й боевой отряд, сопровождаемый 10-м и 15-м отрядами миноносцев. Находящийся северо-западнее Сирассе вице-адмирал Дева получил сообщение «Синано-Мару» на борту своего флагманского

крейсера «Кассаги». Адмирал немедленно развернул отряд на юго-восток и, набирая ход и продолжая спускаться на юг, в 05.50 обнаружил госпитальное судно «Орел». В 06.43 Дева получил сообщение с «Идзуми», уточняющее место расположения противника. Развернув отряд на северо-восток, адмирал с мостика «Кассаги» напряженно вглядывался в горизонт. Японские крейсера шли полным ходом, нагоняя проскочившие на север русские корабли...

Около 05.00 сообщение «Синано-Мару» приняли на флагманском броненосце Объединенного флота «Микаса», стоявшем на якоре на рейде Чинкай-Ван. На всех кораблях 1, 2 и 4-го боевых отрядов завывли сирены и загревели колокола громкого боя. Заработали шпиглы, поднимая с илистого дна бухты якоря. Шланки смывали со звеньев якорных цепей грязь и ил. На мачте «Микаса» запестрели сигналы: «Контакт с противником. Приготовиться к бою». Одновременно с этим радиостанция флагманского броненосца передала в Главную Квартиру в Токио: «Согласно сообщению об обнаружении противника Объединенный флот выходит в море, чтобы его разгромить. Сегодня стоит ясная погода, но в море большая волна. Того».

В 06.17 «Микаса», неся флаг командующего Объединенным флотом адмирала Того Хайхачиро, вышел из пролива Путо, встал во главе 1-го и 2-го боевых отрядов и повел их на перехват противника, получая от разведчиков сообщения о курсе, строе и скорости русских кораблей и отдавая распоряжения по боевым отрядам Объединенного флота...

«...Около 8 часов утра, несмотря на мглу, определили расстояние до «Идзуми» — 50 кабельтовых. У нас пробили тревогу, и кормовая башня уже грозно подняла свои 12-дюймовые орудия, но «Идзуми», словно угадав опасность, начал быстро удаляться...»

«...В начале десятого часа впереди левого траверза показались из тумана шедшие почти параллельным курсом «Чин-Иен», «Мацусима», «Ицукусима» и «Хашидате». Впереди их держался маленький легкий крейсер, по-видимому «Акицусу», который тотчас, как мы их (а значит, и они нас) хорошо увидели, поспешно убежал на север, а весь отряд стал медленно увеличивать расстояние и постепенно скрылся из виду...»

На мостике легкого крейсера «Кассаги» вице-адмирал Дева с трудом подавил вздох облегчения. После трех часов гонки со своими четырьмя крейсерами на полном боевом ходу он увидел сквозь дымку тумана русскую эскадру. Заняв место в 5 милях по траверзу противника, адмирал Дева пошел параллельным курсом с русскими, сообщая на «Микаса» данные об эскадре Рождественского...

В 08.00 по сигналу с «Суворова» все корабли подняли стеньговые флаги по случаю дня Священного Коронования Их Величеств. В 09.00 было отдано распоряжение броненосцам: в случае появления противника с тыла выстроить фронт вправо и влево, а крейсерам и транспортам проходить вперед. Все корабли были предупреждены сигналом с «Суворова» о предстоящей в полдень перемене курса на норд-ост-23. «...В конце 10-го часа также слева, почти на траверзе, увидели отряд легких крейсеров — «Кассаги», «Читозе», «Ниитака» и «Отава». Становилось очевидным, что решительный момент приближается...»

«...В 11 часов 20 минут утра расстояние от нас до легких крейсеров было 50 кабельтовых. В это время с «Орла» (как он немедленно донес об этом семафором) произошел нечаянный выстрел. Не имея возможности (при бездымном порохе) разобрать, кто именно из головных судов сделал этот выстрел, эскадра приняла его за сигнал с «Суворова» и открыла огонь. Особенно живо стрелял 3-й отряд. Японские крейсера круто повернули влево и, яростно отстреливаясь, начали быстро увеличивать расстояние...»

Во флагманской рубке броненосца «Микаса» адмирал Того с офицерами своего штаба анализировал данные, полученные с крейсеров-разведчиков. Командующему Объединенным флотом обстановка была уже почти ясна. «Несмотря на туманное утро, так, что далее чем на 5 миль ничего не было видно, — писал позднее Того в своем строевом рапорте, — и несмотря на то, что неприятель был от меня на расстоянии 20 миль, я тем не менее имел совершенно точное представление о том, что происходит. Хотя я и не видел еще неприятеля, но я знал, что неприятельский флот состоит из всех судов 2-й и 3-й Балтийских эскадр, и

что этот флот сопровождается 7 вспомогательными судами, что неприятельские суда построены в две кильватерные колонны; что их сильнейшие суда находятся в голове правой колонны, а вспомогательные суда в той же колонне в кильватере у них, что неприятель идет на северо-восток со скоростью 12 узлов узлов... На основании всех этих сведений я решил напасть на неприятеля со своими главными силами около 2-х часов дня около Окиносима и притом нападение вести на головные суда левой колонны».

«...В разгар стрельбы по крейсерам адмирала Дева на «Суворове» был поднят сигнал: «Не бросать снарядов понапрасну». И огонь прекратился. В то же время сигналом было приказано: «Команде обедать посменно». В полдень, находясь на параллели южной оконечности Цусимы, мы легли курсом норд-ост-23 на Владивосток. Офицеры завтракали тоже посменно и наскоро. В этот день, по обычаю, в кают-компании полагается торжественный завтрак с присутствием в качестве гостей адмирала, командира из штаба. В данном случае он, конечно, не мог состояться — адмирал и командир не сходили с мостика, а штабные только забегали что-нибудь наскоро съесть в адмиральскую столовую. Спустившись в свою каюту, чтобы пополнить перед боем запас папирос, я случайно попал в кают-компанию в самый торжественный момент. Несмотря на то, что блюда подавались все сразу, и ели их как придется, по бокалам было разлито шампанское, и все присутствовавшие, стоя, в глубоком молчании, слушали тост старшего офицера А.П.Македонского: «В сегодняшней высокоторжественный день священного коронования Их Величества помощи нам Бог с честью прослужить дорогой Родине! За здоровье Государя Императора и Государыни Императрицы! За Россию!»

Дружное, смелое «Ура!» огласило кают-компанию и последние его отголоски слились со звуками боевой тревоги, донесшейся сверху. Все бросились по своим местам. Легкие японские крейсера опять приблизились слева, но на этот раз в сопровождении миноносцев, выказывавших явное намерение выйти на наш курс... Подозревая план японцев — пройти у нас под носом

и набросать плавающих мин (как они это сделали 28 июля), адмирал решил развернуть 1 отряд фронтом вправо, чтобы угрозой огня пяти лучших своих броненосцев отогнать неприятеля...»

Около полудня адмирал Того приказал миноносцам, сопровождавшим 1-й и 2-й боевые отряды, укрыться в заливе Миура. Разошедшаяся к полудню большая волна захлестывала маленькие корабли. Миноносцы получили инструкцию присоединиться к эскадре, как только позволит погода. В полдень «Микаса», ведя за собой броненосцы и броненосные крейсера 1-го и 2-го боевых отрядов, вышел в точку в 12 милях к северу от острова Окиносима. На флагмане было получено очередное донесение адмирала Каотаока: «Противник в 12 милях севернее острова Вакамия. Курс норд-ост-норд...»

«...С целью отогнать легкие крейсера противника 1-й броненосный отряд сначала повернул «последовательно» вправо на 8 румбов, а затем должен был повернуть на 8 румбов влево «все вдруг». Первая половина маневра удалась прекрасно, но на второй вышло недоразумение с сигналом: «Александр» пошел в кильватер «Суворову», а «Бородино» и «Орел», уже начавшие ворочать «вдруг», вообразили, что ошиблись, отвернули и пошли за «Александром». В результате вместо фронта 1-й отряд оказался в кильватерной колонне, параллельной колонне из 2-го и 3-го отрядов и несколько выдвинутой вперед. Однако и неудавшийся маневр достиг намеченной цели: неприятельские крейсера и миноносцы, испугавшись возможности быть взятыми в два огня, оставили намерение пересечь наш курс и поспешно начали уходить влево... Как только японцы стали уходить с курса, 1-й отряд тотчас увеличил ход, склонился влево, чтобы снова занять свое место впереди 2-го отряда...»

В 12.55 с мостика «Микаса» заметили прыгающие на волнах легкие крейсера адмирала Дева. Зарываясь носами по ходовую рубку во встречную волну и выскакивая из нее в тучах брызг, крейсера Дева также увидели подход своих главных сил. На мачтах «Кассаги» взвились сигналы с последними данными о противнике: «Русские идут в двух колоннах, начав не-

удачное перестроение. Более слабая колонна — левая. Курс... скорость...» В 13.03 с «Микаса» на западе увидели корабли своих 5-го и 6-го боевых отрядов, идущие на северо-восток. И наконец, в 03.15 далеко на юго-западе открылась неприятельская эскадра. Стоя с офицерами своего штаба на переднем мостике броненосца «Микаса», адмирал Того внимательно рассматривал своего долгожданного противника в бинокль. Вот они — четыре броненосца типа «Бородино», о которых он столько слышал: «Мощные, практически непотопляемые корабли, значительно улучшенные варианты знаменитого «Цесаревича», чудо военноморской технологии». Правда, разведка сообщала, что у них плохая устойчивость. Что дальше? «Ослабля» — это тина «Пересвета» и «Победы», которые уже в наших руках. А за ним? Дальше уже ничего серьезного: «Сисой Великий», «Наварин», «Адмирал Нахимов», «Николай I». На всех этих кораблях он и сам бывал лично и до, и после войны с Китаем... Адмирал опустил бинокль и обратился к своему начальнику штаба контр-адмиралу Като: «Атаковать правую колонну! Пересечь курс противника. Бой на контркурсах!» На мачте броненосца «Микаса» взвился сигнал: «Жизнь и смерть Империи зависит от этого боя! Сделайте все, что в ваших силах!»

«...В 1 час 20 минут, когда первый броненосный отряд вышел под нос 2-му и начал склоняться на старый курс, был сделан сигнал: «2-му отряду вступить в кильватер 1-му отряду». Около того же времени далеко впереди смутно обозначились во мгле главные силы неприятеля. Они шли нам на пересечку справа налево курсом, близким к юго-западному. Выйдя нам на левую сторону, «Микаса» круто склонился на юг. За «Микаса» шли «Шикишима», «Фудзи», «Асахи», «Касуга», «Ниссин»... Адмирал Рожественский со штабом находился еще на верхнем переднем мостике «Суворова», хотя управление броненосцем уже было перенесено в боевую рубку. Признаться откровенно, я не вполне был согласен с идеей, что Того поведет сам в одной колонне все свои 12 броненосных кораблей: ведь 28 июля он не присоединил к своим 6 судам два броненосных крейсера, находившихся тут же, а предоставил

им возможность держаться самостоятельно. Я склонен был думать, что Камимура будет действовать по способности и, когда ясно обрисовались шесть старых артурских знакомых, не утерпел, чтобы не сказать с некоторым торжеством: «Вот они, ваше превосходительство! Все шесть, как 28 июля...» Адмирал, не оборачиваясь, отрицательно покачал головой: «Нет, больше: все тут!» — и начал спускаться в боевую рубку. Действительно: вслед за первыми шестью кораблями медленно выступали из мглы слегка оттянувшись крейсера Камимуры — «Идзумо», «Якумо», «Асама», «Такива», «Ивате»... — По местам, господа! — торопливо проговорил флаг-капитан, следуя за адмиралом...» «Ну, будет игра!» — думалось мне, когда, расставшись с адмиралом и высшими чинами штаба, уходившими в боевую рубку, я направился на кормовой мостик, откуда можно было видеть не только неприятеля, но и свою эскадру... Тут же (на заднем мостике) оказался командир правой кормовой шестидюймовой башни лейтенант Редкин, выбежавший «посмотреть», так как бой, видимо, должен был начаться с левого борта, и его башня пока обрекалась на бездействие. Мы стояли, обмениваясь отрывочными замечаниями, недоумевая, почему японцы вздумали переходить нам на левую сторону, когда наше слабое место — транспорты и их прикрытие — крейсера находились у нас справа и сзади. Может быть, они рассчитывали, приняв бой на контркурсе и воспользовавшись своим преимуществом в скорости, обойти нас с кормы, чтобы напасть сразу и на транспорты и на слабейший арьергард? Но в такой обстановке легко было и самим угодить под анфиладный огонь...»

На мостике «Микаса» адмирал Того понял, что совершает тактическую ошибку. Ведомая им колонна броненосцев шла контркурсом с русской эскадрой и «Микаса» уже выходил на траверз «Орла» — четвертого корабля левой (со стороны японцев) колонны противника. Напутали крейсера-разведчики со всеми этими правыми и левыми колоннами противника. И немудрено — они вели наблюдения с предельной дистанции, сквозь мглу и дымку тумана, хотя в общем описанная обстановка была верной. Того хотел для

начала воспользоваться тем, что лучшие броненосцы русских закрыты колонной, которую вел «Ослябя»: уничтожить «Ослябю» и шедшие за ним броненосцы, а затем, пройдя у них под кормой, догнать главные силы Рождественского и уничтожить их. Однако этот план рушился на глазах — русская эскадра, пусть громоздко и медленно, но перестраивались на его глазах в одну кильватерную колонну. Рождественский разгадал его маневр и принял самое правильное решение. Теперь принять бой на контркурсах — это значит поставить свои лучшие корабли против наименее ценных в боевом отношении старых русских броненосцев и одновременно подвергнуть риску отряд Камимуры, которому придется действовать против ядра русских четырех броненосцев типа «Бородино». Конечно, можно сейчас увеличить дистанцию, разойтись с русскими контркурсами, снова догнать их и занять более выгодную для боя позицию. Но сколько на это уйдет времени? Так уже было в бою 28 июля, когда он дважды терял боевое прикосновение с противником и долгими часами, изнуря броненосцы режимами максимального хода, страшно перерасходуя уголь, вел утомительное преследование. Но тогда еще была хорошая погода, а сейчас — туман, постоянно находит мгла. Так можно вообще потерять противника. Что делать? Ложиться на обратный курс! Конечно, огромный риск — колонна двоятся, все корабли должны будут проходить через неподвижную точку поворота. Нет, риск большой, но пошел же на риск Нельсон в Трафальгарском бою, спускаясь двумя кильватерными колоннами на эскадру Вильнева, ставя свои корабли под продольный огонь французов. Надо рискнуть, пока русские не закончили перестроение. Они не очень инициативны, судя по их поведению с утра и, видимо, совсем не умеют маневрировать на полном ходу. Вон как громоздко перестраиваются в одну кильватерную колонну. На обратный курс — и охватить голову их колонны! На мачте «Микаса» взвился сигнал «последовательного поворота влево на 16 румбов»...

«Смотрите! Смотрите! Что это? Что они делают?» — крикнул Редкин, и в голосе его были и радость и недоумение. Но я сам смотрел, смотрел, не отрываясь от

бинокля, не веря глазам: японцы внезапно начали вращать «последовательно» влево на обратный курс!.. При этом маневре все японские корабли должны были последовательно пройти через точку, в которой повернул головной. Эта точка оставалась как-бы неподвижной на поверхности моря, что значительно облегчало нам пристрелку, а кроме того, даже при скорости 15 узлов, перестроение должно было занять около 15 минут, и все это время суда, уже повернувшие, мешали стрелять тем, которые еще шли к точке поворота. — Да ведь это — безрассудство! — не унимался Редкин. — Ведь мы сейчас раскатаем его головных! «Дай-то Бог!» — подумал я.

Для меня было ясно, что Того увидел нечто неожиданное, почему принял новое, внезапное решение. Маневр был безусловно рискованный, но, с другой стороны, если он нашел необходимым лечь на обратный курс, то другого выхода не было. Конечно, можно было повернуть эскадрой «всем вдруг», но тогда головным кораблем, ведущим ее в бой, оказался бы концевой крейсер «Ивате». Очевидно, Того не желал допустить этого и решился на поворот «последовательно», чтобы вести эскадру лично и не ставить успех начала боя в зависимость от находчивости и предприимчивости младшего флагмана контр-адмирала Симамура, державшего флаг на «Ивате». Сердце у меня билось, как никогда за 6 месяцев в Артуре... Если бы удалось! Дай Господи! Хоть не утопить, хоть только выбить из строя одного!.. Первый успех!..»*

В боевой рубке «Суворова» быстро оценили всю выгоду неожиданно создавшейся обстановки. В рубке

---

*После войны в официально изданном строевом рапорте адмирала Того говорилось, что адмирал сознательно желал создать у русских впечатление, будто бы он не собирается вести эскадренный бой на контркурсах. Этим он хотел вынудить русских перестроиться на его глазах, а затем, пользуясь преимуществом в скорости, охватить голову русской эскадры и, держа ее головные корабли в центре большого круга, последовательно их уничтожать. Поскольку все это ему удалось, то и сомнений никаких по этому поводу не возникало. Однако внимательный анализ боя говорит о другом: разведывательные крейсера адмиралов Дева и Катаока проглядели перестроение

находилось все руководство кораблем и эскадрой: командующий вице-адмирал Рожественский, начальник штаба капитан 1-го ранга Клапье-де-Колонг, флагманский артиллерист полковник Берснев, флагманский штурман полковник Филипповский, флаг-офицер лейтенант Свербеев, флаг-офицер лейтенант Кржижановский, командир корабля капитан 1-го ранга Игнациус, старший артиллерист лейтенант Владимирский и вахтенный штурман мичман Шишкин. За штурвалом стоял рулевой кондуктор Зайсун. Подъемом сигналов распоряжался сигнальный кондуктор Кантуров. Вне боевой рубки находился флаг-офицер мичман Демчинский, распорядившийся рассыльными. Рядом с ним мичман князь Церетелли. Стояла мертвая тишина. Бинокли и наблюдательные трубы неотрывно следили за броненосцем «Микаса», который, пройдя с изящным креном точку поворота, уже створился с третьим кораблем японской колонны броненосцем «Фудзи». Следующий за «Микаса» броненосец «Шикишима» разворачивался в сторону русских, следуя к точке поворота. В этот момент адмирал Рожественский приказал открыть огонь и левая носовая 6-дюймовая башня эскадронного броненосца «Князь Суворов» с дистанции 32 кабельтова начала пристрелку по флагманскому броненосцу противника. На мачте «Суворова» взвился сигнал: «Бить по головному!» Было 13.49 14 мая 1905 года...

«Я жадно смотрел в бинокль... Перелеты и недолеты ложились близко, но самого интересного, т.е. попаданий, как и в бою 28 июля, нельзя было видеть: наши снаряды при разрыве почти не дают дыма, и, кроме того, трубки их встроены с расчетом, чтобы они рвались, пробив борт, внутри корабля. Попадание можно было заметить только в том случае, когда у

русских, и сам Того, дезинформированный донесением крейсеров, проглядел начало перестроения русских из двух колонн в одну. И уж ни один адмирал в мире, а тем более столь талантливый, как Того, не запланировал бы такого рискованного маневра, который ему пришлось выполнять...

Американский историк Уэствуд в связи с этим считает, что Того, чья репутация уже не нуждалась ни в какой рекламе, своим рапортом пытался прикрыть ошибки, совершенные его подчиненными.

неприятеля что-нибудь свалит, подобьет... Этого не было...»

В боевой рубке броненосца «Микаса» царила такая же напряженная тишина. Рядом с адмиралом Того находился его начальник штаба контр-адмирал Като и флаг-офицеры: капитан 2-го ранга Акияма, капитан-лейтенант Иида и старший лейтенант Киокава. Командир броненосца капитан 1-го ранга Идзичи с волнением смотрел в бинокль, как, тяжело клюнув носом и кренясь, точку поворота проходит «Шикишима». Японские корабли шли со скоростью 15 узлов, и в рубке прекрасно понимали, что перестроение займет минимум минут 10-15 при общей длине их колонны в 2,8 мили. Дальномеры показывали, что до флагманского корабля противника «Князь Суворов» 7000 метров. В бинокли было ясно видно, как в носовой части «Суворова» появился белый дымок и ветер донес рокочущий раскат выстрела. В двух кабельтовых от нестреляющего борта «Микаса» поднялся и стал медленно оседать грязно-зеленый столб воды. Перелет! И тут же открыла огонь вся эскадра противника, дождь пристрелочных всплесков поднялся вокруг флагманского броненосца адмирала Того. Находившийся на кормовом мостике старший офицер «Микаса» капитан 2-го ранга Мацумури почувствовал, что что-то ударило его в плечо, и с удивлением увидел красное пятно на белоснежном рукаве своего кителя. Прошло несколько секунд, прежде чем Мацумури понял, что «Микаса» получил первое попадание, и сам он ранен. В 13.53 адмирал Того, увидев, что «Шикишима» благополучно вступил в кильватер флагманскому броненосцу, приказал открыть ответный огонь. «Микаса» содрогнулся от бортового залпа...

«...Началось с перелетов. Некоторые из длинных японских снарядов на этой дистанции опрокидывались и, хорошо видимые простым глазом, вертятся, как палка, брошенная при игре в городки, летели через наши головы не с грозным ревом, как полагается снаряду, а с каким-то целеным бормотанием.

— Это и есть «чемоданы» («чемоданами» в Артуре называли японские снаряды больших калибров)? — спросил, смеясь, Редкин. — Они самые ... Однако меня

тут же поразило, что «чемоданы», нелепо кувыряясь в воздухе и падая как попало в воду, все-таки взрывались. Этого раньше не было... После перелетов пошли недолеты. Все ближе и ближе.

Осколки шуршали в воздухе, звякали о борт, о надстройку...» Столбы воды от русских недолетов, вздымаясь выше мостиков, обрушивались на палубу «Микаса». По меньшей мере пять русских броненосцев вели сосредоточенный огонь по японскому флагманскому кораблю. «Микаса» уже содрогнулся от нескольких прямых попаданий. Рухнула на палубу сбитая стенга грот-мачты. Осколками в грудь был тяжело ранен стоящий рядом с Того флаг-офицер капитан-лейтенант Иида, упал пораженный осколками в голову еще один флаг-офицер — старший лейтенант Киокава. В боевой рубке был разбит дальномер левого борта. Поступило сообщение, что снарядом противника разбито одно 6-дюймовое орудие правого борта — 8 человек убиты, ранен старший минер броненосца капитан-лейтенант Сучино. Дым из труб смешивался с дымом разрывов русских снарядов, брызги воды мешали наблюдать за противником. Проклятые английские башни приходилось после каждого выстрела ставить для перезарядки почти по диаметральной плоскости. А между тем точку поворота прошел уже третий броненосец «Фудзи». С «Микаса» было видно, как начал разворот на обратный курс «Асахи». Было 13.54. По «Суворову» уже вели огонь 3 японских броненосца...

Стоявший за боевой рубкой флаг-офицер мичман Демчинский инстинктивно прижался к броне. Против передней трубы «Суворова» поднялся гигантский столб воды, дыма и пламени. Находившийся рядом с Демчинским мичман князь Церетелли, согнувшись, схватился за живот и сказал: «Готово». Но оказалось, что осколок всего лишь раздробил ему правую руку в локте. Демчинский проводил товарища на перевязку, а сам остался у трапа, ведущего в боевую рубку, где было его место по боевому расписанию. Тут же были сосредоточены рассыльные, сигнальщики и санитары с носилками...

«Первый снаряд, попавший в «Суворов», угодил как раз во временный перевязочный пункт, развернутый

доктором, казалось бы, в самом укромном месте — в верхней батарее, у судового образа между средними шестидюймовыми башнями. Много народу перебило. Доктор как-то уцелел, но судовой священник иеромонах о. Назарий был тяжело ранен. Он находился на пункте в енитрахили, с крестом и запасными Дарами. Когда к нему, сраженному целым градом осколков, бросились доктор и санитары, чтобы уложить на носилки и отправить вниз, в операционную (под броневой палубой), он отстранил их, приподнялся и твердым голосом начал: «Силою и властью», но захлебнулся кровью, подступившей к горлу и торопливо закончил: «...отпускаю прегрешения... во брани убиенным», благословил окружающих крестом, которого не выпускал из рук, и упал без сознания. Мне захотелось пойти взглянуть. Судовой образ, вернее образа, так как их было много — все напутственные благословения броненосцу — остались совершенно целыми. Даже не разбилось стекло большого киота, перед которым в висячем подсвечнике мирно горело несколько свечей. Кругом — ни души. Только между исковерканными столами, табуретами, разбитыми бутылками и разбросанным перевязочным материалом — несколько трупов, да груды чего-то, в чем с трудом можно было угадать остатки человеческих тел...

Следующий снаряд ударил в борт у средней 6-дюймовой башни, а затем что-то грохнуло сзади и подо мной у левой кормовой. Из штабного выхода повалил дым и показались языки пламени. Снаряд, попав в капитанскую каюту, пробив палубу, разорвался в офицерском отделении, где произвел пожар... Я вынул часы и записную книжку, чтобы отметить первый пожар, но в этот момент что-то кольнуло меня в поясницу, и что-то огромное, мягкое, но сильное, ударило в спину и бросило на палубу... Вероятно, несколько мгновений я пролежал без сознания, потому что пожар был уже потушен, и вблизи, кроме 2-3 убитых, на которых хлестала вода из разорванных шлангов, никого не было.

Удар шел со стороны кормовой рубки, скрытой от меня траверсом из коек. Там должны были находиться флаг-офицеры — лейтенант Новосильцев и мичман

Козакевич и волонтер Максимов — с партией ютовых сигнальщиков. Снаряд прошел через рубку, разорвавшись об стенки.

Сигнальщики (10-12 человек) как стояли у правой 6-дюймовой башни, так и остались лежать тут тесной кучей. Внутри рубки — груды чего-то и сверху зрительная труба офицерского образца. Каким-то чудом Новосильцев и Козакевич были только ранены и с помощью Максимова ушли на перевязку...»

Русский снаряд с грохотом разорвался за кормовым мостиком «Микаса». Стоявший на мостике мичман Ямамото был сбит с ног и на какое-то мгновение потерял сознание. Очнувшись, он обнаружил, что два пальца на его правой руке оторваны. Зажав рану платком и пересиливая боль, будущий командующий Объединенным флотом и главный организатор налета на Перл-Харбор, остался на боевом посту. «Микаса» уже обгонял «Суворов», ведя за собой все четыре броненосца. Начавшие поворот броненосные крейсера «Кассуга» и «Ниссин» прямо с точки поворота вели огонь по «Ослябя», на котором был виден сильный пожар. Было 13.57...

Адмирал Того, опустив бинокль, обратился к стоявшему рядом с ним командиру «Микаса» капитану 1-го ранга Идзичи; услышавший слова адмирала контр-адмирал Като настороженно взглянул на него. Начиная с 1898 года в японском флоте велись сверхсекретные эксперименты под кодовым наименованием «цакугадзэн» — способ стрельбы из лука, которым пользовались самураи средних веков во время бесконечных феодальных междоусобиц и в войнах с монголами. Способ основывался на признании философии «дзэн», почти недоступной для европейца и уходящей корнями в таинственные познания древних народов Ближнего Востока, откуда далекие предки японцев прибыли в страну Богов Ямато — великого богатыря и избранника божественной Аматерасу, — если в твоих руках лук и стрела, не целься, а воссоединись душой с одним из великих превращений Будды, и стрела попадет точно в цель.

Результаты поражали своей эффективностью и поражают до сих пор. С появлением огнестрельного

оружия этот способ применяли хоть и с не меньшей эффективностью, но в гораздо меньшем масштабе. Почему-то считалось, что Боги не любят огнестрельного оружия. Адмирал Того был одержим идеей опробовать этот способ в морском бою. Английские инструкторы скептически улыбались и советовали не тратить время и ресурсы на всякую ерунду, а лучше увеличить продолжительность занятий математикой и астрономией в Эвадзиме. Англичане, будучи суровыми практиками, не одобряли введения в строго научные элементы морского боя непонятных им элементов восточного мистицизма. Сомневались и мудрые старцы из синтоистских монастырей. Способ очень индивидуален. Не всякая душа способна воссоединиться с Буддой — искусство медитации познается годами духовного совершенства воина, если он выполняет многочисленные правила в личной жизни и сложнейшие обеты. Но если души всех объединяются в едином порыве, то такая душа — единая душа эскадры — не останется незамеченной для Богов. Специально отбирали комендоров-наводчиков на броненосцы, проводили опыты. На учебных стрельбах летом 1901 года получили ошеломляющие результаты. Более трезвые предупреждали, что такая практика может дать самые печальные результаты, ибо Боги капризны, а порой и коварны. Обычная боевая подготовка более надежна. Но сю и не пренебрегали. Конечно, нужно почувствовать волю Богов.

28 июля Того не решился применить «цакуга-дзэн», ибо еще не был уверен в милости Богов, особенно после гибели «Хатсузе», «Яшима», «Микато» и «Июшино». Но когда японский снаряд разорвал на куски командующего русским флотом, а русский снаряд упал у ног адмирала Того и не разорвался, и когда Боги отдали ему в руки практически всю артурскую эскадру, он поверил, что можно применить «цакуга-дзэн» в предстоящем бою с Балтийской эскадрой. Все имели соответствующие инструкции и подготовку, даже христианин Иван Намото — командир «Асахи»...

«Микаса», «Фудзи» и «Шикишима» уже обогнали «Суворов» и начали склоняться вправо, охватывая голову русской эскадры. В 13.59 на мачте «Микаса»

подняли условный сигнал «цакуга-дзэн». В течение минуты сигнал приняли командиры следующих за «Микаса» кораблей: капитаны 1-го ранга Терагаки («Шикишима»), Мацумото («Фудзи»), Номото («Асахи»), Като («Кассуга»), Такеноучи («Ниссин»), передавая сигнал дальше по линии на совершающие поворот броненосные крейсера адмирала Камимура, громящие «Ослябю». Что-то страшное, жуткое и непонятное произошло на японских броненосцах, о чем никто впоследствии толком рассказать не мог. Души и помыслы всех людей слились в единую силу, энергия которой поступала из источника, чье название вообще невозможно точно перевести на бедные философскими терминами европейские языки, — энергия эта шла из того невидимого мира, который с момента появления человека на земле окружает его своей таинственной силой, порождая религии и мифы, столь разные и столь удивительно общие для всего человечества. И эта энергия превратила броненосцы и людей в единое, сверхъестественное существо, подобное легендарным драконам, покидающим в течение веков в трудный для народа Ямато час свои небесные дворцы и появляющимся на земле, чтобы своим страшным огнем испепелить полчища врагов...

Лейтенант американского флота Роберт Уайт, находящийся в качестве наблюдателя на борту «Шикишима» — второго броненосца японской линии, почувствовал, что сходит с ума. Все, что он увидел, было настолько нереально, что американскому офицеру показалось каким-то кошмарным сновидением. Он никогда бы не поверил, что армстронговские башни главного калибра могут развить такую скорострельность. Залпы следовали непрерывно один за другим, как будто это были не 12-дюймовые орудия с отдельным заряжанием и продольной перезарядкой, а митральезы. Артиллерийский офицер, участник боя при Сант-Яго, Уайт не мог себе представить, как подаются снаряды и полузаряды из погребов, как продувается канал ствола после выстрела и как вообще, да и когда, японцы успели модернизировать свои башни, что они перезаряжаются в положении «на борт»? Уайт с ужасом подумал, что вот сейчас башни

японских броненосцев начнут взрываться одна за другой и весь флот Того либо вознесется куда-то в небеса, либо низвергнется в страшную пучину. Американцу стало трудно дышать, ему показалось, что какая-то сила приподнимает его в воздух, чтобы швырнуть за борт прямо в огромные гейзеры русских недолетов. Уайт судорожно вцепился в поручни и взглянул в сторону русских. Четыре первых корабля русской эскадры были охвачены пламенем гигантских пожаров, которые на глазах разгорались все сильнее, превращаясь в огненный смерч...*

На палубе «Суворова», в башнях, в плутонгах, на постах управления царило смятение, близкое к полной деморализации. Даже капитан 2-го ранга Семенов, обстрелянный офицер, участник боя 28 июля, был ошеломлен не меньше, а, видимо, даже больше других. Ему было с чем сравнивать. «28 июля, за несколько часов боя, «Цесаревич» получил только 19 крупных снарядов, и я серьезно собирался в предстоящем бою записывать моменты и места отдельных попаданий, а также производимые ими разрушения. Но где уж тут было записывать подробности, когда и сосчитать попадания оказывалось невозможным! Такой стрельбы я не только никогда не видел, но и не пред-

---

«Цакуга-дзэн» — более общая философская концепция специальной боевой подготовки в рамках обрядов кэндо (кэндзюцу), уходящей своими корнями в глубокую древность. Кюдо (путь лука) — рыцарское искусство стрельбы из лука — было очень распространено среди японского дворянства, ибо лук и стрелы считались у самураев священным оружием, а фраза «юмия-но мити» (путь лука и стрел) была синонимом выражения «путь самурая» (бусидо).

Искусство стрельбы из лука включило в себя ряд религиозных элементов, было пропитано мистицизмом, что делает кюдо своеобразным и не похожим на стрельбу из лука в Европе видом боевого мастерства. Кюдо, по высказываниям его толкователей, дается человеку только после длительной учебы и подготовки, в то время как индивидууму, не понявшему его сути, оно вообще будет недоступно. Многое в кюдо выходит за рамки человеческого разума и недоступно пониманию. Стрелку в этом мистическом искусстве принадлежит второстепенная роль посредника и исполнителя «идей», при которых выстрел осуществлялся в некоторой степени без его участия. Действия

ставлял себе. Снаряды сыпались непрерывно, один за другим... За 6 месяцев на артурской эскадре я все же кой к чему пригляделся — и шимоза, и мелинит были, до известной степени, старыми знакомыми, но здесь было что-то совсем другое, совершенно новое! Казалось, не снаряды ударялись о борт и падали на палубу, а целые мины... Они рвались от первого прикосновения к чему либо, от малейшей задержки в их полете. Поручень, бакштаг трубы, топрик шлюпбалки — этого достаточно для всеразрушающего взрыва...

Стальные листы бортов и надстроек на верхней палубе рвались в клочья и своими обрывками выбивали людей. Железные трапы свертывались в кольца, неповрежденные пушки срывались со станков... Этого не могла сделать ни сила удара самого снаряда, ни тем более сила удара его осколков. Это могла сделать только сила взрыва. По-видимому, японцам удалось осуществить ту идею, которой пробовали достичь американцы постройкой своего «Везувия»...

А потом — необычно высокая температура взрыва и это жидкое пламя, которое, казалось, все заливает! Я видел своими глазами, как от взрыва снаряда вспыхивал стальной борт. Конечно, не сталь горела, но краска на ней! Такие трудногорючие материалы, как

стрелка в «цакуга-дзэн-кюдо» имеют двуединный характер: он стреляет и попадает в цель как бы сам, но, с другой стороны, это обусловлено не его волей и желанием, а влиянием сверхъестественных сил. Стреляет «оно», то есть «дух» или «сам Будда». Воин не должен думать в процессе стрельбы ни о цели, ни о попадании в нее — только «оно» хочет стрелять, «оно» стреляет и «оно» попадает. Так учили идеологи кюдо. В луке и стрелах стреляющий мог видеть лишь «путь и средства» для того, чтобы стать причастным к «великому учению» стрельбы из лука. В соответствии с этим кюдо рассматривалось не как техническое, а как абсолютно духовное действо.

В этом тезисе и заложено глубокое религиозное содержание стрельбы, являющейся одновременно искусством метода дзэн-буддизма. Цель стрельбы из лука — «соединение с божеством», при котором человек становится действительным Буддой. Во время выстрела воин должен быть совершенно спокоен, что достигается медитацией. «Все происходит после достижения полного спокойствия», — говорили специалисты кюдо. В дзэн-новском смысле это значило, что стреляющий погружал себя в

койки и чемоданы, сложенные в несколько рядов, траверсами, и политые водой, вспыхивали мгновенно ярким костром...

Временами в бинокль ничего не было видно — так искажались изображения от дрожания раскаленного воздуха...»

По «Суворову» уже вели концентрированный огонь шесть японских броненосцев, которые, идя впереди по дуге большого круга, держали русский флагманский броненосец в его центре. Залпы своих орудий, взрывы снарядов противника, лязг и скрежет разрушаемого железа и рвущейся стали смешались в сплошной грохот, потрясая корабль от клотика до киля. Весь корабль был окружен какой-то хаотически колеблющейся стеной из пламени, дыма и морских смерчей. Не было никакой возможности вести правильное наблюдение. Все, кто находился в боевой рубке, были потрясены и деморализованы неожиданным бедствием.

Начальник штаба эскадры капитан 1-го ранга Клапье-де-Колонг видел, как в районе боевой рубки и носовой части «Суворова» один за другим стали рваться японские снаряды. Они давали при взрыве «очень много мелких осколков, громадное (все зажи-

---

беспредметный, несуществующий мир, стремясь к сатори. Просветление, по японским понятиям, означало в кюдо одновременно «бытие в небытии, или положительное небытие». Только уйдя в состояние «вне себя», при котором воин должен отказаться от всех мыслей и желаний, он связывался «с небытием», из которого возвращался снова «в бытие» лишь после того, как стрела отлетела к цели. Таким образом, единственным средством, ведущим к просветлению, служили в данном случае лук и стрела, что делало бесполезным, по толкованию идеологов кюдо, всякие усилия человека в работе над самим собой без этих двух элементов.

В начальной стадии сосредоточения стрелок концентрировал внимание на дыхании, имевшем в кюдо большее значение, чем в других видах военного искусства затем оно регулировалось бессознательно. Для того чтобы уравновесить дыхание, воин, сидя со скрещенными ногами, принимал положение, при котором верхняя часть туловища держалась прямо и расслабленно, как во время медитации дзэн.

Стрельба могла производиться из положения стоя, с колена и верхом на коне. После момента, предшествующего

гающее) пламя и дым, иногда черный, иногда ярко-желтый, а также удушливые газы». «Обожженные и отравленные люди падали без стонов, пораженные насмерть целыми группами...

В боевую рубку непрерывно попадали осколки снарядов, мелкие щепки дерева и брызги воды от недолетов и перелетов... Шум от непрерывных ударов снарядов вблизи боевой рубки и своих выстрелов заглушал все. Бушующее пламя и дождь осколков не давали возможности вести через прорези рубки правильное наблюдение в нужном направлении. Только урывками можно было иногда видеть отдельные части горизонта...»

Находившийся в боевой рубке лейтенант Кржижановский видел, как неожиданно залпы с японских броненосцев стали следовать один за другим. Было 14.02. «С этого момента начался прямо ад: снаряды попадали с различных сторон... Первым убило сигнального кондуктора Кандаурова, затем ранило старшего артиллериста лейтенанта Владимирского. Левый дальномер Барра Струда был разбит. Его заменили правым. К нему встал флагманский артиллерист полковник Берснев, но тут же свалился мертвым, пораженный в голову осколками. Были также убиты

непосредственному пуску стрелы (кай), производится выстрел (ханарэ). В это время физические и психические силы самурая были сконцентрированы на «великой цели» (дзансин), то есть на стремлении соединиться с божеством, но ни в коем случае не на мишени и желании попасть в цель.

Отличительная особенность всех видов японской боевой подготовки (бугей) состоит в том, что основной акцент делался прежде всего на нравственно-моральную сторону и развитие «духовных способностей воина», а затем, уже на физическую подготовку. Моральное содержание таких дисциплин, как кюдо, кэндо и прочие, показывалось иероглифом, звучащим как «до». Моральный принцип в боевой подготовке японских воинов был обусловлен учением Конфуция. В конфуцианстве «до» рассматривалось как определенная этическая категория, имеющая непосредственную связь с дзэн-буддизмом. Познание «до» (правильного, истинного пути) или «правды» считалось главным во всех видах боевой подготовки. Восточная философская традиция часто называет «до» путем, обладающим жизнедарящими силами, испускающими лучи света, подобно солнцу.

рулевой кондуктор Зайсун и матрос-рулевой. К штурвалу встали справа лейтенант Свербеев, слева я. Ручки штурвала были в крови, а у меня вся правая сторона тужурки была забрызгана мозгами. Стояла ужасная вонь... Через минуту нас сменили запасные рулевые. Все начали держать головы ниже края брони... Около 02.05 адмирал приказал повернуть на 2 румба вправо, чтобы не дать неприятелю пристреляться. Приходил в рубку лейтенант Зотов, но его ранило, и он ушел...»

«Я вдруг заторопился в боевую рубку, к адмиралу, — вспоминает капитан 2-го ранга Семенов. — Зачем? Тогда я не отдавал себе в этом отчета, но теперь мне кажется, что я просто хотел взглянуть на него и этим взглядом проверить свои впечатления: не кажется ли мне? Не кошмар ли это? Не струсил ли я просто-напросто?.. Взбежав на передний мостик, чуть не упав, поскользнувшись в луже крови (здесь только что был убит сигнальный кондуктор Кандауров), я вошел в боевую рубку. Адмирал и командир, оба, нагнувшись, смотрели в просвет между броней и крышей.

— Ваше превосходительство! — как всегда, оживленно жестикулируя, говорил командир. — Надо изменить расстояние! Очень уж они пристрелялись — так и жарят! — Подождите. Ведь и мы тоже пристрелялись! — ответил адмирал. По сторонам штурвала, справа и сле-

---

В этом плане «до» идентично понятию «дао», трактуемому в философии и эстетике Китая как вечная и несотъемлемая первопричина всего существующего: духовного и материального. «До» должно было помочь воину найти «единичное бытие во всем», «войти в соприкосновение с божеством, уловить его присутствие, увидеть его существование». Это согласуется с дзэнскими положениями об «изначальной природе Будды», присутствующей во всем (живом и не живом), которая постигается человеком посредством сатори, обретения нирваны на земле среди живых. По этой программе и прошли подготовку командоры 1-го и 2-го боевых отрядов Объединенного флота, а частично, но в гораздо меньшей степени, других боевых отрядов. Программа называлась Сабу-Кюдо — Путь огненного лука. (См.: Накасоне М. Кюдо в использовании артиллерии; Ичикава С. Кюдо — Путь лука // Естественная история. 1933. Т.33. N 2; Спиваковский А. Самурай — военное сословие Японии. М., 1981; Цусима: воспоминание участников. Токио, 1955; Инагуи М. Цусима — победа духа. Токио, 1955 и др.)

ва, двое лежали. Оба в тужурках офицерского образца, ничком... — Рулевой кондуктор и Берсенев! — крикнул мне на ухо мичман Шишкин, которого я тронул за руку, указывая на лежащих. — Берсенева первым! В голову — наповал!

Дальномер работал. Владимирский резким голосом отдавал приказания, и гальванеры бойко вертели ручки указателей, передавая в башни и плутонги расстояния до неприятельских судов... Казалось, что тут (если не обращать внимания на убитых и раненых) все идет, как на учении... Оглядевшись, я поспешил выйти, но не вернулся на задний мостик, а остался на переднем, откуда лучше всего была видна неприятельская эскадра. Не отрывая глаз от бинокля, я жадно смотрел: не сбылись ли мои надежды, мои мечты, которых я сам себе не смел громко высказать: не посчастливилось ли нам хоть на этот раз, первый, единственный раз за все время войны, сорвать первый успех, если не утопить, то хоть подбить, хоть временно вывести из строя один из японских кораблей и тем внести в среду неприятеля хотя бы временное расстройство...

Нет!.. Неприятель уже закончил поворот. Его 12 кораблей в правильном строю, на тесных интервалах, шли параллельно нам, постепенно выдвигаясь вперед... Никакого замешательства не было заметно. Мне казалось, что в бинокль Цейса (расстояние было немногим больше 20 кабельтовых) я различаю даже косячные ограждения на мостиках, группы людей... А у нас? — Я оглянулся. Какое разрушение! Пламя рубки на мостиках, горящие обломки на палубе, груды трупов... Сигнальные и дальномерные станции, посты, наблюдающие за падением снарядов, — все сметено, все уничтожено... Позади — «Александр» и «Бородино», тоже окутанные дымом пожара...

Нет! Это было совсем не похоже на 28 июля! Там было впечатление, что сошлись два противника, почти равные по силам, что оба они сражались равным оружием, что это был бой... А здесь? Не бой, а бойня какая-то! Неприятель, выйдя вперед, начал быстро склоняться вправо, пытаясь выйти на пересечку нашего курса, но мы тоже повернули вправо и снова привели его почти на траверз... Было 14.05...»

В боевой рубке лейтенант Кржижановский заметил, что расстояние до противника уменьшалось и броненосец «Микаса» уже находится почти по носу «Суворова». «Снаряды противника стали попадать непрерывно. Свои выстрелы перестали быть слышны. Определение расстояния прекратилось из-за дыма и газов, которые красной, колеблющейся стеной стали кругом. Неприятеля не было видно. Койки, прикрывающие до половины прорезь в рубке, были оборваны. Начался пожар в рострах и кругом рубки. При бешеном огне противника невозможно было высунуться из рубки, чтобы поднять флажные сигналы: снаряды немедленно сметали людей. Кроме того, все фалы были перебиты, а ящик с флагами сгорел. Об этом доложил лейтенант Свербеев. Рухнула срезанная снарядом гот-мачта и свалилась за борт. С фок-мачты упал нижний рей. Командир просил адмирала переменить курс, говоря, что неприятель пристрелялся. Адмирал несколько времени выдерживал и говорил: «Василий Васильевич, успокойтесь, Василий Васильевич, успокойтесь». По переговорной трубе донесли, что получена подводная пробоина у левого носового подводного аппарата. Тогда адмирал скомандовал: «4 румба вправо!»

В 14.05 флагманский минный офицер лейтенант Леонтьев находился в рубке беспроводного телеграфа «Суворова». Аппараты непрерывно принимали телеграммы противника. Однако вскоре все антенны были сбиты, и помещение пришлось оставить из-за бушующего пожара. «Снаряды стали попадать почти непрерывно. Скоро оказалось, что для уборки раненых не хватает ни носильщиков, ни носилок. Первым мимо меня пронесли помощника старшего инженер-механика Кримера с раздробленной рукой, за ним тащили непрерывный ряд раненых... В носовом кочегарном отделении погасло электричество, но, вскоре, освещение было восстановлено. При исправлении там не находился лейтенант Вырубов... Раненый мичман Церстелли шел на перевязочный пункт. Он сказал, что один снаряд поранил сразу всех флаг-офицеров, бывших у задней рубки при сигналах. Спустившись после этого по левой шахте к боевым динамо-машинам, я нашел распределение нагрузки их равномерным и ра-

боту правильной, но заметил, что в машину поступает масса дыма через вентиляторные трубы. Через левую же шахту, по которой я спустился, шел вниз чистый воздух. По просьбе старшего инженер-механика, я послал унтер-офицера Чебурова, бывшего все время при мне, открыть дверь левой шахты в батарею, а сам поднялся по правой шахте и тоже открыл дверь для доступа вниз чистого воздуха. В тот же момент я был сшиблен с ног сильным ударом по голове. Придя в себя, я заметил, что лежу на матросе с развороченною грудью, и чувствовал сильную боль в затылке и левой стороне головы. Какой-то матрос, я не заметил, дал мне фуражку и помог встать, после чего я пошел к носовым турбинам...»

Сообщение о попадании в кормовую башню главного калибра заставило капитана 2-го ранга Семенова броситься на кормовой мостик, что еще можно было сделать по продольному проходу, хотя и с большим трудом.

«Придя на задний мостик и взглянув вниз, перегнувшись через его поручень, я увидел, что часть броневой крыши башни со стороны левого орудия была разорвана и отогнута кверху, но башня вращалась и энергично стреляла. Очевидно, попадание не причинило серьезных повреждений. Сигнальная рубка была охвачена пожаром. Впереди из-за дыма ничего не было видно. Я решил вернуться на нос, но это оказалось не так просто: в полпути продольный мостик был разрушен, и ярким пламенем пылала рубка беспроволочного телеграфа. Вернулся назад — трапы сбиты. По каким-то стойкам и повисшим снастям спустился на верхнюю палубу. Очутился на шканцах. Здесь энергично работали пожарные партии, руководимые старшим офицером А.П.Македонским. Хлопнул «чемодан». Меня швырнуло на палубу, завалило какими-то обломками... но, выбравшись из-под них, я с удивлением мог убедиться, что опять не ранен и отделался только ушибами. Зато Македонскому оторвало ногу выше колена. Верно, были и другие раны, так как китель и спереди и с правого бока был весь залит кровью. Пока его клали на носилки, он уже потерял сознание и вряд ли дожил до прибытия на перевязоч-

ный пункт. Пожарные партии остались без руководителя... Я принял начальствование над ними. Впрочем — ненадолго... Людей становилось все меньше. Отовсюду, даже из башен, куда осколки могли проникнуть только через узкие просветы амбразур, требовали подкреплений на замену убитым. Убитых, конечно, оставляли лежать там, где они упали, но и на уборку раненых не хватало рук... Единственный ресурс, которым мы располагали, это была прислуга 47-миллиметровых пушек и пулеметов, которая, чтобы не подвергать ее напрасному расстрелу, с началом боя была убрана под броневую палубу. Теперь эти люди оказались совершенно свободными, так как вся их артиллерия, стоявшая открыто на мостиках, была уже уничтожена без остатка. Ими и пользовались. Но это была капля в море... Относительно пожара. Если бы даже нашлись люди, то не было средств для борьбы с огнем. Шланги, сколько раз их ни заменяли запасными, немедленно превращались в лохмотья. Наконец, запасы иссякли. А без шлангов как было подавать воду на мостики и на ростры, где бушевало пламя? Особенно ростры, где пирамидой стояли 11 деревянных шлюпок... Пока этот лесной склад горел только местами, так как в шлюпках еще держалась вода, налитая в них перед босм. Но она вытекала через многочисленные дыры; пробитые осколками, а когда вытечет... Разумеется, делали, что могли. Взирались по спинам товарищей (трапов уже не существовало), пытались затыкать дыры в шлюпках, таскали воду ведрами. Не знаю, нарочно были закрыты шпигаты или они просто засорились, но вода плохо стекала за борт и на верхней палубе ее было по щиколотку. Это обстоятельство принесло большую пользу, так как, во-первых, сама палуба не горела, а во-вторых, в этой же воде мы тушили валившиеся сверху горящие обломки, просто растаскивая и переворачивая их. Довольно скоро под моей командой осталось всего 2-3 человека. Пошел искать людей. Близ правой носовой 6-дюймовой башни, у трапа на передний мостик, увидел флаг-офицера мичмана Демчинского с партией баковых сигнальщиков. Подошел к нему. Мичман Головин (командир башни) угостил нас хо-

лодным чаем, который был у него запасен в бутылках. Кажется, пустяки, а стало веселее...»

Стоявшему у трапа на переднем мостике мичману Демчинскому доложили, что на правом борту из-за пожара рвутся сложенные там снаряды для 47-миллиметровых орудий. Взяв матросов, мичман бросился к месту происшествия. Ничего сделать было нельзя, поскольку место, где были сложены снаряды, было охвачено огнем и завалено обломками. Перейдя на правый борт, Демчинский стал убирать сложенные там снаряды, перенося их в носовую 6-дюймовую башню мичмана Головнина. В этот момент башня открыла огонь. В распоряжении Демчинского оставалось всего четыре человека, так как матросы, посылаемые им с носилками на перевязочный пункт, назад не возвращались. Мичман отвел своих матросов в укрытие на батарейной палубе, понимая, что наверху они будут все перебиты...

Боевая рубка «Суворова» еще продолжала выполнять свою роль главного центра управления кораблем. Туда поступали доклады со всех боевых постов, из рубки отдавались приказы и велось управление артиллерийским огнем.

14.07 Доложил, что у левой средней 6-дюймовой башни подача производится вручную. Левую кормовую 6-дюймовую башню питают подачей из правой.

14.09 В 12-дюймовых башнях все благополучно.
14.12 В боевой рубке сбило второй и последний дальномер Барра и Струда.

14.15 Повернули влево и легли на прежний курс норд-ост-23.

Снаряды попадают непрерывно. Сообщили о подводной пробоине у левого подводного аппарата.

14.16. Ранило в шею флаг-капитана мичмана Шишкина в голову и лейтенанта Владимирского, незадолго перед этим пришедшего в боевую рубку, вторично в голову.

14.17. Доложили, что все сигнальные фалы перебило, часть их сгорела.

14.18 Ранило в плечо лейтенанта Зотова — старшего штурманского офицера.

14.20 Лейтенант Редкин доносит, что левая кормовая 6-дюймовая башня не может действовать от дыма

и жары, просил изменить курс, в чем пришлось отказать...

14.20 Повернули на 4 румба вправо.

Страшный удар сбил с ног и бросил на палубу боевой рубки лейтенанта Кржижановского. В момент поворота снаряд противника попал в боевую рубку, оборвав полосой в верхней части рубки угловое железо.

Град осколков ударил внутрь рубки. «Адмирал был ранен в голову, флаг-капитан ранен в затылок, лейтенанта Свербеева в спину, мичмана Шишкина в спину и ноги. Мне попало по рукам и в лицо мелкими осколками. Я бросился помочь адмиралу, но, видя, что кровь не идет из раны и что адмирал продолжает сидеть на месте, побоялся дотронуться неумелыми руками и перешел на другое место рядом с полковником Филипповским.

Следующий снаряд ударил в рубку прямо с носа. Осколком вторично ранило адмирала в ноги. Меня сбросило с рельсов для передвигания дальномеров, на которых я сидел, на палубу, сорвало чехол с фуражки. Обе руки покрылись язвами от мелких осколков. В воздухе закружились серые стружки. Сидящий передо мной на корточках командир был ранен в голову. Я видел, как у него на голове кожа вскрылась конвертом в двух местах и оттуда хлынула кровь струйками во все стороны. Он откинулся назад и его вынесли из рубки. Лейтенант Владимирский был ранен еще раз. Он сказал: «На этот раз попало здорово».

Капитан 2-го ранга Семенов увидел, как по трапу сверху спускается Демчинский, поддерживая с трудом держащегося на ногах флаг-офицера лейтенанта Свербеева. «Свербеев задыхался и просил пить. Я зачерпнул из ведра воды в десантный котелок, валявшийся тут же и подал ему. Но руки у него тоже слушались плохо. Демчинский и я помогали ему. Он жадно пил, произнося отрывочные фразы: «Пустяки... скажите флаг-капитану... сейчас приду... задохнулся проклятыми газами... только отдышаться...» Его посиневшие губы с усилием втягивали воздух. В горле и в груди что-то хрипело, но, конечно, не ядовитые газы — с правой стороны груди и спины тужурка была сильно порвана и оттуда обильно сочилась кровь. Демчинский дал ему

двух провожатых, чтобы довести до перевязочного пункта, а мы опять поднялись наверх... Тут я узнал о тяжелой потере, понесенной броненосцем в лице трюмного механика, штабс-капитана Криммера. Узнав о смертельной ране старшего офицера, он поспешил наверх с целью руководить пожарными партиями, его по пути шальной осколок перебил, почти оторвал ему руку близ локтя. Моряки хорошо поймут, какой это урон — потерять трюмного механика в самом начале боя. Правда, у нас был человек приблизительно той же специальности — флагманский корабельный инженер Политовский, но он не состоял при постройке «Суворова», не был так детально, как Криммер, осведомлен о всех подробностях и особенностях водоотливной системы броненосца. К тому же (не берусь судить по каким причинам), он наметил своей обязанностью в бою — помощь медицинскому персоналу. Еще при первой тревоге, пробегая по жилой палубе, я видел его в операционной, одетого в белый халат с перевязью Красного Креста. Кажется, даже, это было его место по «боевому расписанию штабных чинов»...

Выйдя на верхнюю палубу, я прошел на левую сторону между носовыми 12- и 6-дюймовыми банями посмотреть на японскую эскадру... Она была все та же! Ни пожаров, ни крена, ни подбитых мостиков... словно не в бою, а на учебной стрельбе! словно наши пушки, неумолчно гремящие уже полчаса, стреляли не снарядами, а черт знает чем!..

С чувством, близким к отчаянью, я опустил бинокль, отвернулся и пошел на корму. Было 14.20... Пробираясь между обломками на корму, столкнулся с Редкиным, спешившим на бак. «Из левой кормовой стрелять нельзя, — возбужденно заговорил он. — Под ней, кругом пожар. Люди задыхаются от жары и дыма. Доложите адмиралу!»

Для его успокоения, я обещал доложить немедленно, и мы расстались, чтобы уже не встречаться более... В рубке лежало уже не двое, а пять-шесть человек убитых. За неимением рулевых, на штурвале стоял Владимирский. По лицу его текла кровь, но усы лихо торчали кверху, и вид был такой же самоуверенный, как, бывало, в кают-компаниях при спорах о «будущ-

ности артиллерии». На мой доклад адмирал только пожал плечами: «Пусть тушат пожар. Отсюда помочь нечем...» Выйдя из рубки, я предполагал отправиться к Редкину, чтобы передать ответ адмирала и помочь в тушении пожара, но задержался на мостике, глядя на японцев. За четверть часа на новом курсе они опять много выдвинулись вперед, и теперь «Микаса», ведя колонну, постепенно склонялся к нам. Я ждал, что мы тоже немедленно начнем ворочать в ту же сторону, но адмирал еще некоторое время выдерживал на старом курсе. Я догадался, что этим маневром он хочет, сколько можно, уменьшить дистанцию, так как со сбитыми дальномерами и наблюдательными постами наша артиллерия годилась только для стрельбы почти в упор.

Однако выпускать неприятеля поперек курса и подвергать себя продольному огню — тоже было нельзя, Напряженно считая мгновения, я смотрел и ждал... «Микаса» ближе и ближе подходил к нашему курсу...

В этот момент мы быстро покатались вправо. Я облегченно вздохнул и оглянулся. Демчинский со своими людьми все еще не ушел и с чем-то возился (оказалось, он убирал в башню стоявшие на палубе ящики 47-миллиметровых патронов, чтобы они от пожара не начали рваться и бить своих). Я спустился к нему спросить в чем дело, но не успел сказать ни слова, как следом за мной наверху трапа появился командир. Голова у него была вся в крови. Он шатался и судорожно хватался руками за поручни. Где-то совсем близко разорвался снаряд. От этого толчка он потерял равновесие и полетел с трапа головой вперед. По счастью, мы это видели и успели принять его на руки. «Это ничего! Это пустяки! Голова закружилась! -обычной скороговоркой, почти весело уверял он, вскочив на ноги и порываясь идти дальше. Но так как дальше, до перевязочного пункта, было еще три трапа, то, несмотря на протесты, мы его все же уложили на носилки.

— Кормовую башню взорвало! — передали откуда-то (с соседних кораблей видели, как в вихре огня и желтого дыма крыша кормовой башни главного калибра «Суворова» взлетела выше мостиков и рухнула на ют)...

Почти одновременно над нами раздался какой-то особенный гул, послышался пронзительный лязг рвущегося железа, что-то огромное и тяжелое словно ухнуло, на рострах трещали и ломались шлюпки, сверху валились какие-то горящие обломки, и непроницаемый дым окутал нас ... Тогда мы не сообразили, в чем дело. Оказывается, это упала передняя труба... Рас-терявшиеся, ошеломленные сигнальщики тесной кучей, увлекая нас за собой, шарахнулись в сторону, как раз под разрушающимися ростры. Едва удалось силой остано-вить их, образумить... Было 14.30...»

В этот момент еще один крупный снаряд попал в боевую рубку, убив вторую смену рулевых. Штурвал оказался заклиненным, и «Суворов» покатился вправо, никем не управляемый. Вскочив на ноги, лейтенант Кржижановский пытался ранеными руками поставить руль прямо, но вскоре понял, что руль заклинен. Встал на ручки машинного телеграфа полковник Филипповский и, обливаясь кровью от многочисленных ран, пытался управлять машинами. Но с заклиненным в положение на борт рулем «Суворов» продолжал описы-вать циркуляцию. Командование кораблем принял вызванный в рубку третий лейтенант Богданов, сменивший полковника Филипповского на ручках машинного телеграфа. Лейтенант Кржижановский видел, как корабль все время бросало из стороны в сторону. «Одно время мы шли на свою эскадру, мне показалось, что впереди «Сисой» или «Николай». Ма-шинами тотчас же отвернули. Кругом рубки загорелся такой пожар, что стало невыносимо жарко и ничего не было видно. Полковник Филипповский возбудил вопрос, как поставить руль прямо, чтобы он не мешал управляться. Телефонное сообщение с рулевым отделением было прервано. Адмирал приказал пойти поставить руль прямо. Сначала хотел пойти лейтенант Богданов, но сказал, что кругом огонь и вернулся к машинному телеграфу. В это время случайно ветром прижало огонь к палубе. Это дало мне возможность заметить большую дыру в палубе и несгоревший еще привальный брус. Тогда, сказав, что я пойду, одним прыжком перескочил сквозь огонь на привальный брус мостика. Поручней уже не осталось, я прямо дальше

прыгнул на 6-ю «левую» башню, спустился с нее вниз и пошел дальше через батареиную палубу в рулевое отделение...»

Мичман Демчинский пытался пробиться с палубы в боевую рубку. Поднимаясь по трапу, он держался за остатки поручней и тут услышал взрыв снаряда и почувствовал удар по обеим рукам. Придя в себя, Демчинский увидел, что указательный палец на его правой руке оторван, а на левой — раздроблен большой. Кровь из раны била фонтаном. «Я зажал в кулак болтавшийся палец правой руки и пошел на перевязку. Там доктор перевязал обе руки, причем забинтовал все пальцы, и я лишен был возможности делать что-либо. Уходя из перевязочного пункта, я увидел сидящего Новосильцева (кажется, он был ранен в ногу), и около него стояли Свербеев, Козакевич и князь Церетелли. Я к ним подошел и уговорил идти наверх, так как офицеров почти нет и некому распорядиться. Сам же ушел, причем видел много народу даже без царапинки — очевидно, забившиеся от страха...»

Между тем попадания в боевую рубку и передний мостик становились все чаще. Осколки снарядов, массами врываясь под грибовидную крышу рубки, уничтожили в ней все приборы, разбили компас. По счастью, уцелели телеграф в одну машину, переговорная труба — в другую. Начался пожар на самом мостике — загорелись койки, которыми предполагалось защититься от осколков, и маленькая штурманская рубка, находившаяся позади боевой. Пылали ростры и верхняя штурманская рубка. Внутри боевой рубки лежали неубранные трупы офицеров и матросов. Жара становилась нестерпимой, а главное — густой дым застилал все кругом, и без компаса держать какой-либо курс было совершенно невозможно. В рубке в это время находились: адмирал, флаг-капитан и флагманский штурман — все трое раненые, а также лейтенант Богданов, мичман Шишкин и один матрос, как-то до сих пор уцелевшие. Им предстояла страшная участь — или задохнуться в дыму, или сгореть, так как боевая рубка, охваченная со всех сторон пламенем, напоминала теперь «кастрюлю, поставленную на костер». Первым вышел из рубки на левую сторону мостика лейтенант

Богданов. Смело расталкивая горящие койки, он бросился вперед и исчез в пламени, провалившись куда-то. Шедший за ним флаг-капитан повернул на правую сторону мостика, но здесь все было разрушено, трапа не существовало — дороги не было. Оставалось только одно — выйти через центральный пост. Раскидали лежащих на палубе убитых, подняли решетчатый люк над броневой палубой, и все четверо стали спускаться вниз по вертикальной трубе, уходящей в глубину корабля, почти на самое его днище. Адмирал, раненный в голову, в спину и правую ногу, с трудом спускался по скоб-трапу, рискуя каждую минуту сорваться и разбиться вдребезги, однако он благополучно добрался вместе с остальными до центрального поста.

Находясь в центральном посту, флагманский штурман полковник Филипповский принял управление кораблем. Закопченный и окровавленный, в рваном кителе, он сразу стал распоряжаться, чтобы наладить связь с румпельным отделением и поставить руль прямо. Флаг-капитан ушел из центрального поста, но из-за полученных в голову ран совершенно потерял память и возможность соображать. Намереваясь отправиться на перевязку, он почему-то направился в батарею 75-миллиметровых орудий. Адмирал же направился наверх, отдав Филипповскому приказ держать броненосец на старом курсе. Верхняя палуба представляла из себя горящие развалины, и Рождественский не мог пройти дальше верхней батареи. В этот момент адмирал был снова ранен — осколок перебил ему щиколотку левой ноги. Теряя сознание от боли, адмирал Рождественский пытался поползти до правой 6-дюймовой башни. Какие-то матросы помогли командующему добраться до башни и усадили там на ящик с инструментами.

Сама башня уже была повреждена и не вращалась... Между тем капитан 2-го ранга Семенов, придя в себя после падения передней трубы, решил пройти на корму, чтобы узнать, что случилось с кормовой башней главного калибра. По верхней палубе из-за пожаров и обломков с носа на корму пройти уже было невозможно. Семенов попробовал пройти верхней батареей, откуда, через адмиральскую каюту, был прямой

выход на ют, но здесь штабное помещение было охвачено сплошным пожаром. Вернувшись назад, Семенов встретил быстро спустившегося по трапу лейтенанта Кржижановского. «Куда вы?» — «В румпельное отделение! Руль заклинило!» — крикнул на бегу Кржижановский. «Только этого и не хватало», — подумал Семенов, бросаясь наверх...

Закончив проверять энергооборудование броненосца, лейтенант Леонтьев встретил мичмана Демчинского, от которого узнал, что в руле какая-то неисправность и что туда послан лейтенант Кржижановский. Бросившись в рулевое отделение, Леонтьев застал там Кржижановского с несколькими матросами. Руль уже был поставлен прямо и соединен с паровой машинкой, работу которой как раз опробовали. Компаса в рулевом отделении не было, связи с боевой рубкой и центральным постом тоже.

Леонтьев опробовал электрический золотниковый провод и электрический рулевой мотор. Все работало исправно, но, поскольку в отделении не было компаса, Леонтьев решил провести в боевую рубку специально приготовленные провода, предназначенные для управления электрическим приводом руля из любого пункта корабля. «К разносу этих проводов тотчас же было приступлено. Выйдя наверх для указаний, как и куда вести проводники, я был снова сшиблен с ног разорвавшимся снарядом, осколок которого попал мне в правую ногу. Унтер-офицер Чебуров с другим матросом повели меня к перевязочному пункту, но по дороге, вытащив торчащий из ноги осколок, я сам стал ступать на ногу и после перевязки уже поднимался по трапу наверх, но возвратился обратно, так как меня потребовал к себе находившийся здесь же командир броненосца капитан 1-го ранга Игнациус, который меня спросил: «В чем дело?» Я доложил ему, что знал. У капитана 1-го ранга Игнациуса была перевязана голова. Тут же находились лейтенанты Свербеев и Новосильцев, мичман князь Церетелли и другие раненые. В этом помещении было очень много лежащих на палубе и рундуках тяжелораненых...»

Выбжав наверх, капитан 2-го ранга Семенов в первый момент не смог правильно сориентироваться.

«Недалеко справа, почти контркурсом, проходила наша эскадра. Особенно врезался в память «Наварин», который, должно быть, отстав, теперь нагонял, работая полным ходом и неся перед носом огромный бурун... Очевидно, «Суворов» раньше, чем послушаться машин, успел под действием заклиненного руля повернуть почти на 16 румбов. Линия нашей эскадры было очень неправильная и очень растянутая, особенно третий отряд. Головных я не видел — они у нас под ветром и заслонялись дымом пожара. В том же направлении находился и неприятель... На случай, если в бою «Суворов» выйдет из строя, миноносцы «Бедовый» и «Быстрый» должны были немедленно подойти к нему, снять адмирала со штабом и перевезти его на другой, исправный корабль. Однако, сколько я ни высматривал по сторонам — миноносцев не было... Сделать сигнал, но чем? Все средства сигнализации давно были уничтожены... Между тем, если мы за дымом собственного пожара почти не видели неприятеля, он нас хорошо видел и всю силу своего огня сосредоточил на подбитом броненосце, пытаясь добить его окончательно. Снаряды сыпались один за другим. Это был какой-то вихрь огня и железа... Стоя почти на месте и медленно разворачиваясь машинами, чтобы прийти на должный курс и следовать за эскадрой, «Суворов» по очереди подставлял противнику свои избитые борта, бешено отстреливаясь из уцелевших (уже немногих) орудий...»

«Суворов» был обезображен до неузнаваемости. Лишенный грот-мачты передней дымовой трубы, с уничтоженными кормовыми мостиками и рострами, охваченный пламенем по всей верхней палубе, с бортами, зиявшими пробоинами, он уже более ничем не напоминал флагманский корабль эскадры. Заволакиваемый клубами черного дыма, с остатками фок-мачты и теле державшейся задней трубой, «Суворов» издали теперь походил на силуэт японского крейсера типа «Мацусима». После попытки «Александра III» прорваться на север под хвостом у японцев «Суворов», ковьялявший в районе боя, прорезал линию русских кораблей и оказался между противниками. Задние русские корабли, не видевшие выхода флагманского

броненосца из строя, приняли его за противника и обстреляли. Обстрел прекращался по мере того, как сигнальщики с ужасом опознавали в этой гряде пылающего металла свой некогда могучий флагманский корабль.

С мостика «Орла» наблюдал за агонией флагманского броненосца капитан 2-го ранга Шведе: «В это время неприятельская эскадра, сильно обогнав нас, начала склоняться вправо, нажимая на голову нашей колонны.

Около 14.25 «Князь Суворов», сильно подбитый, начал поворачивать вправо и вышел из строя, описав циркуляцию около 16 румбов. Броненосец «Император Александр III», следовавший за ним в кильватер, увидев, что флагманский корабль не может управляться, лег почти на ост и, оставшись головным, повел нашу колонну... Наша эскадра, продолжая склоняться вправо, легла почти на зюйд. В это время «Князь Суворов» без грот-мачты и передней дымовой трубы, с половиною фок-мачты, с разрушенной кормовой 12-миллиметровой башней, с громадным пожаром на шканцах и шкафуте, по-видимому, успевший исправить свои повреждения и шедший на ост, прошел за нашей колонной и вышел на ее левую сторону. Неприятель же, разойдясь с нами, снова повернул «вправо вдруг» и, выстроившись в прежний строй, имея «Микаса» головным, догонял нас слева, идя параллельным курсом... Увидав «Суворов», неприятель сосредоточил на нем огонь. «Бородино», видя это, снова лег на ост, и наша колонна приблизилась к «Князю Суворову», отвечая с возможной энергией на огонь неприятеля. «Бородино», пройдя мимо «Суворова», оставил его с левого борта. «Князь Суворов» быстро отстал, и мы снова легли в зюйд-остову четверть, продолжая вести бой с неприятельской броненосной эскадрой, обгонявшей нашу колонну. Справа же шли и неприятельские броненосные крейсера, вероятно, обошедшие нашу колонну с тыла... Около 16.00 мы снова увидели «Суворов», который уже был без труб и без мачт, со сплошным пожаром от носовой до кормовой 12-миллиметровой башни. Он прорезал наш строй справа налево позади броненосца «Наварин» и перешел на

левую от нас сторону. Мы снова легли в остовом направлении. В это время на «Князь Суворов» производилась атака неприятельскими миноносцами. С «Орла» был открыт огонь всем левым бортом (кроме 12-миллиметровых башен, которые продолжали действовать на правый борт против броненосных крейсеров противника) по показавшимся миноносцам. Миноносцы, не выдержав огня, отошли, а слева из мглы снова показались неприятельские броненосцы...»

Находившийся на крейсере «Аврора» лейтенант Лосев, руководивший артиллерийским огнем своего корабля, внимательно следил за трагедией своего флагманского броненосца: «...В указанный момент «Суворов», жестоко страдавший от меткого и сосредоточенного града японских снарядов, был в положении, недалеком от трагического. С уничтоженными мачтами, при своем падении погубившими не одну человеческую жизнь, с пожаром, тоже, вероятно, стоившим многих жертв, и, кроме того, будучи ежеминутно расстреливаем сосредоточенным огнем японской артиллерии, «Суворов», все время сопровождаемый адскою канонадою, вырывавшей чуть ли не при каждом неприятельском выстреле целую кучу матросов, а равно и офицеров, еще недавно так героически шедших на последний решительный бой, «Суворов», как величественно задумчивый морской витязь, отягченный смертельными ранами, заботясь не о себе, а о шедшей за ним морской дружине, окрыленной надеждою «погибнуть или победить», медленно и торжественно шел в этой хаотической и адской сфере ужасного огня, изрыгаемого разъяренными жерлами японских орудий... «На броненосце «Орел» командир кормовой башни главного калибра мичман Щербачев получил по переговорной трубе приказ «не стрелять по судну справа, это «Суворов». Вся его средняя часть над коечными сетками была в огне. Дым стлался за ним, крыши кормовой 12-миллиметровой башни не было — оттуда шел бурый дым. Трубы его стояли, но передняя сильно наклонилась назад... Неприятель нас догонял, открыв снова огонь. В этот момент между неприятельской и нашей колоннами снова показался «Суворов». Он шел параллельным нам курсом, на расстоянии

10-15 кабельтовых. Грот-мачты и передней трубы на нем не было. Задняя еще стояла, но наклонившись. От носового мостика до кормовой 12-миллиметровой башни, под косчными сетками, шла непрерывная лента яркого огня.

«Суворов» был весь закутан серым, густым дымом. Неприятель, видимо, сосредоточил на нем огонь, так как вокруг него стали подниматься столбы от перелетов и недолетов. Мы повернули немного влево и приблизились к «Суворову», отвечая с возможной энергией на огонь неприятеля.

...В 16.20 (я посмотрел на часы) я снова увидел «Суворов», или, вернее, развалины его. Он шел слева, кабельтовых в 10-ти, параллельным курсом. Труб и мачт у него не было. От носовой 12-миллиметровой башни вплоть до самой кормы шел сплошной пояс огня и дыма. Из борта вырывались тоже огненные языки. Он не стрелял. Кабельтовых же в 35-ти шли броненосцы неприятеля параллельным нам курсом...»

На броненосце «Сисой Великий» лейтенант Овандер увидел, как «Суворов» шел вправо. В этот момент Овандеру подали бумажку с каким-то сигналом, полученным, видимо, по телеграфу, так как другим способом принять сигнал уже было невозможно. «Я находился у машинного телеграфа и разбирал сигнал, сидя на корточках. В рубке в это время шел разговор, что делать, эскадренный броненосец «Суворов» прямо держит на нас и уже очень близко, а «Жемчуг», кажется, собирается прорезать строй, пройдя у нас под носом, чтобы перейти на левую сторону. Разобрав сигнал: «Адмирал не управляется», я встал на ноги и увидел, что «Суворов» идет прямо на нас, уже очень близко, но чуть позади траверза, а потому инстинктивно взялся за ручки машинного телеграфа и сказал: «Надо дать самый полный вперед». Командир сказал на это: «Да, давайте», и я, согласно приказанию командира, три раза, один за другим, ставил ручки машинного телеграфа на полный ход. В машине, услышав тревогу, слыша звонки «полный ход», дали требуемый ход и мы проскочили у эскадренного броненосца «Суворов» под носом. Он прорезал наш строй, пройдя в нескольких саженях у нас за кормой, так что

эскадренному броненосцу «Наварин», чтобы избежать столкновения, пришлось свернуть на 12 румбов влево...»

С мостика броненосца «Генерал-Адмирал Апраксин» лейтенант Таубе внимательно следил за всеми событиями боя, хотя многого он и не видел, поскольку его корабль шел в хвосте колонны. «Около 15.15 с левой стороны виднеется горящий «Суворов», который находится между нами и неприятелем... «Александр III» меняет курс и мы проходим от «Суворова» в расстоянии от 10 до 15 кабельтовых, оставив его с левой стороны. На нем видны очень сильные разрушения, но ход «Суворов» имеет еще довольно большой и, видимо, следует за эскадрой...

В 16.30 с правой стороны опять увидели броненосец «Суворов», который сперва было приняли за неприятельский корабль. Он был уже весь объят пламенем и не имел больше ни труб, ни мачт. Наша эскадра около него прошла на этот раз довольно близко — около 5 кабельтовых. Он все еще имел ход и, кажется, попытался вступить в строй в конце нашей колонны, но ему это, по-видимому, не удалось и больше я его уже не видал...»

Находящемуся на крейсере «Адмирал Нахимов» мичману Энгельгардту трагедия флагманского корабля представлялась следующим образом: «Между эскадрами, в равном приблизительно расстоянии от обеих колонн, стоял разбитый «Суворов», без мачт и труб, весь в дыму. Его, должно быть, у нас приняли за японский броненосец, так как некоторое время по попаданиям снарядов видно было, что по нему пристреливаются. Но «Суворов» повернулся, показывая левый борт, которым он отстреливался от японцев, и огонь по нему прекратился с нашей стороны...»

Мичман Затурский с крейсера «Дмитрий Донской» был ошеломлен видом огненного смерча, бушевавшего над «Суворовым»: «Около 3 часов пополудни «Суворов» был выведен из строя, и было видно, как наши броненосцы, с «Александром» во главе, понемногу оставляли его за собой. Видя, что «Суворов» подбит, хотя и не потерял способности двигаться вперед, японцы сосредоточили на нем убийственный

огонь, и прошло не более получаса, как «Суворов» был превращен в страшно дымящийся костер, без мачт, без труб, без мостиков. Трудно было себе представить, чтобы такой стальной колосс мог так гореть...»

Командующий отрядом крейсеров контр-адмирал Энквист, увидев трагедию флагманского корабля, бросился было к нему на помощь с «Олегом» и «Авророй». Но, связанный боем и необходимостью охранять транспорты, вынужден был вернуться обратно. Находившийся в этот момент на кормовом мостике «Авроры» доктор Кравченко с трудом поверил своим глазам: «Мы не узнали «Суворова»: это был не корабль, а какая-то черная головня, окутанная дымом, с языками огня, выскакивавшими из полунортиков и пробоин. Мачты, обе трубы, все задние мостики, шканечные надстройки — все было снесено. Боевую рубку лизали огненные языки. То, что называлось броненосцем «Князь Суворов», стояло на месте, не двигаясь и...отстреливаясь от «Ниссин» и «Кассуги», потом куда-то вдаль (должно быть, от миноносцев) и еще от одного судна типа «Чин-Иен»...

Увидев «Олег» и «Аврору», «Ниссин» и «Кассуга» перенесли огонь на них. И был бы здесь славный конец двум зарвавшимся небронированным крейсерам, если бы не приближение наших броненосцев, также повернувших на обратный курс ... И вот сильно уже избитые броненосцы наши грудью прикрыли «Суворов» и стали описывать вокруг него круги... «Суворов», объятый дымом и пламенем, продолжал стоять на одном и том же месте. Вдруг он дал ход и двинулся, оставляя за собою в бок густое черное облако дыма. На следующем галсе «Аврора» увидела его уже вошедшим в строй и ищущим в кильватер «Ушакову». Каков молодец!..

Затем «Суворов» исчез, и за дымом и мглой его никак не удавалось открыть. На «Авроре» все спрашивали друг друга: «Где «Суворов»? Что с ним?» Заключение свелось к тому, что он остался где-то позади в беспомощном состоянии...»

Наблюдатели с «Авроры» ошиблись — «Суворову» не удалось занять место в строю за «Ушаковым». Находившийся на «Ушакове» мичман Дятлов около 16.00

увидел «Суворов»: «... показался на правом траверзе без труб и мачт. Он шел параллельно с нами, но вскоре отстал и скрылся из виду...»

На кормовом мостике «Микаса» капитан 1-го ранга Ватанабэ внимательно следил за «Суворовым» в бинокль. Офицер исторического отдела Морского Генерального Штаба Ватанабэ иероглифической скорописью заносил в свою записную книжку подробности боя, которые позднее легли в основу официальной японской истории войны на море: «Вышедший из строя «Суворов», охваченный пожаром, все еще двигался, но скоро под нашим огнем потерял переднюю мачту, обе трубы и весь был окутан огнем и дымом. Положительно, никто бы не узнал, что это за судно, так оно было избито. Однако и в этом жалком состоянии все же, как настоящий флагманский корабль, «Суворов» не прекращал боя, действуя, как мог, из уцелевших орудий... Флагманский корабль «Князь Суворов», выйдя из строя, шел зигзагами на север. Он снова подвергся огню наших кораблей. При этом на нем были разрушены все надстройки над верхней палубой, броненосец был покрыт дымом, и пламя вырывалось из пушечных портов. Поистине, картина была ужасная... «Суворов», поражаемый огнем обеих наших эскадр, окончательно вышел из строя. Вся верхняя часть его была в бесчисленных пробоинах, и весь он был окутан дымом. Мачты упали. Трубы упали одна за другой. Он потерял способность управляться, а пожар все усиливался... Но, находясь вне боевой линии, он все же продолжал сражаться так, что наши воины отдавали должное его героическому сопротивлению...»

«В таком истерзанном виде корабль уже не представлял никакой боевой ценности и только связывал маневрирование эскадры, которая не желала бросать своего адмирала. Броненосец окончательно лишился всех труб и надстроек, его пожары выбрасывали над грудой железного лома чудовищные языки пламени, напомилавшие извержение вулкана. От накаливания верхняя палуба на «Суворове» осела настолько, что придавила батарейную. Броневые плиты на бортах разошлись у ватерлинии, давая во многих отсеках течь. Но, несмотря на такие разрушения, корабль продол-

жал упрямо держаться на воде. Со стороны нельзя без содрогания смотреть на эту картину опустошения и смерти...»

Между тем на «Суворове» флагманский штурман полковник Филипповский, находясь в центральном посту управления в глубине корабля, пытался наладить управление броненосцем. Руль был поставлен прямо, рулевая машина работала исправно, но оказалось, что не действует передача к золотнику из центрального поста к рулевой машине. Пробовали перевести руль на электромотор, но и тот неожиданно отказал. Стали править рулем из рулевого отделения паровым золотником вручную, но оказалась, что из центрального поста в рулевое отделение невозможно передать приказаний: переговорных труб в рулевое отделение не было, телефон не действовал, а так называемые электрические приказатели вышли из строя. Полковник Филипповский пробовал установить голосовую передачу ЦП и рулевым отделениям, но двое рулевых, посланные один за другим, были убиты на батарейной палубе. «Управляясь с машинами, старался удержать броненосец на курсе норд-ост-23, но при рыскливости броненосца очень трудно было удержать его, хоть самое непродолжительное время, на курсе, так что надо считать, что с трех до пяти часов броненосец держался на месте, катаясь до 10-12 румбов в обе стороны от курса...» Флагманский штурман продолжал прилагать все усилия, чтобы наладить управление кораблем и организовать командование, взяв фактически на себя роль командира. Около 16.00 инженер-механик Федюшин доложил Филипповскому, что броненосец получил пробоину над левым подводным минным аппаратом. В отделение минных аппаратов поступает вода. Полковник Филипповский приказал задраить «все, что только возможно» и убрать из этих отсеков людей. Затем Филипповскому доложили, что над правым погребом 75-миллиметровых снарядов бушует сильный пожар, горящие обломки и искры сыпятся в погреб, а тушить пожар некому. Полковник приказал ревизору броненосца лейтенанту Орнатову затопить погреб...

Лейтенант Кржижановский покинул рулевое отделение и хотел вернуться в боевую рубку, пройдя через

офицерское отделение. «По правому борту от нескольких кают ничего не осталось. Огромные пробоины выше человеческого роста позволяли видеть большую часть горизонта. Палуба была покрыта обломками дерева и железа. Слышно было журчание воды. Огонь неприятеля почти прекратился. Ко мне подошел один из нижних чинов с просьбой помочь остановить воду, бьющую струей из какой-то перебитой трубы. Я обещал вызвать трюмных. У трапа вниз встретил флаг-капитана, который сказал, что адмирал, флагманский штурман и он спустились по трубе в центральный пост, и управление теперь ведется оттуда. Флаг-капитан просил меня вызвать доктора к нему наверх, но так как доктор был очень занят, то мне пришлось упростить флаг-капитана спуститься вниз для перевязки. В перевязочном пункте я видел раненых командира, лейтенанта Свербеева, Новосильцева и мичмана Козакевича. Так как двое трюмных, которых я там нашел, куда-то скрылись, то, по просьбе командира, мне пришлось самому отправиться в машину и доложить о перебитой трубе старшему механику. В машине все было исправно, только в левой машине погасло электричество и приказания из центрального поста передавались по переговорной трубе. Старший механик спросил меня о подводной пробойне и о положении наверху. Я сообщил ему все, что знал, и попросил передать в центральный пост о том, что руль поставлен прямо...»

Капитан 1-го ранга Клапье-де-Колонг не помнил, как оказался у одного из полупортиков 75-миллиметровой батареи правого борта. Орудия были разбиты или сброшены со станков. Броненосец имел крен на левый борт. Через открытые порты захлестывала волна, держась на палубе вдоль левого борта корабля. Все помещение батареи было «исковеркано до неузнаваемости и переполнено листами железа. Везде следы пожара, трапы изломаны, много дыму». Слышались взрывы рвущихся снарядов.

В орудийный портик флаг-капитан увидел, что «Суворов» идет прямо на проходящую у него под носом линию эскадры противника. Появившийся в этот момент лейтенант Кржижановский отвел капитана 1-го

ранга на пункт первой помощи, где доктор Матавкин сделал ему перевязку...

Находившийся на остатках носового мостика капитан 2-го ранга Семенов увидел, что броненосец разворачивается кормой против ветра. Дым и пламя с горящих роств хлынули прямо на мостик, с которого Семенов пытался разглядеть, не появятся ли миноносцы, чтобы снять с разбитого флагманского корабля адмирала и штаб. В этот момент капитан 2-го ранга оказался в непроницаемом дыму. «Раскаленный воздух жег лицо и руки, едкая гарь слепила глаза, дышать было нечем. Надо было спастись, и притом спастись, идя навстречу пламени, так как вперед, на бак, схода не существовало. Одно мгновение у меня мелькнула мысль соскочить с мостика на носовую 12-миллиметровую башню, но ориентироваться, выбрав место и направление для прыжка, было невозможно... Как я вылез из этого пекла? Может быть, кто-нибудь из команды, ранее видевший меня на мостике, выволок? Как я попал на верхнюю батарею, на знакомое место, к судовому образу — совершенно не помню и не могу себе представить... Отдышавшись, выпив воды и промыв глаза, я осмотрелся. Здесь было совсем уютно. Большой киот судового образа оставался невредимым и, по-видимому, кроме первого шального снаряда, уничтожившего временный перевязочный пункт, ни одного больше не залетало в этот укромный уголок. Тут же стояло несколько человек команды. Среди них я признал нескольких сигнальщиков Демчинского и спросил о нем. Ответили, что ранен и ушел на перевязку... Позади средних 6-миллиметровых башен уже начинал разыгрываться пожар. Туда мы и пошли. Начали растаскивать горящие предметы и выбрасывать их за борт через гигантские пробоины. Нашли уцелевший пожарный кран, даже обрывок шланга (без пипки), появились ведра. Работали молча и сосредоточенно, словно делали серьезное дело. Между тем мы тушили здесь какую-то рухлядь, а рядом, за тонкой, раскаленной стальной переборкой, отделявшей нас от штабного помещения, бушевал настоящий пожар, рев которого слышался временами даже среди шума битвы... Иногда кто-нибудь падал и либо оста-

вался лежать, либо поднимался и шел или полз к трапу, ведущему вниз. На него даже не смотрели: не все ли равно? — одним больше, одним меньше!..»

Занимаясь этим в общем-то бессмысленным делом, капитан 2-го ранга Семенов неожиданно вспомнил, что в вихре пламени осталась боевая рубка со всем командованием броненосцев и эскадры. Что там происходит и может ли он чем-нибудь помочь? «Я бросился наверх. Усталость, угнетенное состояние духа исчезли бесследно. Мысль заработала с поразительной ясностью. Я мгновенно сообразил, что дым заносит в пробоины левого борта, а значит, правая сторона — наветренная, и направился туда. Не без затруднений вылезая через развороченный люк на верхнюю палубу, я едва узнал то место, где еще недавно мы стояли с Демчинским. Тут, как говорится, ступить было некуда: сзади — провалившиеся, костром пылающие ростры, впереди — груды обломков. Трапа на мостик не существовало. Все правое крыло мостика было разрушено и даже проход под мостиком на другой борт был завален. Пришлось опять спуститься вниз и снова подняться, уже на левую сторону. Здесь было несколько чище. Ростры хотя и горели, но не рассыпались такой безобразной кучей, как справа. 6-дюймовая башня, видимо, вполне исправная, поддерживала энергичный огонь. Трап на мостик был цел, но завален горящими койками. 5-6 человек команды, неотступно следовавших за мной и тоже вышедших наверх, деятельно принялись по моему приказанию растаскивать эти койки и тушить их в воде, стоявшей на палубе. Вдруг где-то близко и особенно резко звякнул снаряд. Кругом запрыгали и застучали осколки... Когда дым рассеялся, из 6-миллиметровой башни торчала только одна, как-то беспомощно вверх задранная пушка... Из броневой двери высунулся командир башни лейтенант Данич: «У меня — конечно: одной — снесло дуло, у другой — разбита...» Я подошел и заглянул в дверь. Из прислуги двое лежали, странно свернувшись, а один сидел, неподвижно глядя широко открытыми глазами и обеими руками держась за развороченный бок...» Узнав, что Семенов хочет пробраться в боевую рубку, лейтенант Данич ответил: «Там —

никого. Сейчас прошел Богданов. Рассказывал — все перебито, пожар, все ушли. Он вышел — мостик разбит — провалился. Удачно — прямо ко мне. Цел». «В это время опять совсем близко раздался взрыв, и что-то не сильно и не больно ударило меня сзади по правой ноге. Я обернулся. Никого из моих людей не оставалось на палубе. Были они перебиты или просто ушли вниз?.. От правой ноги по палубе расходилась лужа крови, но боли не было. Когда в самом начале сражения маленький осколок попал мне в поясницу — это было больно, но теперь — никакого впечатления... (Потом уже, в госпитале, когда меня повсюду таскали на носилках, я понял, почему во время боя не было слышно ни стонов; ни криков. Это уж после приходит. Очевидно, все наши чувства одинаково имеют строгие пределы для восприятия внешних впечатлений, и глубоко правильно на первый взгляд нелепое изречение: так больно, что вовсе не чувствуешь, так ужасно, что совсем не боишься...)

Миновав верхнюю и нижнюю батареи, я спустился в жилую палубу (под броневой), где был главный перевязочный пункт, но невольно попятился назад к трапу... Жилая палуба была полна ранеными. (Возможно, что здесь их было больше, чем на всей японской эскадре.) Они стояли, сидели, лежали. Иные на заранее приготовленных матрацах, иные на спешно разостланных брезентах, иные на носилках, иные просто так... Здесь они уже начинали чувствовать. Смутный гул тяжелых вздохов, приглушенных стонов разливался в спертom, влажном воздухе, пропитанном каким-то кислым, противно-приторным запахом. Свет электрических люстр, казалось, с трудом пробивался через этот смрад. Где-то впереди мелькали суетливые фигуры в белых с красными пятнами халатах. И к ним поворачивались, к ним мучительно тянулись, от них чего-то ждали все эти искалеченные люди... Я не стал дожидаться очереди, не захотел пробираться вперед других, но быстро поднялся в нижнюю батарею и здесь столкнулся с флаг-капитаном. Голова у него была перевязана — три осколка в затылке...» Рассказав вкратце Семенову об эвакуации боевой рубки, капитан 1-го ранга Клапье-де-Колонг приказал изменить курс на 8

румбов вправо, затем еще на 2 румба и еще на 2 румба вправо, пытаюсь поставить «Суворова» в линию русских судов позади броненосца береговой обороны «Адмирал Ушаков». Приказы флаг-капитана подавали в центральный пост полковнику Филипповскому мичман Демчинский и прапорщик Курсель. В нижней батарее настоящего пожара еще не было — он шел сверху, но через люки, развороченные дымовые кожухи и пробоины в средней палубе вниз валились горящие обломки и то тут, то там происходили мелкие возгорания. Вспыхнул пожар у боевой станции беспроволочного телеграфа, заблокированной угольными мешками. Огонь начал угрожать скученным из-за повреждения рельсов подачи тележкам с 75-миллиметровыми снарядами. Под руководством капитана 2-го ранга Семенова пожар удалось порушить, снаряды выбросили за борт. Два небольших осколка угодили Семенову в бок, он был ранен в левую лопатку, но остался в строю...

Покинув машинное отделение, лейтенант Кржижановский поспешил наверх. Когда он подходил к трапу, ведущему на перевязочный пункт, палубой выше разорвался снаряд, уничтожив целую группу людей, около сорока человек, толпившихся между каютами у трапа. «Я должен сознаться, что в этот момент нервы не выдержали. Я совершенно безотчетно, как-будто мной руководила посторонняя сила, повернул обратно и спустился опять в машину. В это время наверху раздался опять треск и мимо меня по трапу пролетел большой осколок с ярко горевшим составом. Конечно, я тотчас же опомнился и бросился наверх, тем более, что офицерское отделение запылало. Внизу огонь был небольшим. Горели сильно какюты штаба палубой выше, но туда нельзя было подняться и пришлось их заливать снизу. У меня работало только два человека с одним шлангом. За это время палубой выше разорвалось несколько снарядов. Один снаряд разорвался и в нашем отделении, ранив одного матроса и перебив шланг в нескольких местах. У меня осколок пробил сапог, сорвал кожу с двух пальцев и вылетел. Первое время мне казалось, что пальцы оторваны, но так как они сгибались и крови не было, то я решил

не обращать на это внимания. Матрос тоже не пошел на перевязку. Мы продолжали работать, но струя воды была очень слабая, огонь все разгорался и, наконец, мы отступили перед ним в батарею 75-миллиметровых орудий. Здесь было около 20-30 человек, которые поспешно передвигали беседки с 75-миллиметровыми снарядами к носу, где, впрочем, тоже был виден огонь в нескольких местах. Полупортики были разбиты и волна все время вкатывалась на выпуклую броневую палубу и скатывалась обратно. Однако часть воды могла сквозь небольшие пробоины и другие отверстия вливаться внутрь и затоплять корабль. Я поспешно направился в центральный пост, чтобы предупредить адмирала об угрожающем положении корабля, но не мог найти прохода. Груды обломков с обеих сторон судна преградили путь. На правой стороне вдобавок были нагромождены беседки со снарядами. Огонь неприятеля опять затих. «Суворов» тоже молчал. Изредка рядом раздавались взрывы рвущихся от пожара 75-миллиметровых снарядов, но эти взрывы — как хлопанье хлопущек по сравнению со взрывами настоящих снарядов. Команда продолжала работать в непосредственной близости от этих снарядов, заботясь, главным образом, об удалении целых беседок с 75-миллиметровыми снарядами. На верхнюю палубу вел один трап, но он был у меня за спиной и окруживший его огонь не позволял к нему пробраться. Здесь, в батарейной палубе, я последний раз, встретился с Богдановым, который сказал мне, что есть проход по самому правому борту. Однако из-за изменения курса весь дым, который был сзади, сразу заполнил все отделение. Нельзя было дышать, воцарилась полная тьма, в которой мелькали огоньки. Раздумывать было нечего. Я бросился в огонь, добрался до трапа и выскочил на верхнюю палубу. Тут решительно все было исковеркано, жар невыносимый, всюду пламя. Палуба слегка прогнулась, местами прогорела. Всюду обгоревшие тела. Бегом между языками пламени я искал выход и случайно очутился против двери правой 6-миллиметровой башни. Заглянув в башню, я увидел там адмирала, сидящего возле правой пушки. Адмирал приказал мне вызвать комендоров и стрелять. Однако

башня уже не вращалась, подача была испорчена, а впереди никого не было видно. Вообще внутренность башни была в таком виде, что стрельба казалась более опасной для себя, чем для неприятеля. На всякий случай я вышел, чтобы позвать сведущих людей привести башню в исправность. Войти внутрь броненосца уже нельзя было — там был сплошной огонь. На нос пройти было тоже невозможно — горели свалившиеся коечные сетки. Я пошел на ют посмотреть, где наши суда и неприятель. Было около 15.30... На юте я увидел 12-миллиметровую башню, с которой крыша была сорвана и сброшена вперед на левую сторону. Орудия в башне стояли не параллельно. Спардек весь пылал. Остался обрубок грот-мачты, остальное все было разрушено. Подняв воротник тужурки, поднялся к левой 6-миллиметровой башне (правый трап был сорван). Снаружи башня была цела, но к ней нельзя было прикоснуться, так она была накалена. С кормы раздалась выстрелы. Спустившись на ют, совсем близко, кабельтовых в трех-четыре, увидел 4 неприятельских четырехтрубных миноносца. По ним изредка стреляла одна 75-миллиметровая пушка с кормы. Они изредка тоже отвечали...»

В 15.22, продолжая двигаться в северо-западную четверть, отряд японских броненосных крейсеров адмирала Камимура неожиданно среди тумана обнаружил «Князя Суворова», окутанного дымом и пламенем. Камимура открыл по русскому флагману огонь в упор с расстояния около 2 000 метров. Крейсер «Якумо» выпустил в «Суворов» торпеду. Видя беспомощность русского броненосца, отряд Камимуры прекратил по нему огонь и передал через овизо «Чихая» приказ атаковать «Суворов» миноносцами 5-го отряда капитана 2-го ранга Хирозе. «Чихая», шедший в хвосте отряда Камимуры, передал приказ на миноносцы 5-го отряда, и сам в 15.24 с расстояния 1 600 метров выпустил в «Суворов» две торпеды. С «Чихая» заметили взрыв, а затем столб воды и дыма, поднявшийся у борта «Суворова». Авизо хотел продолжить атаку, но, попав под обстрел уцелевших орудий «Суворова» и подходящих кораблей русской эскадры, получил три снаряда, от взрыва одного из которых образовалась подводная

пробоина в угольной яме. «Чихая» вышел из боя, чтобы исправить повреждения и вернулся в строй только после захода солнца. Получив приказ с «Чихая», командир 5-го отряда истребителей капитан 2-го ранга Хирозе с миноносцами «Сирануи», «Маракумо», «Югири» и «Кагеро» лихо прошел под носом крейсеров Камимуры и, прорезая высокие волны, бросился в атаку на «Суворов». Сблизившись до расстояния 400-800 метров и идя параллельным с «Суворовым» курсом, каждый из японских миноносцев выпустил в агонизирующий русский броненосец по торпедe. С японских миноносцев ясно видели попадания «по крайней мере двух торпед». «Кагеро» и «Югири» открыли огонь по «Суворову». Как и авизо «Чихая», миноносцы 5-го отряда попали под огонь русской эскадры и спешно отошли. На отходе в миноносец «Сирануи» попали два снаряда, убив четырех и ранив шестерых матросов...

Из портов правой батареи за уходом японских миноносцев и подходом своих кораблей наблюдал капитан 2-го ранга Семенов: «Мы могли теперь хорошо видеть «Александра», который был у нас почти на траверзе и держал прямо на «Суворов». За ним следовали остальные. Расстояние уменьшалось. В бинокль уже отчетливо были видны избитые борта броненосца... Следующим шел «Бородино», сильно горевший. Японцы уже успели выйти вперед и завернуть на пересечку. Наши подходили справа — они же оказались слева от «Суворова». Стреляли и в нас, и через нас. Наша носовая 12-миллиметровая башня (единственная до сих пор уцелевшая), принимала деятельное участие в бою. На падающие снаряды не обращали внимания. Меня ранило в левую ногу, но я только досадливо взглянул на рассеченный сапог. Затаив дыхание, все ждали. По-видимому, вся сила огня японцев была сосредоточена на «Александре». Временами он казался весь окутан пламенем и бурым дымом... Расстояние не больше 10 кабельтовых... «Александр» круто ворочает вправо (был ли этот поворот намеренным или случайным — вследствие повреждения рулевых приводов — навсегда осталось тайной), почти на обратный курс, и уходит... За ним «Бородино», «Орел» и другие... Глухой ропот пробежал по батарее: «Бросили! Уходят! Сила

не взяла!» — раздавались отрывочные восклицания среди матросов... Они, эти простые люди, конечно, думали, что наша эскадра возвращается к «Суворову», имея целью его выручить. Их разочарование было тягостно, но еще тягостнее было тем, кто понимал истинное значение происходившего... Беспощадная память, неумолимое воображение так ясно, так отчетливо воссоздали перед моими глазами другую, такую же ужасную картину: так же снешно, в таком же беспорядке уходили на северо-запад наши броненосцы 28 июля после сигнала князя Ухтомского...

Рядом со мною стоял Богданов. Мы переглянулись и, кажется, поняли друг друга. Он уже хотел сказать что-то, но вдруг остановился, потом оглянулся и промолвил деланно-равнодушным тоном: «А ведь у нас порядочный крен на левую!» «Да, градусов восемь будет», — согласился я и, вынув часы и записную книжку, отметил: «3 часа 25 минут пополудни. Сильный крен на левую. В верхней батарее большой пожар»... После поворота «Александра» японцы тоже повернули «все вдруг» на 16 румбов. Идя обратным курсом, японцы проходили у нас под носом, и с «Суворова» казалось, что это мы идем вразрез их колонны, повернув вправо за нашей эскадрой. Конечно, не более, как самообман: управляясь машинами, да еще не по окрестным предметам, а по компасу из боевого поста, мы никуда не шли, а только ворочались вправо и влево, оставаясь почти на одном месте. Проходя мимо, неприятель, разумеется, не упустил случая сосредоточить огонь на упрямом корабле, который не хотел тону ь. Кажется, в это время была подбита наша последняя башня — носовая 12-дюймовая... Один снаряд так удачно попал в порт четвертого с носу 75-миллиметрового орудия нижней батареи левого борта, что, неся орудие, еще пробил и броневую палубу. Вода, захлестывавшая, вследствие крена на левую, в разбитый борт, не стекала обратно, а лилась через эту пробоину в жилую палубу, что представляло серьезную опасность. Богданов первый обратил на нее внимание, и мы начали складывать из мешков (и чего попало под руку) нечто вроде бруствера, ограждающего дыру от притока воды. Говорю «мы», потому что в это время

немногочисленная команда, оставшаяся на батарее, не отзывалась ни на какие приказания. Люди в каком-то оцепенении жались по углам. Приходилось вытаскивать их чуть не силой и подавать пример, работая собственными руками. К нам присоединились пришедший откуда-то флагманский минер лейтенант Леонтьев и Демчинский. Последний мог действовать только силой убеждения, так как кисти обеих рук у него были забинтованы. В этот момент капитан 1-го ранга Клапье-де-Колонг попросил провести его на срез к адмиралу. Писарь Матисен проводил флаг-капитана на срез». «Который тогда был час — не знаю. Войдя на срез, увидел в средней 6-миллиметровой башне адмирала, сидящего в забытьи. Сам остался на срезе, который оказался наветренным, и огня и дыма туда почти не попадало. Кроме меня туда на срез пришло человек пять нижних чинов штаба. Послал ли я писаря Фин или он уже был в башне, не помню, но приказывал ему передавать через переговорные трубы из башни в центральный пост управления машинами для привода «Суворова» к своим броненосцам, стараясь все же оставить срез наветренным, чтобы от огня и дыма не скрылись бы совсем наши корабли. Горели паровые и минные катера, местами горела шпаклевка борта, и сам борт казался серым. С кормы, с правой стороны очень недалеко видел три или четыре неприятельских миноносца. Пришел на срез лейтенант Кржижановский. Из-под носа и кормы «Суворова» начали одно за другим выходить наши суда -порядка не помню, но вид их не имел вида избитых судов... В этот момент почему-то закричали «Ура!» и часть команды ринулась наверх...»

Крики «Ура! Японский броненосец персвернулся!» заставили броситься наверх лейтенанта Леонтьева. Все кричали «Ура!». Прислуга малокалиберной артиллерии и способные двигаться раненые ринулись наверх. Вместе с ними выбежал наверх командир броненосца капитан 1-го ранга Игнациус, вызвав с собою лейтенанта Дандич. «Выходившей наверх командой я был прижат к рундуку у самого трапа, на котором лежал тяжелораненый священник. Он стал меня просить, но не успел договорить, как над самым трапом разорвал-

ся снаряд. Трап был совершенно разбит и завален телами убитых. На палубе лежал с перерезанным горлом мичман Кульков, а я снова получил в правую ногу три небольших осколка и был отброшен назад газами вместе с минным унтер-офицером Чебуровым и матросом Бардиным. В это помещение сверху через шахты сыпались искры и головни, обжигавшие лежащих здесь раненых и очень дымившие. Заливали эти пожары при помощи имеющихся здесь шлангов. Оба доктора перевязывали все время раненых. Им помогал корабельный инженер Политовский...»

Около 15.30 крики «Ура!» с палубы, облетевшие весь корабль, услышал возвращающийся из центрального поста мичман Демчинский. «Из жилой палубы ринулись наверх люди. Этот минутный подъем духа дал возможность направить часть команды для закидывания полупортиков мешками, а часть направить наверх для тушения пожара. Но несчастье и тут не покинуло нас. Не успела толпа в 20-30 человек столпиться у трапа, пытаясь пройти наверх, как снаряд попадает в самое отверстие трапа и укладывает на месте человек 10-15. Причем тут же убит командир и один из офицеров. Лицо и вся фигура этого офицера столь обезображены, что нельзя даже узнать, кто это был. По показаниям одних, это лейтенант Свербсев, по показаниям других — это лейтенант Данчич. Конечно, минутный подъем духа моментально сменился на полную панику...»

Услышав крики «Ура», капитан 2-го ранга Семенов подумал, что сходит с ума. «В 3 часа 40 минут по батарее, а затем и по всему броненосцу пронеслось торжествующее «Ура!» Где и кто закричал его впервые? Кому что померещилось? — осталось неизвестным... Передавали, будто откуда-то видели, как пошел ко дну японский корабль. Иные утверждали даже, что не один, а два! Во всяком случае, этот торжественный крик внезапно и резко изменил настроение команды: стряхнул угнетение, вызванное зрелищем расстрела «Александра» и ухода эскадры. Люди, только что прятавшиеся по углам, глухие к приказаниям и даже просьбам офицеров, теперь сами бежали к ним с вопросами: «Куда идти? Что делать?» Слышались даже

шутливые восклицания: «Ходи! Ходи веселей! Не боись! Это 6-дюймовые! Чемоданы все вышли!» Действительно, с удалением главных сил нас расстреливали только легкие крейсера адмирала Дева, а это в сравнении с прежним было почти неощутимо... Капитан 1-го ранга Игнациус, после перевязки второй раны в голову оставшийся в жилой палубе, конечно, не выдержал этого момента и, не слушая докторов, бросился по трапу на батарею с криком: «За мной, молодцы! На пожар! На пожар! Только бы одолеть пожар!» К нему хлынули разные нестроевые, находившиеся в жилой палубе (санитарные отряды) и легкораненые, уже бывшие на перевязке... Шальной снаряд ударил по люку, и, когда дым рассеялся, ни трапа, ни командира, ни окружавших его людей — никого не было... Опомнившись от впечатления взрыва, мы бросились на помощь. Но помогать было некому. Перед нами была груда чего-то... С трудом выволокли одного, подававшего слабые признаки жизни. Командира не нашли — уж очень надо было раскапываться, ища какой-нибудь уцелевший погон или сапог. Несколько в стороне лежал свернувшийся кольцом железный трап, и в нем, как запеленатое, чье-то тело. По кителю видно — офицер. Снесено полголовы. Кто такой? — разобрать трудно. По некоторым приметам (главным образом по небольшой русской бороде) решили, что лейтенант Данич. Зачем-то пробовали было разогнуть трап, освободить тело из тисков, — оказалось не под силу. Так и оставили его лежать в железных пеленках...

Этот кровавый эпизод (один из сотни других) не расхолодил однако же настроения команды. В нижней батарее, где за недостатком рук начали чаще и чаще заниматься пожарами, появились люди, закипела работа... Из судовых офицеров, кроме Богданова, прибежал еще лейтенант Вырубов. Молодой, рослый, здоровый, в кителе нараспашку, он всюду бросался в первую голову, и один его окрик: «Навались! Не сдавай!» — раздававшийся среди дыма и пламени, казалось, удваивал силы работающих... Приходил ненадолго Зотов, раненный в левый бок и руку. Видимо, бродил через силу. Скоро ушел куда-то, сказав: «Николай Иванович (Богданов) вступил в командование»... Выглядывал

из жилой палубы мичман князь Церетелли, спрашивал: «Как дела?» Конечно, ответил ему, что идет взаимная разделка, что нам «попало», но зато и «им» здорово влетело, а чем кончится — еще неизвестно. Он, успокоенный, сполз по трапу под броневую палубу. Пронесли мимо, вторично и тяжело раненного Козакевича, потом капельмейстера старика Дитша... появился откуда-то мой вестовой Матросов, и чуть не силой стал тащить меня на перевязку. Едва от него отделался, приказал прежде всего принести мне папирос из каюты. Он бойко крикнул: «Есть, ваше высокоблагородие!» и убежал. Больше мы не виделись...»

В этот момент русская эскадра на некоторое время скрылась во мгле. Опустившийся туман отделил противников друг от друга. Было 16.15. Бой главных сил прекратился. Адмирал Камимура некоторое время продолжал, преследуя русскую эскадру, уклоняться вправо и в 16.17 лег на юго-восточный курс. В 16.27 Камимура повернул на юго-запад, но русской эскадры так и не обнаружил. Зная, что 1-й боевой отряд адмирала Того ушел на север, Камимура также развернул свои броненосные крейсера на северо-запад, чтобы не разойтись со своим командующим. При выполнении этого маневра адмирал Того приказал через подбитый авизо «Чихая» 4-му отряду истребителей капитана 2-го ранга Судзуки атаковать «Князь Суворов», который шел некоторое время курсом, параллельным русской эскадре, держась левее ее, ближе к противнику, прорезав около 16.15 линию эскадры впереди «Сисоя Великого». В 16.25, получив приказ с «Чихая», капитан 2-го ранга Судзуки повел свои миноносцы «Асагири», «Мурасаме», «Асасиво» и «Сиракумо» в атаку на «Суворов». В это время на русском флагманском броненосце уже не было мачт и труб, он был весь охвачен пламенем и окутан черным дымом, но все-таки уходил с почти 10-узловой скоростью, отстреливаясь из одной кормовой пушки. Заметив приближение миноносцев, «Суворов» внезапно повернул вправо, уклоняясь от возможной атаки. В тучах брызг от крутой встречной волны, миноносцы Судзуки пошли в атаку с носовых курсовых углов левого борта «Суворова». В 16.45 «Асагири», «Мура-

саме» и «Асасиво», сблизясь с «Суворовым» до 600 метров и идя параллельным с ним курсом, выпустили по торпедо в пылающий корпус русского флагмана. Повернув на обратный курс, «Асагири» и «Мурасаме» сблизились на этот раз с «Суворовым» до 300 метров и выпустили в него еще по торпедо. С миноносцев снова ясно видели попадание торпеды в кормовую часть левого борта броненосца — поднялся столб воды, и «Суворов» сразу накренился градусов на 10. Концевой миноносец «Сиракумо» также вышел в точку выпуска торпед, но, видя, что «Суворов» полностью потерял боеспособность, не стал выпускать торпеду и с тремя другими миноносцами вышел за пределы дальности огня «Суворова» и «других кораблей русской эскадры». В «Асагири» попал снаряд, ранив одного матроса и сделав полуподводную пробоину, которую быстро заделали. 3-й отряд истребителей капитана 2-го ранга Иосидзима также пытался пойти в атаку на «Суворова», его отогнали появившиеся из тумана крейсера «Олег» и «Аврора»...

«По орудиям! Миноносцы подходят! По орудиям!» — понеслось по палубе «Суворова»... Легко было сказать — «По орудиям!». Из всех 13 75-миллиметровых пушек нижней батареи оказалась неподбитой только одна с правого борта... Впрочем, и ей не пришлось стрелять на этот раз. Миноносцы осторожно приблизились к нам с кормы (по японским сведениям, это было в 16.20), но в кормовом плутонге (позади кают-компании) еще уцелела 75-миллиметровая пушка. Волонтер Максимов, принявший командование плутонгом после гибели в самом начале боя мичмана Фомина, открыл по миноносцам частый огонь, а те, увидев, что эта странная избитая посудина все еще огрызается, ушли, выжидая более благоприятного времени...» Вероятно, вид этого объятая пламенем и дымом броненосца, который представлял собой гигантский костер, но шел 10-узловым ходом и продолжал стрелять из единственной уцелевшей пушки, был еще настолько внушительным, что из выпущенных по нему почти в упор полутора десятков торпед не попала ни одна. «Видя беспомощное состояние корабля, противник решил добить его минными атаками. Из-за линейных

кораблей на «Суворов» бросился дивизион миноносцев. Но израненный лев еще сохранил достаточно сил, чтобы отогнать шакалов, раньше времени явившихся за добычей. Развернувшись с помощью машин правым бортом, он встретил их огнем из оставшихся орудий и отбил атаку, показав несколько уцелевших клыков» — патетически рисует этот эпизод Новиков-Прибой...

Но «израненный лев» был не один. Еще более слабые клыки, чем его собственные, помогли «Суворову» отогнать «шакалов» капитана 2-го ранга Судзуки. Те на борту «Суворова», кто еще не окончательно потерял голову, заметили, что справа от броненосца появилась плавмастерская «Камчатка», ведя огонь по миноносцам противника из своих ничтожных 47-миллиметровых орудий. «Камчатка», скандальная «Камчатка», спровоцировавшая «Гулльский инцидент», постоянно задерживавшая эскадру своими бесчисленными поломками, «Камчатка», против которой выдвигалось обвинение, что проникшие на нее японские шпионы сознательно срывают подход эскадры, неуклюжая, грязная плавмастерская с 400 вольнонаемными рабочими на борту, эта самая «Камчатка» огнем своих игрушечных пушечек пыталась облегчить агонию своего тяжело умирающего флагманского броненосца. В начале боя «Камчатка» находилась с остальными транспортами в хвосте колонны под охраной крейсеров контр-адмирала Энkvиста. Отряды японских легких крейсеров, зайдя с тыла, обрушились на колонну беззащитных транспортов. Те пытались укрыться за своими крейсерами, но вскоре крейсера сами стали прятаться за транспорты. Командир «Камчатки» капитан 2-го ранга Степанов и его старший офицер лейтенант Никонов были офицерами, достойными гораздо лучшего назначения. Их опытность и энергию подчеркивает уже тот факт, что они довели эту преступно-халтурно сработанную Новым Адмиралтейством посудину до Цусимы через три океана. Когда транспорты, как обезумевшее стадо коров, стали шароухаться то в одну, то в другую сторону, от линии своих крейсеров, которых японцы поставили в два огня, капитан 2-го ранга Степанов увидел, в каком состоянии находится флагманский броненосец. Уцелевшие с «Камчатки»

рассказывают, что капитан 2-го ранга Степанов, взбешенный тем, что русские крейсера в ходе боя стали прятаться за охраняемые ими транспорты (а затем просто бросили их и полным ходом ушли в Манилу), решил показать пример мужества и полным ходом повел свою плавмастерскую на помощь пылающему, окутанному клубами густого черного дыма флагманскому броненосцу своей эскадры; с «Суворова» этого, конечно, не видели, но противник сразу же заметил выход из толпы (именно из толпы, а не из строя) транспорт «Камчатка» и понял намерения героической плавмастерской.

Японские крейсера сосредоточили свой огонь на «Камчатке». Первым снарядом ей сбило мачту, второй разорвался в районе офицерских кают, третий, пробив палубу, разорвался между машинами. «Камчатка» продолжала идти к «Суворову», окруженная столбами воды от падающих вокруг японских снарядов. С «Камчатки» видели атаку миноносцев капитана 2-го ранга Судзуки на «Суворов» и открыли по ним огонь, продолжая полным ходом идти на помощь своему флагману. В этот момент очередной снаряд противника, пробив борт «Камчатки», уничтожил один из цехов и вывел из строя цилиндр высокого давления. Обе машины встали. Доблестная плавмастерская беспомощно закачалась на волнах, лишившись хода всего в 4-5 кабельтовых от «Суворова». Противник продолжал огонь, и в стоящую «Камчатку» попал еще один снаряд, разорвавшийся в кормовой кочегарке. Взрывом была перебита главная паровая магистраль и вспомогательные паропроводы. В кормовой кочегарке погибли все, из носовой — двоим удалось выскочить наверх. Но «Камчатка» продолжала отстреливаться...

А на «Суворове» неугомонный капитан 2-го ранга Семенов решил выяснить степень оставшейся боеспособности броненосца. «В нижней батарее оказалось команды человек 50 самых разнообразных специальностей. Из них только два комендора. Пушек, как ни искали, нашлась вполне исправная только одна, да еще другую комендоры предполагали наладить, собрав взамен поврежденных частей соответственные части от остальных десяти, окончательно выведенных из строя.

Затем, была еще пушка Максимова, в кормовом плутонге... Закончив инспекторский осмотр нижней батареи, я поднялся в верхнюю, в носовой плутонг (из башен к тому времени уже ни одна не действовала). Здесь меня поразила картина, наиболее характеризующая действие японских снарядов: пожара не было — что могло сгореть, уже сгорело. Все четыре 75-миллиметровые пушки были сброшены со станков, но тщетно искал я на орудиях и на станках следов непосредственного удара снарядом или крупным его осколком. Ничего. Ясно, что разрушение было произведено не силой удара, а силой взрыва. В плутонге не хранилось ни мин, ни пироксилина... Значит, неприятельский снаряд дал взрыв, равносильный минному. Могут показаться странными эти прогулки по добываемому броненосцу, осмотр повреждений, их оценка... Да, это было странное, если хотите — даже ненормальное состояние, господствовавшее, однако, на всем корабле. «Так ужасно, что совсем не страшно». Для всякого было совершенно ясно, что все кончено. Ни прошедшего, ни будущего не существовало. Оставался только настоящий момент и непреодолимое желание заполнить его какой-нибудь деятельностью, чтобы не думать и не сойти с ума...»

Мичман Демчинский тоже бродил по кораблю. Он зашел в подбашенное отделение носовой 12-дюймовой башни. Все матросы стояли на своих местах. Присутствовавший кондуктор сообщил мичману, что башня исправна. Подняться в башню по вертикальному трапу Демчинский не мог и, побыв немного в подбашенном отделении, пошел бродить по броненосцу дальше...

В отличие от них, лейтенант Леонтьев еще пытался выполнить свои обязанности и обязанности корабельных минеров. Для этого нужно было выбрать из перевязочного пункта, что было не так просто. «Чтобы выйти из этого помещения, я направился к правому коридору, но в этом коридоре дождем падали сверху искры, головни и даже целые обгорелые доски. В это время броненосец стал сильно крениться на левый борт и падавшие сверху головни хотя образовали уже костер в коридоре, но, падая при крене на

переборку коридора, они дали возможность пробраться на нос. Здесь оказалось, что выкачивавшая воду турбина, вследствие образовавшегося бокового сообщения, едва работает. Я вырезал предохранитель ответвления, где было боковое сообщение, и турбина пошла работать полным ходом. Выйдя на палубу, я пошел в отделение подводных аппаратов, но оно оказалось задраено. Находившийся здесь трюмный унтер-офицер доложил мне, что ему приказано было задрать помещение, поскольку из-за пробоины палубой выше через люк вода в большом количестве попадала и в отделение подводных аппаратов...

Закончив «инспекторский смотр» артиллерии «Суворова», капитан 2-го ранга Семенов снова спустился в нижнюю батарею, где столкнулся с прапорщиком Вернером фон Курселем*. Как обычно невозмутимый,

Курсель улыбнулся и спросил Семенова: «Ну, какие дела вы поделяваете?» «Идет ликвидация дел», — ответил Семенов. Курсель, видимо, тоже уже «бродил» по броненосцу, ибо, узнав, что Семенов хочет зайти к себе в каюту за папиросами, вызвался его проводить и сказал, что знает туда дорогу, свободную от огня и обломков. В действительности же Курсель знал и то, что офицерских кают более не существует, но почему-то повел туда Семенова, видимо, пытаясь развлечься. «Добравшись до офицерского отделения, я в недоумении остановился — вместо моей каюты и двух смежных была сплошная дыра. Курсель весело хохотал, радуясь своей шутке. Внезапно рассердившись, я махнул рукой и быстро пошел обратно. В батарее Курсель меня догнал и угостил сигарой...»

Поднявшись на батарейную палубу, лейтенант Леонтьев остановился против тумбы разбитого 75-миллиметрового орудия. В борту зияла пробоина от крупного снаряда, взрывом которого пушка было сброшена

Прапорщик по морской части Вернер фон Курсель, курляндец, любимец кают-компания «Суворова». Он чуть ли не с пеленок плавал на судах торгового флота и мог говорить на всех европейских языках. Не получив в бою ни царапины, Курсель отказался покинуть «Суворов» и героически погиб вместе с кораблем, ведя в одиночку огонь из последнего уцелевшего орудия по миноносцам противника.

со станка и лежала рядом, высунувшись дулом в полупортик. В открытый полупортик и пробойну вкатывалась и откатывалась волна, пенясь в груде наваленных обломков. Лейтенант машинально отметил, что это был самый кормовой полупортик левого борта. В этот момент к Леонтьеву подошел с докладом минный унтер-офицер, которого лейтенант, еще находясь на перевязочном пункте, послал проследить за проводкой проводников из рулевого отделения в боевую рубку. Узнав, что боевой рубки давно уже нет, Леонтьев решил направиться в рулевое отделение, чтобы проверить электрооборудование рулевых машин...

Капитан 2-го ранга Семенов и прапорщик Курсель вдвоем спустились в нижнюю батарею, чтобы руководить борьбой с пожарами. «В нижней батарее всякие возгорания были уже прекращены, и, ободренные успехом, мы решили попытаться счастья в верхней. Двоструйных достали откуда-то совсем новые, необделанные шланги. Один конец проволокой найтовили к пожарному крану, а на другой тем же способом наращивали пипку... Вооружившись шлангами и прикрываясь от огня мокрыми мешками, мы сначала только высунулись через церковный люк, а затем, залив горевшую здесь рухлядь перевязочного пункта, вылезли в верхнюю батарею. Команда работала с увлечением, и скоро в церковном отделении пожар был прекращен. Зато позади средних 6-дюймовых башен бушевало пламя. Двинулись туда, но тут... Сюда, как в место более укрытое, убраны были с мостиков ящики 47-миллиметровых снарядов, и надо же было, чтобы как раз в то время, когда мы собирались рушить окружавшее их пламя, они начали рваться. Несколько человек сразу же упало убитыми и ранеными. Произошло замешательство... Взрывы все учащались. Новые шланги были перебиты один за другим. В то же время где-то близко раздался оглушительный взрыв, сопровождаемый лязгом рвущегося железа... Еще и еще... Это были уже не 6-дюймовые, а опять «чемоданы»... Людями овладела паника. Никого и ничего не слушая, они бросились вниз. Когда, огорченные неудачей, казалось, так хорошо начатого дела, мы спускались в нижнюю батарею, что-то (должно быть, какой-нибудь обломок)

ударило меня в бок и я пошатнулся...» Когда капитан 2-го ранга Семенов и прапорщик Курсель снова спустились в нижнюю батарею и закурили, встав у одного из полуортиков, «Суворов» снова оказался среди русской эскадры, нестройно двигавшейся на север. «Одни суда проходили у нас справа, другие — слева. Главным, ведя эскадру, шел «Бородино». «Александр», сильно избитый и осевший в воду почти до портов нижней батареи, держался вне линии, медленно отставая, но не прекращая боя, действуя из уцелевших орудий... Крейсера и транспорты, примкнувшие к главным силам, шли сзади и несколько влево от них, атакуемые отрядами крейсеров адмиралов Катаока, Девы, Уриу и Того-младшего. Камимура держался правее, то есть к востоку, идя тоже на север... «Чемоданы» так и сыпались. Из машины уже некоторое время тому назад сообщали, что «вентиляторы качают не воздух, а дым, что люди задыхаются, падают, и что скоро некому будет работать...» Стоя рядом с флаг-капитаном на правом срезе броненосца, лейтенант Кржижановский также наблюдал за действиями появившейся из тумана русской эскадры. «Наши суда резали нам нос кабельтовых в 10-15, уходили вправо и затем на некотором расстоянии опять ворочали немного влево. Крейсера резали ближе и проходили по правому борту в 10 кабельтовых. В одной линии шли: «Олег», «Аврора» со сбитой фор-стеневой и с приспущенным флагом «Донской». В другой линии шли в большом беспорядке транспорты «Анадырь», «Иртыш» с креном на нос и «Корея» почти вплотную друг к другу. Не в строе я заметил еще «Алмаз», «Свирь» и миноносцы... Броненосцы шли: «Бородино», «Александр III» — под большим креном, «Орел», 3-й броненосный отряд: «Сисой Великий», «Наварин» со скрещенными реями и приспущенным флагом, «Нахимов». Неприятельские броненосцы, а также «Кассуга» и «Ниссин» без заметных повреждений шли догонять 1-й броненосный отряд, на котором были пожары. Стоя в срезе, я руками семафорил на «Сисой Великий», «Наварин» и на миноносец, который шел у «Нахимова», и приказал такой же семафор: «Снимите адмирала» — сделать судовому сигнальщику Сиверову...»

Командир миноносца «Буйный» капитан 2-го ранга Коломейцев, дерзко маневрируя под огнем противника в районе гибели «Осляби», принял на борт своего крохотного корабля (350 тонн) более 200 человек из экипажа погибшего броненосца, бросив там свой единственный вельбот, и полным ходом пошел догонять ушедшую далеко вперед эскадру. Появившийся стук в машине заставил предположить, что миноносец, маневрируя между всплывшими обломками «Осляби», погнул себе первый винт. На левый же намотался стальной трос и, подтянув кусок ослябского грот-рея к днищу, застопорил машину. Миноносец остановился среди всплесков непрерывно падающих снарядов, каждый из которых мог отправить маленький кораблик на дно. Действуя с полным хладнокровием, капитан 2-го ранга Коломейцев приказал машине дать несколько оборотов назад, трос ослаб, матросы зацепили его баграми, вытащили на палубу и перерубили. Развернувшись и ведя ответный огонь по противнику, «Буйный» снова дал полный ход и вскоре пристроился к хвосту колонны русских крейсеров. Стоя на мостике вместе с вахтенным начальником мичманом Храбро-Василевским, капитан 2-го ранга Коломейцев увидел на правом крамболе далеко от эскадры какой-то горящий броненосец. «Он был без труб, без мачт, весь в дыму, но, по-видимому, еще двигался. Он шел на зюйд, и при зюйд-востовом ветре дым от пожара, разлохмачиваясь, загнулся громадной черной гривой на левый борт и корму... Мысль о «Суворове» промелькнула у всех нас, но я еще сомневался и, приближаясь, попытался рассмотреть в бинокль, но было еще очень далеко, да и трудно было опознать кого-либо в этой бесформенной горячей массе. От зюйд-оста к нему шли неприятельские броненосные крейсера и открыли огонь по нему и по «Камчатке», которая была вблизи него. Медлить больше было невозможно: если это «Суворов», то надо подойти к нему раньше, чем его утопит неприятель, и снять адмирала, если его уже не снял «Бедовый». Но «Бедового» мы видели на месте гибели «Осляби». Подходил ли он к «Суворову»? Решившись подойти к «Суворову», я объявил об этом команде. Все сняли

шапки и осенили себя крестным знаменем. Я дал полный ход...»

Миноносцу предстояло опаснейшее испытание. Перегруженный, с поврежденным винтом, но управляемый доблестным командиром, «Буйный» смело ринулся на помощь горящему броненосцу, вокруг которого взмывали огненные смерчи «чемоданов» с броненосных крейсеров Камимуры, способные даже при близком разрыве разнести на атомы маленький корабль капитана 2-го ранга Коломейцева. С мостика «Буйного» еще долго не могли опознать в плавающей и дымящей развалине своего прежнего могучего флагманского корабля. И только подойдя ближе, с ужасом поняли, что не ошиблись — перед ними качало на волнах то, что осталось от «Суворова», но в каком виде! «Мачты сбиты, обе трубы сбиты, весь борт, где нет брони, избит, буквально, как решето. Это не корабль, а просто какая-то жаровня вроде тех, что употребляются для печения каштанов. Справа «Камчатка». Я видел, как в нее попал большой снаряд и, разорвавшись у трубы, поднял черный столб дыма. Труба свалилась...» Мысль о том, что там, среди огня, груды стальных обломков и трупов, возможно, находится командующий эскадрой, пронизала мозг капитана 2-го ранга Коломейцева. Пренебрегая всякой опасностью, на виду у ведущих огонь японских крейсеров, «Буйный» понесся к пылающему броневому остову «Суворова», надеясь за его бортом укрыться от огня противника...

Между тем на «Суворове» уже меркло электричество — динамо-машинам не хватало пару. Находившийся все еще в нижней батарее капитан 2-го ранга Семенов неожиданно услышал крик: «Миноносец подходит!» «Бросились к нашей единственной пушке (другую так и не удалось наладить), но оказалось, что это «Буйный», случайно проходивший мимо и по собственной инициативе приблизившийся к искалеченному броненосцу, чтобы спросить, не может ли он быть чем-нибудь полезен. Флаг-капитан, находившийся на срезе, приказал Кржижановскому сделать ему семафор (руками): «Примите адмирала...»

На мостике «Буйного» по мере приближения к «Суворову» росло возбуждение, весьма близкое к ужасу.

Вид флагманского броненосца убивал, подавлял волю. «Суворов» теперь стоял с застопоренными машинами. Только грузный броневой корпус сохранил свою прежнюю форму, а все остальное зияло проломами, бугрилось рваным железом. Краска на борту обгорела. Кормовая двенадцатидюймовая башня была взорвана и броневая крыша с нее сброшена на ют. Остальные башни, заклиненные и поврежденные, щетинились погнутыми и оторванными стволами орудий, поднятыми под разными углами возвышения. Бушующий пожар пожирал уцелевшие остатки корабля. С мостика «Буйного» людей на «Суворове» видно не было. Японские снаряды ложились близко от миноносца, но пока все шло благополучно. Капитан 2-го ранга Коломейцев вел биноклем вдоль обуглившегося борта «Суворова», надеясь увидеть какие-нибудь признаки жизни. «Подойдя совсем близко к борту, я увидел на правом срезе у 6-дюймовой башни флаг-капитана и еще несколько офицеров. Они что-то кричали и махали руками. (Как выяснилось потом, семафорили.) Развернувшись и подойдя ближе, мы могли объяснить голосом: у них шлюпки все разбиты, «Бедовый» не подходил, адмирал ранен — надо его во что бы то ни стало взять на миноносец. Мой вельбот брошен у «Осляби». Оставался один выход, правда отчаянный; ввиду крупной зыби и наветренного борта: пристать к миноносцу вплотную. С подветра, то есть с левого борта, японцы расстреливали несчастный корабль...»

Задача предстояла чрезвычайно трудная. С подветренной стороны было меньше зыби, но там сыпались японские снаряды, а из отверстий и проломов в борту «Суворова», как из окон пылающего здания, вырывались языки огня и густые клубы черного и бурого дыма. Пришвартоваться здесь нечего было и думать. Оставался наветренный борт... «Поставив свою команду по борту с койками и пользуясь ими как кранцами, мне удалось быстро пристать. К счастью для меня, «Суворов» имел уже крен на левый борт, так что оголенная поверхность была гладка и опасные башмаки от шестов минных сетей были высоко...»

«Буйный» быстро пристал к броненосцу и, застопорив машину, пришвартовался к его борту. При

подходе «суворовский» выстрел, немного откинувшись, свернул на зыби тумбу 47-миллиметрового орудия миноносца и повредил площадку 75-миллиметровой пушки. «Выстрел» немедленно обрубил...

Капитан 2-го ранга Семенов и прапорщик Курсель наблюдали из порта батареи за подходом «Буйного», когда внезапно откуда-то появился адмиральский вестовой Петр Пучков и кинулся к Семенову: «Ваше высокоблагородие! Пожалуйста в башню! Миноносец пришел — адмирал пересаживаться не хочет!» Адмирал не был на перевязке и никто на броненосце не знал, насколько тяжело он ранен, так как в момент получения ран на все вопросы он сердито отвечал, что это пустяки... После того как его ввели, вернее внесли, в башню и посадили на ящик, он так и оставался в этом положении, временами впадая в забытие... Теперь, на доклад о подходе миноносца он, очнувшись, отчетливо приказал: «Собрать штаб!», а затем только хмурился и, казалось, не хотел ничего больше слушать... Через откинутый полупортик нижней батареи я, при помощи Курселя, выбрался на правый бортовой срез впереди средней 6-дюймовой башни. Помощь мне уже требовалась. Правая нога, разорванная осколком от бедра до колена, подверглась и плохо слушалась, но, по крайней мере, не болела. Зато левой ногой, на которой был рассечен большой палец с раздроблением кости, я мог ступать только на пятку. Всякий толчок носком причинял жестокую боль. К тому же сапог, через свою пробоину, был полон не только кровью, но и грязной соленой водой, стоявшей на палубе по щиколотку... На срезе боцман и несколько матросов работали, очищая его от горящих обломков, свалившихся с ростр. Справа по носу, совсем близко, не дальше 3-4 кабельтовых, я увидел «Камчатку», стоявшую неподвижно. Крейсера Камимуры расстреливали ее с таким же увлечением, как и нас, с той лишь разницей, что по отношению к «Камчатке» задача была много легче. «Буйный» держался на ходу недалеко от борта. Командир его, капитан 2-го ранга Коломейцев, кричал в рупор: «Есть ли у вас шлюпка перевезти адмирала? У меня нет!» Флаг-капитан и Кржижановский что-то ему отвечали. Я заглянул в башню, броневая

дверь которой была повреждена и не отодвигалась вовсю, так что полному человеку пролезать в нее вряд ли было возможно. Адмирал сидел, весь как-то осунувшись, низко опустив голову, обмотанную окровавленным полотенцем. «Ваше превосходительство! — крикнул я. — Пришел миноносец! Надо перебираться!» «Приведите Филипповского...» — глухо ответил адмирал, не меняя положения...

«Его сейчас приведут! За ним пошли!» Адмирал только отрицательно покачал головой... Я не настаивал, так как раньше, чем выводить адмирала, надо было позаботиться о средствах для пересадки его на миноносец. В компании с Курселем, боцманом и еще двумя-тремя матросами достали из верхней батареи несколько полубогорелых косяк, какой-то конец и начали из этого материала вязать нечто вроде плота, на котором рассчитывали спустить адмирала на воду и так передать на миноносец. Рискованно, но другого выхода не было... Плот готов. Пришел и Филипповский. Его вели под руки. После двух часов в тесном помещении боевого поста, наполненном дымом, он с трудом держался на ногах. Лицо — черное от копоти и почти сплошь покрытое потеками запекшейся крови. Бросились к башне: «Ваше превосходительство! Выходите! Филипповский здесь!» Адмирал молча смотрел на нас, покачивая головой... Не то соглашался, не то — нет... «Что вы разглядываете! — вдруг закричал Курсель. — Берите его! Видите, он совсем раненый!»... Несколько человек пролезло в башню. Адмирала схватили под руки, подняли, но едва он ступил на левую ногу, как мучительно застонал и окончательно лишился сознания. Это было и лучше...» Матросы свободно проходили через заклиненную дверь башни, но в узкое отверстие было очень трудно протащить грузное тело адмирала. Бились с ним долго, занося его то головой вперед, то ногами, ворочая с боку на бок. За ноги адмирала Рождественского держал машинист Колотушкин, за плечи — штабной писарь Матисен, спину поддерживали двое комендоров...

«Адмирала с большими усилиями, разорвав на нем платье, протащили сквозь узкое отверстие заклиненной двери башни на кормовой срез и уж хотели

подвязывать к плоту, когда Коломейцев сделал то, что можно сделать только раз в жизни, только по вдохновенью... Сухопутные читатели, конечно, не смогут представить себе весь риск маневра, но морякам это должно быть понятно. Он пристал к наветренному борту искалеченного броненосца с его повисшими, исковерканными пушечными полупортиками, торчащими враздрай орудиями и перебитыми стелами сетевого ограждения. Мотаясь на волне, миноносец то поднимался своей палубой почти в уровень со срезом, то уходил далеко вниз, то отбрасывался от броненосца, то стремительно размахивался в его сторону, каждое мгновение рискуя пропороть свой тонкий борт о лубой выступ неподвижной громадины...»

Капитан 2-го ранга Коломейцев стоял на качающемся мостике «Буйного» и терпеливо ждал, прекрасно осознавая опасность, которая угрожала его собственному кораблю. Вокруг падали снаряды и, взрываясь, поднимали огненные и буро-зеленые смерчи воды. Каждое мгновение можно было ждать, что маленький кораблик провалится в пучину со всем экипажем и с двумя сотнями «ослябцев», уже переживших катастрофу своего броненосца и нахлебавшихся соленой воды. В стремительных размахах миноносеца на зыби, в пожаре флагманского корабля, в грохоте японской артиллерии и в непрекращающихся взрывах снарядов дышала «сама смерть». Даже воздух, пронизываемый сталью, колебался и гулко вибрировал, как гигантская струна. При каждом полете снаряда «ослябцы», находившиеся на верхней палубе миноносеца, приседали и вздрагивали, прикрывая головы руками. Их бледные лица с выпученными глазами были безумными. Коломейцев, отдавая четкие, короткие команды, продолжал ждать...

А между тем адмирала Рождественского тащили на руках с бортового среза на носовой по узкому проходу между башней и раскаленным бортом верхней батареи. Командующий был без сознания, форма на нем была разорвана и покрыта грязью и копотью. Одна нога адмирала была обута в ботинок, а другая обернута матросской форменкой. Голова Рождественского была перевязана полотенцем, лицо выпачкано сажей

и кровью, часть бороды обгорела. С носового среза адмирала по спицам людей, стоявших на откиннутом полупортике и уцепившихся руками за борт, спустили (почти сбросили) на миноносец, выбрав момент, когда палуба «Буйного» поднялась на волне и метнулась в сторону «Суворова»...

Одной из спиц, по которым передавали адмирала на «Буйный», была спина флагманского минера лейтенанта Леонтьева. Леонтьев так и стоял у разбитого 75-миллиметрового орудия, глядя в полупортик, когда его вывел из созерцательного состояния вестовой адмирала Петр Пучков, сообщивший, что подошел миноносец, а адмирал все еще находится в правой 6-дюймовой башне. «Зная, что трапы все наверху разбиты, я, чтобы пройти наверх, пошел с минным унтер-офицером Чебуровым к одному из первых портов 75-миллиметровых пушек и, забравшись на нижнюю откинутую ставню этого порта, увидел, что несколько человек нижних чинов на срезе, впереди правой средней 6-дюймовой башни, держат на руках раненого командующего эскадрой. Тут же у борта держался миноносец «Буйный», которого било о борт броненосца. Чтобы подать на миноносец командующего эскадрой, я стал рядом с матросом на нижнюю ставню. По нашим спицам и был передан на миноносец командующий эскадрой. Вслед за командующим вылез на миноносец и я...»

Мичман Демчинский продолжал слоняться без дела. Он покинул подбашенное отделение и находился в нижней батарее. Подошедший матрос, не видя больше на палубе офицеров, доложил Демчинскому, что по носу подходит какой-то миноносец и попросил разрешения открыть огонь из единственной уцелевшей 75-миллиметровой пушки. Мичман приказал зарядить орудия, а сам выглянул в полупортик и увидел «Буйный». Демчинский быстро выбрался на верхнюю палубу и, несмотря на свои израненные руки, ловко перебрался на палубу «Буйного»...

Лейтенанту Кржижановскому сделать это было гораздо легче, поскольку в бою он практически не получил никаких ран, не считая ссадин и царапин от мелких осколков. Выждав удобный момент, он пере-

прыгнул на палубу миноносца, услышав в последнее мгновение, как флаг-капитан отдал приказ писарю Устинову разыскать остальных флаг-офицеров и флагманских специалистов...

. Флаг-капитан 1-го ранга Клапье-де-Колонг, еще не пришедший в себя от контузии, ран и впечатлений, полученных в боевой рубке, не очень реально представлял себе все происходящее, находясь как бы в полусне. В его памяти запечатлелось, как, несмотря на большую волну, миноносец «Буйный» удивительно умело «подошел к правому наветренному борту против средней 6-дюймовой башни, как сломанный выстрел «Суворова» бил палубу миноносца, как мачты «Буйного» вздымались и опускались с двух сторон башни, как било сам миноносец о борт «Суворова». Ему казалось, что он слышит крики: «Ура! Адмирал на миноносце!», но он не помнил, как он сам оказался на палубе «Буйного»...

Не помнил этого и капитан 2-го ранга Семенов. Израненные ноги уже немели и отнимались. Он лежал на горячем кожухе между трубами «Буйного» и не отрываясь смотрел на «Суворов», впервые увидев со стороны, как страшно выглядит бывший флагманский броненосец. «...Кто бы узнал в этой искалеченной громаде, окутанной дымом и пламенем пожара, недавно грозный броненосец... Грот-мачта была сбита на половине высоты, фок-мачты и обеих труб не было вовсе. Возвышенные мостики и переходы были словно срезаны, и вместо них над палубой подымались бесформенные груды исковерканного железа. Левый борт низко склонился к воде, а с правой стороны широкой полосой краснела подводная часть, обнажившаяся вследствие крена. В бесчисленных пробоинах бушевало пламя пожара...»

Несмотря на приказ собрать штаб, «собрать» удалось из находившихся внизу только полковника Филипповского и лейтенанта Леонтьева. Филипповский, как уже говорилось, находился в центральном боевом посту, наглухо отделенном от жилой палубы. Свежий воздух сюда поступал через броневую трубу боевой рубки. Электричество гасло, и в ЦБП зажгли свечи. Матросы извлекли Филипповского наверх по

прямому приказу Рожественского. К этому времени электричество уже погасло на всем корабле. Жилая палуба, заполненная удушливым дымом, полностью погрузилась в темноту. Матросы, бросившиеся искать штабных офицеров, могли только окликать их, но не получали ответа ни от тех, кого они звали, ни от кого-либо другого. В дымной тьме царило мертвое молчание. Видимо, все, находившиеся в закрытых помещениях под броневой палубой, куда вентиляторы качали «не воздух, а дым», постепенно угорали и теряли сознание. Машины не работали, электричество погасло от недостатка пара, но снизу не вышел никто. Вероятно, из 900 человек экипажа «Суворова» к этому времени оставались живыми только те немногие, что собрались в нижней батарее и на наветренном срезе...

Это отлично понимал и вступивший в командование кораблем лейтенант Богданов. В его подчинении остались двое офицеров: лейтенант Вырубов и прапорщик Курсель, а также около 50 матросов. Видя со стороны, что гибель «Суворова» неизбежна, капитан 2-го ранга Коломейцев предложил офицерам «Суворова» перейти к нему с остатками команды и добить броненосец торпедой. Богданов отказался. Вырубов и Курсель также отказались перейти на миноносец. Ведь для того, чтобы принять решение, предлагаемое командиром «Буйного», прежде всего нужно было осмотреть весь корабль, убедиться, что все оставшиеся живыми собраны и готовы покинуть броненосец. А времени на это не было. Каждое мгновение было дорого, в любую секунду шальной снаряд мог пустить на дно миноносец и всех, кто на нем находился. На миноносце уже были убитые и раненые осколками...

«Отваливайте скорее! Отваливайте! Не утопите адмирала!» — ревел Богданов, перевесившись за борт и грозя кулаком Коломейцеву. Со среза что-то кричал, размахивая фуражкой, Курсель. Позади носовой правой 6-дюймовой башни был виден лейтенант Вырубов, высунувшийся в пушечный порт и тоже что-то кричавший. Матросы, выбравшиеся на срез и выглядывавшие из портов нижней батареи, махали руками и бескозырками. Перед лицом неминуемой смерти они

были прекрасны. Капитан 2-го ранга Коломейцев только позднее сможет оценить всю трагическую грандиозность события, в котором он участвовал. Сейчас же он сознавал только, что времени больше терять нельзя. Под прощальные крики «ура», несшиеся в «Суворова», Коломейцев выбрал момент, когда миноносец откинуло от борта, и дал задний ход. «Наступил самый критический момент. Отвалить от наветренного борта при такой зыби можно было только сдавшись за корму, и там уже разворачиваться. Дав задний ход и отойдя за корму, я стал разворачиваться и в это время на миноносце сосредоточился убийственный огонь. На юте был убит наповал только что спасенный с «Ослябя» квартирмейстер Шуваев, а крупный снаряд, разорвавшись о воду, осколком пробил носовую часть выше ватерлинии. Пробоина была быстро заделана. Отошел от «Суворова» около 17.30 и снова стал догонять нашу эскадру, далеко ушедшую вперед. Тело квартирмейстера Шуваева с краткой молитвой предали морю. С «Суворова» сняты следующие чины: начальник эскадры вице-адъютант Рождественский, флаг-капитан капитан 1-го ранга Клапье-де-Колонг, флаг-офицер капитан 2-го ранга Семенов, флагманский минный офицер лейтенант Леонтьев, флаг-офицеры: лейтенант Кржижановский и мичман Демчинский, флагманский штурман полковник Филипповский, юнкер Максимов, боцман Наумов, писарь Матисен, комендор Фирсов, минер Жильцов, матрос-вестовой Пучков, матрос-вестовой Балмасов, матрос Суханов, матрос Конченко, машинист Колотункин, кочегар Замышляев, сигнальщик Суворов, матрос Никитин, матрос-ординарец Бардин, писарь Степанов, писарь Филь — всего 7 офицеров и 16 нижних чинов...»

С палубы уходящего полным ходом «Буйного» немного пришедший в себя капитан 1-го ранга Клапье-де-Колонг бросил последний взгляд на «Суворов». «Когда «Буйный» отвалил от «Суворова», на последнем в это время не было ни мачт, ни труб, ни сигнальных рубок. Горели верхняя и батарейная палубы, паровые и минные катера, электричество погасло, все было полно дымом. Пожар увеличивался, в батареях слышны были взрывы патронов, мостики с

47-миллиметровыми орудиями разрушены, крен на левый борт был до уровня полупортиков 75-миллиметровых орудий. Когда отошли на «Буйном» от «Суворова», то увидели на носу справа транспорт «Камчатка» без хода, державшем на грот-мачте флаг Красного Креста. В это время неприятель, бывший слева, стрелял по «Суворову», «Камчатке» и «Буйному»...

Около 18.30 с мостика японского крейсера «Ицукусима», ведущего под флагом вице-адмирала Катаока 5-й боевой отряд, заметили на горизонте густые клубы дыма. В кильватер за «Ицукусима» шли такие же старые, как и он, крейсера-ветераны войны с Китаем: «Чин-Иен», «Мацусима», «Хасидате» и авизо «Яема». Слева от отряда держался 11-й отряд миноносцев-истребителей. Старые крейсера осторожно начали сближение и вскоре «слева по носу увидели плывущих по воле волн, почти разрушенных «Камчатку» и «Суворов». В 18.48 с дистанции 4 500 метров, продолжая сближение, японцы открыли огонь. «Камчатка» уже имела значительный крен на правый борт и, казалось, не могла идти самостоятельно. На «Суворове» также были большие разрушения: над верхней палубой оставалась лишь полусломанная грот-мачта. Этот корабль, весь обгоревший и еще горящий, перенесший немыслимое количество попаданий, имевший только одну случайно уцелевшую пушку в кормовой части, все же открыл из нее огонь, выказывая решимость защищаться до последнего момента своего существования...» В 19.03 «Камчатка» опрокинулась на правый борт и затонула. Не желая более задерживаться, вице-адмирал Катаока приказал добить «Суворов» миноносцами 11-го отряда капитан-лейтенанта Фудзимото. Получив приказ, капитан-лейтенант Фудзимото развернул для атаки четыре маленьких номерных миноносца своего отряда (№№ 72, 73, 74 и 75). Миноносцы обошли «Суворов» с носа, чтобы не попасть под огонь все еще стрелявшей на корме 75-миллиметровой пушки, вышли на левый борт броненосца и в 19.20 с дистанции 300 метров выпустили в «Суворов» четыре торпеды. С миноносцев ясно видели попадания по меньшей мере трех торпед. В 19.28 «Суворов», окутанный черно-желтым дымом и извергающий пламя, наконец

перевернулся. На какое-то время над поверхностью воды показалось его днище, в 19.30 нос «Суворова» высоко поднялся в воздух, и затем броненосец быстро затонул. На месте его гибели остались только ключья дыма, которые стлались по поверхности моря. Спасенных не было...

«Вечная слава героям-мученикам, исполнившим долг свой, как умели, до конца» — подвела итог действиям «Суворова» историческая комиссия при Морском Генеральном Штабе, описывающая события на море в русско-японской войне...

...Эскадренный броненосец «Князь Суворов» числился в 16-м флотском экипаже.

Погиб 14 мая 1905 года в 19.30 в 13 милях на северо-восток от острова Окиносима.

Токио. 14 (27) мая. Распространился слух о происходящем в настоящее время морском сражении между эскадрами Того и Рожественского в Корейском проливе.

Токио. 14 (27) мая. Адмирал Рожественский находился вблизи острова Цусима в Корейском проливе.

Токио. 14 (27) мая. (Сообщено через Лондон.) Эскадра Рожественского пришла к острову Цусима.

Лондон. 14 (27) мая. («Сентрал Ньюз»). Согласно официальному сообщению 50 судов Балтийской эскадры взяли курс на северо-восток от островов Саддль. Здесь полагают на основании этого, что сражение произойдет в воскресенье. Сообщенный из Нью-Йорка слух, будто бой уже начался, маловероятен. Корейский пролив находится на расстоянии 400 английских миль от островов Саддль, и Балтийская эскадра не может достигнуть пролива ранее, как в воскресенье утром.

Гонконг. 14 (27) мая. Рано утром 11 мая судно «Санте Хильда», шедшее из Кучинодзу, видело стоящими в 140 милях к юго-востоку от Седельных островов 45 русских судов: броненосцев, крейсеров, контр-миноносцев, госпитальных судов, угольных транспортов. Большинство угольных транспортов были наполовину пусты. Вслед за тем вся эскадра пошла на север.

Шанхай. 14 (27) мая. (Сообщено через Берлин.) Согласно частным сведениям, Владивостокская эскадра опять вышла в море.

Нью-Йорк. 14 (27) мая. («Сентрал Ньюз»). Здесь ходит слух, пришедший из Токио, что в Корейском проливе сегодня начался морской бой.

Шанхай. 14 (27) мая. («Сентрал Ньюз»). Пятьдесят судов Балтийской эскадры погрузили уголь вчера ночью близ острова Саддль и ушли сегодня утром. Шесть угольщиков остались в Вузуне. Китайцы приказали им уйти до истечения 24 часов, но русские отказались исполнить приказание под предлогом, что суда эти коммерческие. Русские суда, по-видимому, в наилучшем состоянии, команда уверена в победе.

Чифу. 15 (28) мая. («Сентрал Ньюз»). Здешние британские морские власти получили только что телеграмму о том, что один броненосец потоплен, другие суда получили повреждения. Японцы поспешно преследуют их по направлению к Владивостоку. Согласно сведениям, полученным из китайского источника, японцы атакуют русских всеми своими силами...

Париж. 15 (28) мая. Депеша корреспондента «Темпс» из Чифу подтверждает, будто бы, телеграмму итальянского министерства относительно морского боя в проливе Цусима, но без подробностей пессимистического характера. Согласно телеграмме из Шанхая, пять русских броненосцев, три крейсера и семь контрминоносцев были замечены вчера в открытом море у Цусимы.

Париж. 16 (29) мая. Рожественский прошел через Корейский пролив, пожертвовав наиболее старыми и менее быстроходными судами. Благодаря этому он дойдет теперь до Владивостока.

Нью-Йорк. 16 (29) мая. («Сетрал Ньюз»). Американский консул в Нагасаки послал министерству иностранных дел телеграмму о том, что русский броненосец потоплен японцами. Подробности не сообщаются, но предполагается, что это броненосец «Бородино».

Париж. 16 (29) мая. По сведениям из японского источника, адмирал Рожественский появился на широте о.Цусима 14 мая утром во время густого тумана. После полудня прояснилась погода, и японцы заметили русских. Бой начался в третьем часу дня. Дул сильный ветер при сильном волнении. Нет возможности

получить из Токио сведения относительно боя. Японское правительство опубликует сегодня официальное сообщение. Английская эскадра вышла из Гонконга, направляясь на север. Полученная в Риме телеграмма из Владивостока сообщает, что эскадры Камимур и Уриу появились у Владивостока с целью преградить путь адмиралу Рожественскому. Второй бой, по-видимому, неизбежен. По сведениям из частного источника в Чифу, одно судно эскадры Рожественского 13 мая прибыло в Киао-Чао, сильно поврежденное от столкновения с другим судном.

Париж. 16 (29) мая. По слухам из Чифу, японский крейсер «Ниссин» выведен из строя.

Берлин. 16 (29) мая. Япония представила Китаю ноту, требуя, чтобы русские суда в Вузуне были разоружены. Из Парижа сообщают, что, согласно сведениям из Тяньзиня, японские потери значительны. Погибший броненосец, должно быть, наткнулся на подводную мину. Американский консул в Нагасаки добавляет в своей телеграмме, что ему запрещено сообщать что-либо о японских потерях.

Токио. 16 (29) мая. («Таймс»). Морской бой начался в субботу между двумя и тремя часами дня. До сих пор не опубликовано никаких официальных сообщений.

Вашингтон. 16 (29) мая. («Дейли Мейли»). Государственный департамент получил известие, что потопленным в Корейском проливе русским судном является броненосец «Бородино». Здешние русское и японское посольства не получили еще официальных сообщений о положении дел.

Берлин. 17 (30) мая. Ввиду того, что в Японии по кабелям и телеграфным линиям почти не пропускают газетных депеш, известий нет. Все, что известно о морском бое, сообщается по слухам, доходящим обходными путями, большей частью из китайских источников. Поэтому господствует большая неуверенность относительно хода событий. Шанхайская телеграмма в «Локаль Ацельгер», отправленная вчера в половине второго пополудни гласит: «Русские ушли к северу. Четыре русских судна, в том числе «Бородино», потоплены. Согласно телеграмме из Парижа, броненосец погиб от удара подводной мины. О япон-

ских потерях ничего не известно, но они тоже должны быть велики. «Берлинер Тагеблатт» получила из Токио телеграмму, отправленную вчера утром, сообщающую, что большая часть Балтийского флота идет к северу через Тихий океан, лишь меньшая часть направилась через Цусимский пролив. Японское посольство не имеет прямых известий.

Берлин. 17 (30) мая. Судя по последним известиям с театра военных действий, часть Балтийской эскадры идет на север, преследуемая японцами. Судам, прибывшим к Шанхаю, также грозит, по-видимому, опасность, так как, по сведениям из Лондона, японские суда напали в открытом море, в виду Вузана, на отдельную русскую эскадру. Беспроволочный телеграф уже раз оказал величайшую услугу японцам. С пятницы 13 мая все движения русских судов сообщались японцам по беспроволочному телеграфу с острова Квельпарт.

Лондон. 17 (30) мая. Полученные с театра военных действий известия производят здесь впечатление, что урон, понесенный русской эскадрой, был причинен миноносцами и подводными минами. Адмирал Рожественский принужден был выбрать наиболее опасный путь вследствие недостатка угля, помешавшего ему пойти кружным путем. Ходят слухи, что бой был упорный и что японцы понесли значительный урон.

Пока информационные агентства лихорадили мир, ловя обрывки слухов и сообщений, пытаясь предугадать дальнейшие действия адмирала Рожественского, сам Рожественский уже два дня, как находился в плену, приходя в себя от ран и потрясений в военноморском госпитале в Сасебо. Получив на «Буйном» первую медицинскую помощь, адмирал пришел в сознание и передал командование контр-адмиралу Небогатову, который, воспользовавшись полученной властью, сдал японцам на следующий день уцелевшие остатки эскадры. А доблестный «Буйный» шел во Владивосток, но его героический путь был оборван аварией в машине. Передав раненого адмирала и офицеров его штаба на наконец появившийся миноносец «Бедовый», капитан 2-го ранга Коломейцев перешел со

своим экипажем и спасенными «ослябцами» на крейсер «Дмитрий Донской», после чего его миноносец был потоплен артогнем с крейсера. Миноносец «Бедовый», отстав ночью от «Дмитрия Донского», утром 15 мая вместе с повстречавшимся миноносцем «Грозный» продолжал идти во Владивосток. Офицеры штаба и, видимо, сам адмирал Рожественский хорошо понимали всю нелепость своего прибытия во Владивосток на одном из уцелевших миноносцев, когда все корабли огромной эскадры либо были уничтожены, либо попали в руки противника. Адмирал Рожественский лежал в каюте командира, то теряя сознание, то приходя в себя, а штаб, как говорится, мечтал о плене. Исключение составлял разве что капитан 2-го ранга Семенов, которому в плен было попадать никак нельзя — ему грозила виселица. Что же касается остальных, то есть Клапье-де-Колонга, Филипповского и Леонтьева, то они и не скрывали своих планов. Кржижановский и Демчинский хотя, возможно, им и не сочувствовали, но по крайней мере и не возражали. Не возражал против этого и командир «Бедового» капитан 2-го ранга Баранов — личность во многих отношениях странная. Беда была только в том, что сдаваться было некому. Миноносцы продолжали идти во Владивосток. Наконец, уже в видимости о. Дажелетт, русские миноносцы были перехвачены двумя японскими миноносцами «Кагеро» и «Сазанами». «Грозный» ушел, преследуемый «Кагеро», и в итоге добрался до Владивостока. «Бедовый» же при виде противника остановился, подняв флаг «Красного Креста» (сигнал: «Имею раненых») и белый флаг. Лейтенант Леонтьев, оттолкнув сигнальщика, лично спустил Андреевский флаг. Видимо, нужно побывать в огненном аду «Суворова», чтобы как-то судить этих людей, не желавших более драться. Командир «Сазанами» капитан-лейтенант Айба, впоследствии награжденный одной из высших боевых наград Японии орденом «Золотого Змея», не сразу поверил, что ему удалось взять в плен командующего русской эскадрой вместе со штабом. Адмирал Рожественский и офицеры штаба были доставлены в военно-морской госпиталь в Сасебо, где Рожественского посетил адмирал Того, преподнеся

-своему русскому коллеге цветы и сказав несколько любезных слов относительно мужества русских моряков в прошедшем бою. Поблагодарив адмирала Того за любезность, Рождественский через него направил официальное донесение Царю:

«Токио. Его Величеству Государю Императору.

14 мая в 1 час 30 минут дня между южной оконечностью о.Цусима и Японии начат бой с главными силами японскими в числе 12-ти судов и с крейсерами японскими в числе не менее 12-ти. В 2 часа 30 минут на «Суворове» управление пришлось перенести в центральный пост, а в 3 часа 30 минут часть штаба и меня, терявшего сознание, посадили на «Буйный», где уже была часть экипажа погибшего «Ослябя». Командование сдано Небогатову. Ночью «Буйный» потерял эскадру. Утром увидел «Донской» с двумя миноносцами. На «Донской» сдали команду с «Осляби», меня перенесли на «Бедовый», который отправился дальше с «Грозным». Вечером 15-го узнал, что «Бедовый» сдался двум японским миноносцам. «Бедовый» приведен в Сасебо 17-го. 18-го извещен, что Небогатов находится в Сасебо. Генерал-адъютант Рождественский».

Русский Царь-добряк немедленно прислал ответ: «Токио. Генерал-адъютанту Рождественскому. От души благодарю Вас и всех тех чинов эскадры, которые честно исполнили свой долг в бою, за самоотверженную их службу России и Мне. Волею Всевышнего не суждено было увенчать ваш подвиг успехом, но беззаветным мужеством вашим Отечество всегда будет гордиться. Желаю вам скорого выздоровления и да утешит вас всех Господь. НИКОЛАЙ» Видимо, ранение в голову у Рождественского было достаточно серьезным, потому что 12 июня, находясь в плену, он вдруг послал Царю еще одну телеграмму: «Его Величеству Государю Императору. За несколько часов до получения всемилостивейшей телеграммы Вашего Величества дошло до моего сведения о сдаче неприятелю 15 мая броненосцев «Орел», «Николая I», «Сенявин» и «Апраксин». Узнав об этом несчастье, я не могу прийти в себя. Полагаю — полная ответственность за это падет на меня. Проню всемилостивейшего проще-

ния Вашего Величества находящимся здесь в жалком положении чинам. Генерал-адъютант Рождественский». Говорят, что когда Царь получил эту телеграмму, в его кабинете находился Великий князь Николай Николаевич. Государь, показав ему телеграмму, спросил, хотел бы тот быть русским Царем. Великий князь ответил, что он очень бы хотел быть палачом при Царе. Царь на эту телеграмму не ответил.

Цусима потрясла русское общество, как никакое другое событие со времен взятия Киева Батыем. Общественное мнение требовало крови и козла отпущения. После ратификации мирного договора военнопленные стали возвращаться на Родину. Вернулся и Рождественский с офицерами своего штаба. Вернулся и капитан 2-го ранга Семенов. Японцы не повесили его, даже не судили. В сиянии небывалого триумфа незачем было сводить мелкие счета. Другое дело было в России. Попытка объявить виновниками поражения евреев, несмотря на серию хорошо организованных погромов, успеха не имела. Газеты, набравшие полный голос после манифеста 17 октября, требовали суда над виновником этого небывалого в истории разгрома и позора. Россия этим и замечательная страна, что виноватых в ней никогда не найти. Тем не менее в июне 1906 г. Рождественский, офицеры его штаба и командир «Бедового» предстали перед судом Особого присутствия Кронштадтского военно-морского суда по делу о сдаче 15 мая 1905 года неприятелю без боя миноносца «Бедовый». Суд оправдал, как тяжелораненого, адмирала Рождественского, а всех остальных приговорил к расстрелу. Однако, принимая во внимание смягчающие обстоятельства и перенесенное подсудимыми потрясение, суд постановил ходатайствовать перед Государем о замене им смертной казни (или заключения в крепости вместо нее) исключением и увольнением со службы. Государь Николай Александрович, проклиная тех, кто втянул его в авантюру с Японией, вовсе не желал сводить счета с неудачниками-исполнителями и улаживать общественное мнение смертными казнями. Он заменил расстрел следующими наказаниями: «Гвардейского экипажа капитана 2-го ранга Баранова — исключить со службы с лишением

чинов, орденов и других знаков отличия; капитана 1-го ранга Клапье-де-Колонга — исключить со службы без лишения чинов; корпуса флотских штурманов полковника Филипповского и лейтенанта Леонтьева — отставить от службы, с законными для всех последствиями сих наказаний». Отставного вице-адмирала Рожественского, капитана 2-го ранга Семенова, лейтенанта Кржижановского и мичмана Демчинского повелено было считать оправданными.

Итак, попав в итоге своих необычайных военных приключений на скамью подсудимых, капитан 2-го ранга Семенов, несмотря на то, что его «высочайше» повелели считать оправданным, не мог уже оправиться от потрясения, вызванного гибелью двух эскадр, унижений в плену, унижительных же следственных процедур на родине, включая медицинские осмотры в доказательство его ранений, предания суду, который вынес ему в первом слушании смертный приговор, сопровождаемый воплями газетчиков, которые объявили Семенова «главным сатрапом» Рожественского, приводившим в исполнение смертные приговоры над матросами во время похода эскадры... Владимир Иванович Семенов демонстративно ушел в отставку и, поселившись на Фурштадской улице Петербурга, написал свою знаменитую трилогию «Расплата» и несколько брошюр, посвященных вопросам возрождения флота. Умер В.И. Семенов в 1910 году от инфаркта. Его судьба очень характерна для многих людей в нашей стране, которые слишком любят свое дело...

Ненамного пережил Семенова и адмирал Рожественский. После суда адмирал вел замкнутую жизнь в своей петербургской квартире и умер от инфаркта за праздничным столом в ночь на Рождество 1910 года.

Капитан 1-го ранга Клапье-де-Колонг, у которого уже на суде начались приступы истерии, вскоре уехал за границу.

Полковник Филипповский умер в 1912 году.

Никто из них, кроме Семенова, не оставил после себя никаких записок и воспоминаний. Еще в 1905 году Софья Политовская опубликовала письма своего погибшего мужа. Несколько позже то же самое сделал отец лейтенанта Вырубова. В 1906 году профессор

Московского технического училища П.К.Худяков издал книгу «Путь к Цусиме», посвятив ее выпускникам училища, погибшим на различных кораблях в Цусимском бою. Худяков вел большую переписку с родными погибших, в том числе и с матерью инженера-механика Федюшина. После революции А.С.Новиков-Прибой разыскал Софью Владимирскую — вдову старшего артиллериста «Суворова», которая разрешила ему почитать некоторые письма своего мужа, главным образом те, где он ругает адмирала Рожественского. А в 1930 году во Франции были опубликованы воспоминания вице-адмирала Коломейцева — бывшего командира миноносца «Буйный». Благодаря этим материалам более-менее мне удалось восстановить трагедию флагманского корабля 2-й Тихоокеанской эскадры. Я говорю «более-менее» не только потому, что у меня явно не хватает знаний и таланта для восстановления таких событий, но потому, что трагедию «Суворова» просто невозможно передать словами. Человеческий язык для этого беден, и то, что творилось на «Суворове», рассказать можно лишь примитивно и упрощенно. Надо иметь слишком большое воображение, чтобы правильно представить себе весь ужас происходящего на флагманском корабле во время боя. Мы знаем, что раненому командующему в течение нескольких часов не была оказана медицинская помощь, что приказы офицеров не исполнялись деморализованным личным составом и что сами офицеры через некоторое время на все махнули рукой, слоняясь по кораблю или укрывшись под броневой палубой. Возможно, что куда, направляя стрелу в цель, парализует и саму цель, но на этот вопрос, конечно, ответа нет... Мы мысленно побывали во время боя повсюду: в боевой рубке, в центральном посту, в башнях, казематах и батареях, в радиорубках, в румпельном отделении, на носовом и кормовом мостике, в церкви, в машине, в помещении главных динамо-машин, в подбашенных отделениях, на перевязочном пункте, в операционной и даже в помещении подводных торпедных аппаратов. Но нигде мы не видели лейтенанта Петра Свенторжецкого — офицера, наиболее близкого к адмиралу Рожественскому, фактически руководившего штабом эскадры. Интерес-

но, что даже Новиков-Прибой, писавший свою «Цусиму» в такие годы, когда само слово «офицер» было в нашей стране синонимом ругательства и о царских офицерах положено было писать только плохое, дал Свенторжецкому следующую характеристику: «Из всех штабных чинов яркую личность представлял собой только один человек — старший флаг-офицер, артиллерист по специальности, лейтенант Свенторжецкий. Наряду со знанием своего дела и опытом, он, этот мужчина средних лет, крепкого телосложения, круглолицый, черноусый, с головой, гладко обточенной нулевой машинкой, обладал еще твердым характером. Это чувствовалось и в его речи, резкой и обрывистой, иногда безапелляционной, когда он был уверен в своей правоте. Держался он скромно, но в то же время независимо и с достоинством. Непосредственный его начальник — Клапье-де-Колонг — постепенно превращался в исполнителя его решений. Даже такой самодур, как Рождественский, не позволял себе распекать Свенторжецкого...»

Более того, Рождественский вообще не предпринимал ничего, предварительно не посоветовавшись со Свенторжецким. Только адмирал и Свенторжецкий были в курсе всей секретной информации, поступающей на «Суворов», при этом Свенторжецкий выполнял еще и обязанности шифровальщика, лично зашифровывая и расшифровывая депеши секретной корреспонденции. Капитан 2-го ранга Семенов пишет, что во время похода он очень сдружился именно со Свенторжецким, передавая почти со стенографической точностью содержание своих частых бесед с ним. Из многочисленных писем и официальных выступлений Свенторжецкого на совещаниях видно, с какой беззащитностью смотрел этот офицер на судьбу 2-й Тихоокеанской эскадры. Последняя запись в дневнике Семенова о разговоре со Свенторжецким датирована ночью с 12 на 13 мая. Семенов повстречал Свенторжецкого на мостике, тот был «мрачнее тучи». И все. Дальше, как обрезало. Ни Семенов, ни другие уцелевшие офицеры штаба более ни словом не упоминают о Свенторжецком. Особенно странно это выглядит у Семенова, который очень подробно описывает собы-

тия на борту «Суворова» во время боя, не говоря при этом ни слова о судьбе своего лучшего друга. Спасшиеся флаг-офицеры, для которых Свенторжецкий был непосредственным начальником, в своих обширных показаниях следственной комиссии также совершенно не упоминают о нем, как будто его и не было. Мы видим, что в боевой рубке и на переднем мостике Свенторжецкого не было, не было и на заднем мостике, не было и в центральном посту, не было его даже на перевязочном пункте. А между тем судьбу всех без исключения остальных офицеров штаба можно проследить с достаточной точностью. Вспомним: капитан 1-го ранга Клапье-де-Колонг, флаг-капитан — в начале боя находился в боевой рубке, был ранен, спустился по скоб-трапу в ЦП, перешел на батарейную палубу, оттуда перебрался на срез правого борта, снят на «Буйный», попал в плен; полковник Берсенов, флагманский артиллерист — находился в боевой рубке, убит в самом начале боя осколком, попавшим в голову; полковник Филипповский, флагманский штурман — находился в боевой рубке, ранен, спустился в ЦП, откуда управлял броненосцем; вызван наверх по приказу Рожественского, снят на «Буйный», попал в плен; лейтенант Леонтьев, флагманский минер — находился в радиорубке, в румпельном отделении, на перевязочном пункте, в помещении динамо-машин, в помещении подводных минных аппаратов, легко ранен, снят на «Буйный», попал в плен; Политовский, флагманский корабельный инженер — находился на операционном пункте, помогая врачам, погиб вместе с броненосцем; капитан 2-го ранга Семенов — находился повсюду, ранен, снят на «Буйный», попал в плен; Лейтенант Свербеев, старший флаг-офицер — находился в боевой рубке, тяжело ранен в начале боя, отправлен на операционный пункт, погиб вместе с броненосцем; лейтенант Новосильцев, флаг-офицер — находился на кормовом мостике, ранен в начале боя, отправлен на операционный пункт, погиб вместе с броненосцем; лейтенант Кржижановский, флаг-офицер — находился в боевой рубке, легко ранен, направился в румпельное отделение, затем на перевязочный пункт, в машину, на батарейной палубе встретил флаг-капита-

на, перешел с ним на срез, снят на «Буйный», попал в плен; мичман Церстелли, флаг-офицер — находился в боевой рубке и на переднем мостике, ранен в начале боя, направлен на перевязочный пункт, погиб вместе с броненосцем; мичман Козакевич — находился на кормовом мостике, ранен в начале боя, направлен в операционную, погиб вместе с броненосцем; мичман Демчинский, флаг-офицер — находился на переднем мостике, легко ранен, руководил борьбой с пожаром на батареейной палубе, снят на «Буйный», попал в плен.

А что же случилось с лейтенантом Свенторжецким?

Случилось, видимо, что-то необычное, если о нем начисто забыли. Адмирал Рожественский, давая обширные показания различным комиссиям и судебнопоследственным органам, не упомянул Свенторжецкого ни разу даже мимоходом. Капитан 1-го ранга Клапьеде-Колонг, отвечая на дополнительные опросные пункты Следственной комиссии, упомянул Свенторжецкого следующим образом: «...старший флаг-офицер лейтенант Свенторжецкий и я считали, что хорошего, удачного исхода ждать было нельзя. Частное письмо этого погибшего офицера, посланное с Мадагаскара 25 января 1905 года, то есть за пять месяцев до Цусимы, лучше всего излагает будущую судьбу эскадры...» Капитану 2-го ранга Семенову комиссия поставила прямой вопрос о характере служебной деятельности лейтенанта Свенторжецкого: «Еще вопрос о характере служебной деятельности лейтенанта Свенторжецкого. Могу подтвердить, что лейтенант Свенторжецкий, старший флаг-офицер, ведал всей секретной перепиской адмирала и, за исключением флаг-капитана, был единственным лицом, вполне в ней осведомленным. Что касается его осведомленности в настроении, взглядах и намерениях адмирала, то смело можно сказать, что непосредственно докладывая телеграммы, получая ответы адмирала на них для шифровки, часто производя эту работу в каюте адмирала и в его присутствии, он имел наиболее случаев слышать и знать самые сокровенные мысли своего начальника лучше и полнее, чем даже флаг-капитан. Высказывал Свенторжецкий в своих письмах взгляды личные или общие? Решить

трудно. Были ли это взгляды адмирала? Ответить может только сам адмирал...»

Лейтенант Леонтьев: «Некоторые мало верили в успех эскадры. К таковым принадлежал, например, лейтенант Свенторжецкий, погибший в бою...» Да, лейтенанта Свенторжецкого все считают погибшим на «Суворове». Но при каких обстоятельствах? В 7-й книге Исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904-1905 годов при МГШ, на странице 164 говорится: «Было приказано... миноносцу «Бедовому» подойти к «Суворову» и принять с него оставшихся там чинов штаба полковника Берсенева, лейтенанта Свенторжецкого и Свербеева». Странность этого сообщения очевидна. Полковник Берсенев и лейтенант Свербеев погибли в самом начале боя, и об этом не могли не знать или забыть офицеры штаба, отдавшие этот приказ. Так что же произошло? Слабый ключ к разгадке нам неожиданно предоставляет таблица потерь в личном составе, помещенная в той же 7-й книге работы Исторической комиссии при МГШ на странице 220. Среди 38 погибших офицеров броненосца «Князь Суворов» 9 значатся убитыми, 28 — погибшими по невыясненной причине и один... утонувшим. Что значит «утонувшим»? В конце концов все остальные тоже утонули. Почему понадобилось отдельно от погибших в бою выделять одного «утонувшего»? И ответ напрашивается сам собой: в ночь с 13 на 14 мая лейтенант Свенторжецкий, под воздействием нервного стресса, вызванного упадническим настроением, выбросился за борт. Другого объяснения этого загадочного случая у меня нет.

* * *

Сразу же после окончания русско-японской войны было решено построить храм-памятник, который стал бы «символом братской могилы для погибших без погребения героев-моряков». Уже в 1906 году, во дворе Церкви Милующей Божьей Матери в Гавани, был поставлен временный сруб, украшенный иконами покойного командира «Суворова» капитана 1-го ранга Игнациуса. Одновременно был учрежден Комитет для сбора средств на постройку каменного храма-па-

мятника. Комитет находился под покровительством Императрицы Александры Федоровны, королевы Эллинов Ольги Константиновны и Великого князя Константина Константиновича. Быстро было собрано 273 тысячи рублей, причем почти треть этой суммы пожертвовал Государь Николай Александрович. Крупные суммы пожертвовали остальные члены царской фамилии, родственники погибших офицеров, экипажи кораблей, личный состав воинских частей. Рубли и медяки внесли матросские вдовы, инвалиды русско-японской, турецкой и крымской войн. Как и при создании храма Христа Спасителя в Москве, вся Россия откликнулась на строительство храма-памятника морякам.

Проект памятника был заказан крупнейшему зодчему начала XX века М.Перетятковичу. Храм был заложен 15 мая 1910 года. Работы под руководством инженера-строителя С.Н.Смирнова шли фантастически быстро, и 31 июля 1911 года храм-памятник был уже освящен в присутствии Царя под салют стоящих на Неве боевых кораблей возрождающегося флота. Храм получился уникальным. Построенный в старорусском стиле, облицованный белым камнем, он исключительно красиво смотрелся с Невы, замыкая перспективу Английской набережной. Прекрасные мозаики были выполнены по эскизам В.М.Васнецова и Н.А.Бруни, каменные рельефы на фасаде создал выдающийся скульптор Б.М.Сикешин. В храме было две церкви: верхняя — во имя «Спаса на водах», нижняя — во имя Николая Чудотворца. Иконостас в древневизантийском стиле был выполнен из светло-серого камня, а царские врата — по типу древних ростовских церквей. В алтаре помещались в три ряда изображения из мозаики. В верхнем ряду — почти шестиметровое изображение Спасителя, идущего по водам, во втором — большое изображение Таинства Евхаристии. Нижняя церковь была также отделана в стиле ростовско-ярославских церквей и находилась почти под землей, подчеркивая скорбь. Алтарные царские двери нижнего храма были очень древними, времени Ивана Грозного, новгородского письма, пожертвованные инженером-строителем Смирновым. Королева Эллинов Ольга Константиновна пожертвовала храму древнюю

икону Шуйской Божьей Матери, а Великий князь Константин Константинович написал посвящение, выбитое на мраморе перед входом в храм:

**РОССИИ СЛАВА, ГОРДОСТЬ
И ЛЮБОВЬ,
ЗА ПОДВИГ ВАШ,
СТРАДАНИЯ И КРОВЬ
МЫ СКОРБЬЮ ПЛАТИМ
ВАМ И ВОСХИЩЕНЬЕМ.**

А ниже золотом горела надпись «Иждивением русского народа для вечного поминовения моряков, погибших в войну с Японией». Но не это, вернее не только это, придавало храму небывалую уникальность, а бронзовые мемориальные доски, висевшие на стенах и колоннах верхнего храма, с названиями погибших кораблей и фамилиями погибших на них моряков. Над каждой доской помещалась либо корабельная икона, либо икона работы доблестного Василия Васильевича Игначиуса. На одной из бронзовых плит было выбито:

2-я ТИХООКЕАНСКАЯ ЭСКАДРА

Эскадренный броненосец

«КНЯЗЬ СУВОРОВ»

В бою 14 мая 1905 года у о-ва Цусима

ПОГИБЛИ:

ШТАБ КОМАНДУЮЩЕГО 2-Ю ЭСКАДРОЮ ТИХОГО ОКЕАНА

капитаны 2-го ранга:

**Флагм.минный офицер ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ
МАКЕДОНСКИЙ**

Флагм.арт.офицер ФЕДОР АРКАДЬЕВИЧ БЕРСЕНЕВ

Ст.флагм.офицер лейтенант ПЕТР ВЛАДИМИРОВИЧ СВЕНТОРЖЕЦКИЙ

Ст.флагм.офицер лейтенант СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ СВЕРБЕЕВ

Мя.флагм.офицер лейтенант АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ НОВОСИЛЬЦЕВ

Мл.флагм.офицер мичман ГЕОРГИЙ РОСТОМОВИЧ князь ЦЕРЕТЕЛЛИ

Мл.флагм.офицер мичман ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ КОЗАКЕВИЧ

И.д.флагм.инж.-мех.полковник ЛЕОНИД НИКОЛАЕВИЧ СТРАТОНОВИЧ

Флагм.кор.инж.Ст.суд.ЕВГЕНИЙ СИГИЗМУНДОВИЧ ПОЛИТОВСКИЙ

СУДОВЫЕ ОФИЦЕРЫ:

Командир капитан 1-го ранга ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ИГНАЦИУС

Старший офицер капитан 2-го ранга АНДРЕЙ ПАВЛОВИЧ МАКЕДОНСКИЙ

Ревизор лейтенант ПЕТР ИЛЛАРИОНОВИЧ ОРНАТОВ

Ст.минный офицер лейтенант НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ БОГДАНОВ

Мл.минный офицер лейтенант ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ ВЫРУБОВ

Ст.арт.офицер лейтенант ПЕТР ЕВГЕНЬЕВИЧ ВЛАДИМИРСКИЙ

Мл. арт.офицер лейтенант АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ПРОХОРОВ

Мл.арт.офицер мичман НИКОЛАЙ ИЛЬИЧ КУЛЬНЕВ

Ст.штурм.офицер лейтенант ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ ЗОТОВ

Мл.штурм.офицер мичман МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ КРАЕВСКИЙ

Вахт.нач.лейтенант АНАТОЛИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ РЕДКИН

Вахт.нач.лейтенант БОРИС АРСЕНЬЕВИЧ ДАНИЧ

Вахт.нач.мичман ВЛАДИМИР МИТРОФАНОВИЧ БАЛЬ

Вахт.нач.мичман АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ФРОЛОВ

Вахт.офицер мичман ВЛАДИМИР ЮРЬЕВИЧ ФОМИН

Вахт.офицер мичман ГЕОРГИЙ ИВАНОВИЧ ЖУКОВСКИЙ

Вахт.офицер мичман ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ ГОЛОВИН

И.д.ст.суд.мех. капитан БОРИС ВИКТОРОВИЧ ВЕРНАНДЕР

Прап.по мор.части ВЕРНЕР ИВАНОВИЧ фон КУРСЕЛЬ

Мл.суд.мех.поручик ПАВЕЛ СТЕПАНОВИЧ ФЕ-
ДЮШИН

Мл.суд.мех.поручик ГЕНРИХ РУДОЛЬФОВИЧ
КРИММЕР

Мл.суд.мех.поручик СЕРГЕЙ МИТРОФАНОВИЧ
МАЛЫГИН

Мл.суд.мех.прап.мех.части НИКОЛАЙ АЛЕКСАН-
ДРОВИЧ БЕЛЫЙ

Мл.суд.мех.прап.мех.части ГЕОРГИЙ ГОТЛИБО-
ВИЧ ГИРБУРГЕР

Ст.суд.врач надворный советник АЛЕКСАНДР
МИТРОФАНОВИЧ НАДЕИН

Мл.суд.врач коллежский асессор АПОЛОНИЙ МИ-
ХАЙЛОВИЧ МАТАВКИН

Капельмейстер ФРИДРИХ ДИТШ

Судовой священник отец НАЗАРИЙ 15 кондукто-
ров и 871 нижний чин.

В 1932 году по приказу Кирова храм-памятник был взорван, разрушен, сравнен с землей. Священные реликвии разворованы, уничтожены, осквернены, выброшены и развеяны по ветру. В 1934 году Киров получил пулю в затылок. Так Родина воздает своим героям...

Сохранились деревья, которые были посажены вокруг храма. Их можно видеть и ныне с противоположного берега Невы. Между ними иногда возникает призрак погибшего храма, поставленного в память погибших моряков и кораблей, будя воспоминания и скорбь...

Ленинград, июль-август 1983 г.

Спуск на воду броненосца «Князь Суворов»

«12 сентября состоялось в Высочайшем присутствии двойное торжество на Балтийском судостроительном и механическом заводе: закладка крейсера 2-го ранга «Алмаз» и спуск на воду эскадренного броненосца «Князь Суворов».

На торжество собрались с 10 час. утра высокопоставленные лица и депутации: от 62-го пехотного суздальского генералиссимуса князя Италийского, графа Суворова-Рымникского полка и от Варшавского суворовского кадетского корпуса. В исходе одиннадцатого часа под брeid-вымпелом Его Величества прошла из Петергофа по Неве мимо Балтийского завода, при восторженных криках «ура» собравшегося на набережной народа, Императорская яхта «Александрия», которая, поднявшись несколько выше Балтийского завода, кинула на Неве якорь. Государь сошел с яхты на Императорский паровой катер «Петергоф» и при восторженных криках народа отбыл к левой Царской пристани Балтийского завода. По выходе на пристань Его Величество прошел к месту закладки крейсера 2-го ранга «Алмаз». После закладки Его Величество прошел в каменный элинг завода. На пути следования рабочие завода имели счастье поднести Государю Императору хлеб-соль. Государь Император, приняв хлеб-соль, изволил в ответ на всеподданнейшее обращение депутации произнести следующие милостивые слова: «Спасибо вам за вашу хлеб-соль и за высказанные чувства. Трудитесь честно, ведите себя спокойно и не давайте смущать себя дурным людям, которые такие же враги Вам, как враги и Мне. Уверен, братцы, что вы впредь поддержите добрую славу Балтийского завода». Дружное, несмолкаемое «ура» было ответом на эти знаменательные слова. Поднявшись затем на верхнюю палубу уже построенного, готового к спуску броненосца «Князь Суворов», Государь Император обошел, здороваясь, стоявший на шканцах судовой караул, офицеров и

команду, опоясавшую по борту палубу броненосца. Осмотрев подробно новый колосс и приказав готовиться к спуску, Государь Император спустился по трапу и направился в Царскую палатку. На пути следования Его Величество обошел и удостоил милостивых распросов прибывшие к морскому торжеству депутации.

Когда Его Величество вошел в Царский шатер-палатку, раздался стук молотка, началась выбивка последних подпор, удерживавших гиганта прикованным к полозьям. С грохотом полетели в разные стороны подпорки, и колоссальный броненосец сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее полетел вниз по заранее стросенному скату. Наконец, он вылетел, как стрела, из темной пасти эллинга и бурно вспенил невскую воду, врезавшись в нее кормой. От его движения в реке поднялся огромный вал, величественно прошедший до другого берега и закачавший все мелкие суда кругом: яхточки, парходы, катера.

Около двенадцати часов Государь Император, Ее Величество королева Эллинов с августейшим сыном королевичем Христофором и Великий князь Константин Константинович отбыли на паровом катере «Петергоф» на стоящие на Неве и уходящие в скором времени на Тихий океан крейсера: 1-го ранга «Диана» и 2-го — «Новик». Государь Император подробно осмотрел суда и пожелал им счастливого плавания. Этим высочайшим смотром судов закончились описываемые морские торжества 12-го сентября».

«Нива», № 39, 1902, стр. 778

В.И.СЕМЕНОВ (1867-1910)

В ночь на 20 апреля скончался капитан 2-го ранга В.И.Семенов, герой русско-японской войны и известный писатель. Покойный был сотрудником нашего журнала, и наши читатели наверное помнят прекрасные, яркие и живые рассказы и очерки его из морской жизни. Как писатель, В.И.Семенов выступал уже довольно давно, но особенную известность не только у нас, но и за границей (за границей даже более, чем у нас), он приобрел за последние три-четыре года. Крупную популярность создали ему его публицистические статьи по военно-морскому делу и воспоминания о морской войне с японцами, столь несчастной для нас. Эти воспоминания были художественно обработаны покойным в его трилогии: «Расплата», «Бой при Цусиме» и «Цена крови», имевшей особенный успех за границей. В сравнительно короткое время все три книги В.И.Семенова были переведены на все европейские языки, причем в Германии их издало морское министерство. Такой интерес, проявленный за границей к трилогии покойного, объясняется прежде всего, конечно, тем обстоятельством, что автор писал в ней личные впечатления, то есть то, чему он был непосредственным свидетелем. А ему пришлось быть свидетелем грандиознейшей военной катастрофы, которая поразила весь мир. Явный художественно-беллетристический талант пронизывает и другие произведения В.И.Семенова и его стихотворения, например, прекрасную поэму «Петропавловск», которая была напечатана в нашем журнале. Вообще приходится с горьким сожалением сказать, что в лице покойного бытописателя Цусимы безвременно погиб крупный писатель-художник. Последняя книга покойного — «Страшное слово» — свидетельствовала о полной зрелости его таланта, о выработавшемся художественном такте и чувстве, и о тех огромных шагах вперед, которые делал его талант. Но тут-то и подкралась смерть... Скончался В.И.Семенов всего 42 лет от роду — обидно рано, не совершив и десятой части того, что он мог и должен был совершить.

Босвая карьера покойного началась еще с боксерского восстания, когда он участвовал в штурме Таку. Затем он вновь выступил на боевом поприще с первых же дней русско-японской войны. Он участвовал во всех морских делах, происходивших после гибели адмирала Макарова, и особенно отличился в бою 28 июля, когда «Диана» прорвалась и ушла в Сайгон. Во время этого боя В.И.Семенов с громадным риском для жизни заделал подводную пробоину. После разоружения «Дианы» он бежал из Сайгона, не желая сидеть сложа руки, когда война еще была в полном разгаре. Явившись в Либаву, он вступил в состав 2-й Тихоокеанской эскадры и в штабе адмирала Рожественского совершил весь исторический поход русской армады вплоть до самой Цусимы. В бою при Цусиме В.И.Семенов получил тяжкие раны и, будучи перегружен вместе с Рожественским на миноносец «Буйный», а с него на «Бедовый», попал в плен к японцам. По возвращении в Россию был отдан под суд по обвинению в сдаче миноносца «Беловый». На суде, однако, выяснилось, что в день сдачи, несмотря на тяжкие раны, В.И.Семенов выполз наверх и требовал, чтобы миноносец шел полным ходом. Спустившись вниз, он потерял сознание и пришел в себя, когда миноносец был уже сдан. Узнав об этом, он пытался застрелиться, но доктор вырвал у него револьвер. Суд оправдал покойного, который все же не захотел более оставаться на действительной службе и вышел в отставку.

Покойный сотрудничал, кроме нашего журнала, в газетах «Русь» и «Новое время», а за последнее время в «Вестнике Европы». Он прекрасно знал японский язык, и в свое время с большим интересом читались его статьи о японской поэзии. Вообще, это был чрезвычайно даровитый и деятельный моряк-офицер и талантливый писатель, и кончина его — обидная утрата, о которой грустно писать...

«Нива», № 32, 1910 год, стр.412.